

[Polaris]

КОЛЬЦО С ИЗУМРУДОМ

Фантастика. Ужасы. Мистика

Том III

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССХХ

Salamandra P.V.V.

КОЛЬЦО С ИЗУМРУДОМ

Фантастика. Ужасы. Мистика
Том III

Составление и подготовка текстов
М. ФОМЕНКО

Salamandra P.V.V.

Кольцо с изумрудом: Фантастика. Ужасы. Мистика. Том III. Сост., подг. текстов и прим. М. Фоменко. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 226 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СССХІХ).

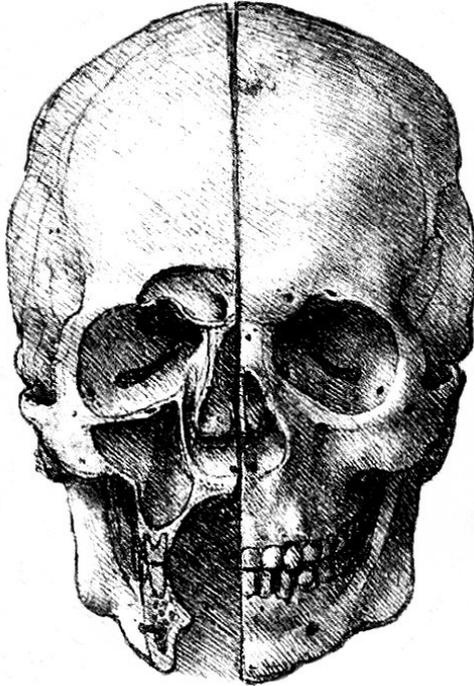
В сборник вошли раритетные фантастические, мистические и «ужасные» рассказы западных авторов первых десятилетий XX века. Эти произведения принадлежат в основном европейским писателям и в подавляющем большинстве своем никогда не переиздавались. Среди авторов читатель найдет как громкие и знаменитые, так и малоизвестные имена.

© Authors, estate, 2019

© М. Fomenko, состав, подг. текста, прим., 2019

© Salamandra P.V.V., оформление, 2019

КОЛЬЦО

С ИЗУМРУДОМ

Уильям Фриман

ЗАКЛЯТЫЙ ДОМ

Бересфорду дом понравился, и он высказывал это с неподдельным энтузиазмом. Особенно ему понравилась большая комната во флигеле, вся залитая светом, со стеклянным потолком, очевидно, предназначавшаяся для студии и теперь служившая курилкой. И сад был именно такой, о котором он мечтал.

Приглашение дядюшки явилось полной неожиданностью. После последней ссоры Бересфорд уже и не надеялся, что они когда-нибудь помирятся. Старик Дювернуа истратил кучу денег на то, чтобы сделать из своего племянника выдающегося архитектора; Бересфорд, вместо преуспевающего архитектора, предпочел сделаться совсем уж не преуспевающим художником и, вдобавок, совершил еще более тяжкое преступление — женился на Хильде Ден, тоже художнице, зарабатывавшей своими *blanc et noir** не больше тридцати шиллингов в неделю. И, тем не менее, дядюшка несомненно рад был его видеть.

Новый дом был высок, как башня. Он был построен на холме, среди высоких тополей и сосен, как бы стороживших его. Бересфорд рискнул спросить, сколько дядюшка платит в год за этот дом.

— Ничего не плачу. Дом — мой собственный: я его купил. И дешево. Год назад он стоил семь тысяч, даже больше, а я его приобрел за две. Душеприказчики Кейли, его владельца и строителя, рады были отделаться от него за какую угодно цену.

— Но почему?

— Так... есть причина... Ты, вероятно, заметил, что у нас совсем нет женской прислуги. На деревне говорят, что...

* Здесь: черно-белыми рисунками (*фр.*).

— Что в доме водятся привидения? — удивился Бересфорд. Дом был такой простой, уютный, будничный — совсем в другом роде, чем описывают дома с привидениями.

— Нет, не то. Но Кейли умер какой-то загадочной смертью, которой следствие не могло разьяснить. Пойдем в курильную — я расскажу тебе.

По пути Бересфорд восхищался убранством комнат — столько вкуса! Как раз то, что нужно — недаром Дювернуа хороший архитектор. Но сам дядюшка показался ему сильно постаревшим и усталым.

— Ну вот, слушай, — начал Дювернуа. — Надо тебе знать, что Кейли не только строил этот дом по собственному плану, но и лично надзирал за работами, чтобы быть уверенным, что его указания выполнены все до мелочей. С рабочими он обращался возмутительно — спроси подрядчика Уивера, что на Хай-стрит, он тебе порасскажет... Один из них, под конец стройки, наложил даже, говорят, заклятие на этот дом — чтобы, мол, никто не выжил в нем больше полугода.

— Ну, что же?

— Кейли был не такой человек, чтобы считаться с такими пустяками и, как только дом окончен был стройкой, по-

селся в нем вместе с м-сс Феннер, вдовой родственницей, которая вела у него хозяйство. Нанял прислугу: двух горничных, садовника, мальчишку для посылок. Поселился он здесь в начале лета. А 3-го сентября, в девять часов вечера, его нашли в холле с разбитым черепом.

Случилось так, что никто не видел и не слышал шума падения, но одна из служанок уверяла позднее, будто она слышала заглушенный крик. М-сс Феннер в тот вечер обедала в гостях, ее не было дома, но служанки догадались тотчас же послать за доктором. Он высказал догадку, что Кейли, должно быть, свалился с лестницы. Догадка показалась неправдоподобной, так как Кейли был приземистый и грузный, а перила на лестнице высокие — но спорить с доктором никто не стал. Его похоронили, дом достался м-сс Феннер, которая, если не ошибаюсь, вышла замуж, но жить в нем она

не пожелала; он пошел в продажу, и вот, как видишь, теперь достался мне. До сих пор я не имел оснований раскаяться в том, что приобрел его.

— Привидения пока не заявлялись? — пошутил племянник.

— Нет. Да и где бы им тут завестись? Дом очень светлый; вентиляция отличная. Мы с подрядчиком осмотрели здесь каждую пядь. И, если Кейли он обошелся в семь тысяч, мы оба можем поклясться, что это совсем недорого.

— Везет вам! — вздохнул Бересфорд, вспомнив, в какой убогой и тесной квартирке они жили с Хильдой.

— И всегда везло... Я рад, что ты приехал, хотя мог бы сделать это и раньше... Кстати, если ты хочешь поспеть к 9.30 на вокзал, тебе надо поторопиться.

Полчаса спустя они расстались на платформе. Хильда встретила мужа на вокзале и пришла в восторг от его рассказа о зачатом доме. Она была молода, здорова, уравновешена и не хотела верить, что в смерти Кейли могло быть что-нибудь загадочное. Ей страшно захотелось познакомиться со стариком Дювернуа и увидеть его дом — в особенности студию и сад.

Ровно неделю спустя, когда молодые супруги садились ужинать, мальчик-рассыльный подал телеграмму:

«Несчастный случай с м-ром Дювернуа. Приезжайте немедленно».

Хильда побледнела.

— Ответь, что ты выезжаешь со следующим поездом. Вещи я тебе уложу. Не забудь взять ручной саквояж, — наверное, тебе придется ночевать там. Может быть, дело и не так плохо, как ты думаешь.

Но Бересфорд был уверен, что дядя умер.

Ему посчастливилось попасть на последний поезд из Ватерлоо в Бэйбридж. С вокзала он взял извозчика. Возница как-то странно посмотрел на него, когда он сказал адрес: очевидно, трагедия, — он был уверен, что произошло нечто трагическое, — уже получила огласку.

Экономка, м-сс Бенфлит, встретила его на крыльце, высокая, худая, с заплаканными глазами.

— Я получил вашу телеграмму.

— Я нашла его лежащим на полу, на том же самом месте, где... где и другие...

— Он — он умер?

— Почти тотчас же. Единственное слово, которое он говорил перед смертью, было — «з а к л я т и е». Он как будто пытался что-то объяснить...

— Когда это случилось?

— Нынче утром, часов в одиннадцать. Я чистила серебро в кухне. Вдруг слышу крик и шум падения. Я выронила ложку и кинулась в холл. К счастью, на прошлой неделе мне удалось нанять девушку помогать на кухне, и вдвоем мы перетащили его в курилку. Она побежала за доктором. Но и доктор уж ничего не мог сделать... Следователь придет в пятницу. Я к пятнице вернусь. А сейчас уезжаю к сестре в Дульвич. Ни за какие деньги я не останусь ночевать в этом доме. Вот адрес, если я до тех пор понадобится вам. Там, в курилке, под часами письмо, которое бедный м-р Дювернуа хотел отправить, но забыл, как это часто с ним случилось.

Она сунула в руки Бересфорду связку ключей и удалилась, прежде чем он успел прийти в себя.

Постояв немного в нерешительности, он вошел в пустой и темный дом. В холле на него напал приступ панического страха, и лишь огромным усилием воли он заставил себя повернуть выключатель. В углу громко тикали стенные часы. Это был единственный звук, нарушавший тишину.

Он направился к двери курительной. Она была заперта на ключ. Он подобрал ключ из связки и вошел. На камине лежало письмо — на его имя:

«Милый Пол, — тебе, по-видимому, нравятся “Гранаты” и ты достаточно рассудителен, чтобы не считаться с глупыми слухами о них. И потому, после моей смерти, этот дом перейдет к тебе — на известных условиях. Мои душеприказчики — гг. Тильней и Рисс, из Линкольнс-инна. Твой Эдвин Дювернуа».

Бересфорд был ошеломлен. Он даже не мог сказать, рад он или испуган. Он сунул письмо в карман, запер дом и по-

шел в деревню. Надо было кой-чем распорядиться, повидаться с доктором и прочее. Но доктор не мог ничего прибавить к рассказу экономки; он тоже терялся в догадках... Бересфорд переночевал в гостинице и вечер просидел за письмом к Хильде. Из окна его спальни виднелась высокая крыша полученного им в наследство дома, высокая, как башня средневекового замка...

.

Следствие ни к чему не привело и ничего не выяснило. Старик Дювернуа, очевидно, упал с высоты и разбил себе череп при падении, но откуда, как и почему — это оставалось загадкой... Вернувшись в город, Бересфорд отправился к душеприказчикам. У них оказалось завещание Дювернуа, помеченное тем же числом, что и письмо к племяннику.. Старик отказывал ему дом и все свое состояние, — тысяч двадцать фунтов, — на одном условии: чтобы он не менее полугода после смерти дяди прожил в «Гранатах».

— Могу добавить, — заметил старший из душеприказчиков, — что м-р Дювернуа вставил это условие единственно с целью показать, что он не придает никакого значения мнимому «заклятию»... Вы сами навели его на эту мысль своим трезвым и разумным отношением к местному суевию.

Бересфорд кивнул головой и ушел советоваться с Хильдой. Он далеко не был уверен, что следует принять это наследство. Но молодая женщина решительно объявила, что, если «Гранаты» и вполтину так хороши, как он описывал, она готова идти на всякий риск, лишь бы стать их хозяйкой.

Два дня спустя они поехали в «Гранаты», посмотреть. Хильда была в восторге.

— Здесь даже коридоры имеют жилой вид, — восхищалась она. — Ты сравни только нашу квартиру и это!

— Я уже сравнивал, — ответил Бересфорд, сжимая ее руку.

Особенно ее привела в восторг курилка, которую они решили снова превратить в мастерскую. В сад идти было

уже поздно, — они решили подождать до завтра. Закусив провизией, купленной Хильдой в деревне, они решили переночевать здесь, и Бересфорд начал запира́ть входную дверь.

Жена окликнула его с первой площадки лестницы.

— Луна так чудно светит. Я пойду наверх. Оттуда, поверх сосен, вид должен быть чудесный.

Бересфорд, взясь с непослушным засовом, крикнул ей в ответ что-то невнятное.

Минуты через две безмолвие нарушил страшный крик, от которого у него кровь застыла в жилах. Не помня себя, он кинулся через холл вверх по лестнице, спотыкаясь, перепрыгивая через три ступеньки.

При лунном свете он увидел свою жену и над ней нагнувшуюся фигуру мужчины, приземистого, грузного, с включенной бородой и безумными, горящими глазами: мужчина держал за локти слабеющую женщину и тащил ее к перилам. При виде Бересфорда он остановился. Бересфорд, запыхавшийся, онемевший от

изумления, остановился тоже.

— Не подходи, брат, — захохотал мужчина, — не то я убью ее раньше, чем столкну. Других не приходилось подталкивать — они сами нашли дорогу. Я знал ведь, что они придут полюбоваться видом — этот дьявол, Кейли, и тот старик, что купил дом после него. Они пришли наверх одни и ушли вниз одни, и никто — ни следователь, ни доктор — не сумели объяснить, отчего они умерли. Они даже не знали, что Джек оставил им в наследство, — они не понимали, что с ними случилось... А теперь Джек сам пришел встретить новых владельцев. Что ты на это скажешь, брат?

Он ждал, гневно поглядывая на Бересфорда. Тот бешено искал в своем уме сколько-нибудь разумного плана действий — и ничего не мог придумать.

— Я сброшу ее вниз, — продолжал мужчина, — а затем погляжу, как ты уйдешь. Это составит четверых — троих мужчин и женщину.

— План недурен, — хрипло ответил Бересфорд. — Но я желал бы знать, как он осуществится.

Ему необходимо было подойти ближе, чтобы схватиться с сумасшедшим — он был уверен, что перед ним сумасшедший.

— Да очень просто. Если я дотронусь до одного местечка на полу...

— Которого? — спросил Бересфорд, придвигаясь к нему.

Мгновенно сумасшедший выпустил Хильду и кинулся на Бересфорда. Могучие руки схватили его поперек туловища, стиснули, словно в тисках...

— Тебя первого, потом ее...

— Ты слышишь? — задыхаясь, крикнул Бересфорд. До него донеслись шаги на мощеной дорожке возле дома.

Мужчина кивнул головой и стиснул его еще крепче.

— Слышу. *Они* пришли, наконец. Два дня *они* охотились за мной. Я прятался в кустах, потом влез сюда в окно... Здесь еды достаточно, и никто не тревожил меня. Пусть забирают меня — только раньше надо сделать дело. Ну-ка...

Бересфорд бешено отбивался, напрягая все силы. Две растерзанных фигуры в лунном свете возились на полу... Снаружи неистово звонил звонов у входной двери, сыпались удары к дверь, разносившиеся по всему дому, Хильда лежала в обмороке...

Бересфорд разглядел на полу небольшую овальной формы впадину и понял, что сумасшедший тащит его к ней, что для него самое важное — подтолкнуть противника к этому месту... Одолеет тот, кто сильнее. Сумасшедший, несомненно, был сильнее его. Руки его постепенно тянулись к горлу Бересфорда... еще несколько минут, и все будет кончено...

Звон и стуки прекратились. Шаги удалялись — по-видимому, с целью найти какой-нибудь иной способ проникнуть в дом. Сумасшедший, радостно сверкнув глазами, неожиданно высвободил свою правую руку и изо всей силы толкнул Бересфорда к перилам. Перила дрогнули, но не сломались.

Бересфорд уцепился за них и соскользнул на пол. Сумасшедший хотел было снова броситься на него, но зацепился за руку бесчувственной Хильды и упал вперед, попав коленом как раз посередине овальной впадины.

Задышающийся, леденев от ужаса, Бересфорд увидел, как кусок перил беззвучно и плавно отошел наружу, словно дверь; сумасшедший ринулся к ним, чтобы ухватиться, не поймал и, пронзительно вскрикнув, полетел вниз. Бересфорд слышал глухой звук падения с высоты пятидесяти футов. Перила, слегка щелкнув пружиной, снова беззвучно стали на место.

Бересфорд потерял сознание. Стон Хильды вернул его к жизни.

— Мы в безопасности? Где он?..

— Он... Погоди...

С трудом Бересфорд поднялся на ноги и, шатаясь, спустился с лестницы. Он хотел принести жене воды, но голос из холла окликнул его.

Внизу стояли трое — в форме, и третий, походивший на доктора. Это он и говорил:

— Мы опоздали. Если б мы пришли раньше...

— О, если б вы пришли раньше!

— Мы имели основание подозревать, что Джон Паркс, бежавший из лечебницы два дня тому назад, скрывается где-нибудь по соседству.

Бересфорд тупо кивнул головой.

— Он скрывался здесь.

— Парк был рабочий, слесарь, говорят, лучший рабочий в околотке. Он работал и при постройке этого дома, и Кейли, архитектор, по слухам, довел его до сумасшествия своими придирками. А теперь...

— Он едва не убил нас обоих, мою жену и меня. К счастью, ему не удалось. Заклятие — если оно и было — теперь снято. Я искал чего-нибудь, чтобы привести в чувство жену...

— Вот! — сказал доктор, вынимая флакончик из кармана. Затем он повернулся к другим. — Снесите его в комнату...

Бересфорд пошел вверх, где его ждала Хильда, бледная и дрожащая, но уже пришедшая в сознание...

К. Герульд

ТЕНИ БУДУЩЕГО

Я не верю рассказам о привидениях, призраках и прочей чертовщине. Не потому, что я не допускаю существования сверхъестественных явлений: наоборот, я глубоко убежден, что мы живем в полном неведении окружающего, и что нашим жалким чувствам открыта только неизмеримо малая доля истины. Однако, я знаю по опыту, что огромное большинство рассказчиков просто вдохновенно врет, упиваясь собственной выдумкой и впечатлением, которое они производят на слушателей. Ничтожный процент рассказчиков искренно верит в то, что говорит, но от этого их истории не становятся правдоподобнее... Просто увидел человек полотенце на стене при лунном свете, испугался до полусмерти и так с этим испугом и ходит до сих пор...

Нет, настоящие потусторонние истории случаются чрезвычайно редко! Думаю, что в истории человеческого сознания они насчитываются единицами. И одна из них приключилась со мной — то есть не со мной одним, а с нами тремя. Участвовали в ней, кроме меня, еще Вендер и Литней.

Не все еще забыли славного Литнея, друга моего детства. Мы с ним жили вместе на одной квартире вплоть до дня его женитьбы. Вскоре после этого я получил назначение в одно из наших дальневосточных посольств и потерял на несколько лет Литнея из виду. Моя дипломатическая карьера длилась недолго: я получил неожиданное наследство, подал в отставку и возвратился в Америку. Там я узнал, что Литней потерял свою жену: она умерла внезапно, в трагической обстановке. Я видел ее только один раз, в день свадьбы, но для меня этого было достаточно, чтобы понять, как тяжело должна была отразиться на моем друге потеря этой прелестной женщины.

Как я узнал, Литней действительно совершенно забросил свою адвокатскую практику и поселился в деревне. Там он купил большой, вновь отстроенный дом и зажил отшельником. Целые дни он читал и курил, изредка только выезжая по самым необходимым делам и никого у себя не принимая. Все эти подробности я узнал от нашего общего друга Вендера.

За это время я посетил Литнея несколько раз. Во время

последнего моего пребывания у него он неожиданно сообщил мне — притом, самым серьезным образом — что его дом посещают время от времени привидения! Я уже говорил, что в эти басни не верю. Естественно, что и в этом случае я не обратил внимания на слова полубольного человека и спокойно уехал по своим делам на север Америки.

Весной я вернулся к Литнею и сразу обратил внимание на то что он переселился из своей комнаты на втором этаже на веранду. Там он и ночевал, несмотря на недавние зимние холода. Кроме того, он перенес свою библиотеку из второго этажа в первый.

Я спросил его, почему он решил произвести эти перемены.

— Так удобнее, — ответил Литней. — Моя экономка — старуха, спит во втором этаже, а я поздно читаю и расхаживаю по комнатам. Я не хотел бы ее тревожить и потому перебрался вниз.

* * *

Однажды утром я вышел из своей комнаты, которую занимал во втором этаже, чтобы спуститься в библиотеку Литнея. Перед моей дверью была лестница, ведущая на третий этаж и слабо освещенная маленьким цветным окном.

Сделав несколько шагов, я случайно поднял голову и увидел на этой лестнице огромного негра, который перевесился через перила и следил за мной взглядом. Зная, что среди прислуги Литнея не было негров, я кинулся наверх по лестнице, чтобы узнать, в чем дело. Когда я добежал до того места, где стоял негр, он неожиданно выхватил нож, рванулся в мою сторону и я почувствовал, как лезвие оцарапало мне голову. Резким движением я опустил кулак на его руку, чтобы выбить оружие, но констатировал с удивлением и ужасом, что мой удар пришелся впустую. Негра уже не было, негр исчез... Я тщетно оглядывался во все сторо-

ны — нигде не было двери, через которую он мог бы скрыться.

«Эге», — подумал я и спустился вниз к Литнею.

— Я видел твое привидение! — выпалил я, едва войдя в комнату.

Эти слова доставили ему видимое удовольствие.

— Теперь ты мне веришь, — ответил он, улыбаясь. — Значит, ты тоже видел ее?

— Ее?

— Ну да... Ты ведь мне сказал только что, что ты ее видел.

— Не ее, а его, — возразил я с изумлением. — Его, громадного негра, который царапнул меня по голове.

Литней задумался.

— Странно, — прошептал он. — Ведь привидение — женщина...

— Где ты видел «твое» привидение? — спросил я Литнея.

— Она стояла, склонившись над перилами третьего этажа.

— Как она выглядела?

— Молодая, красивая, со странными глазами, одета в белое, с белым поясом. При этом она мне протягивала сложенную вчетверо бумагу.

Я помолчал, не зная, что сказать.

— А как выглядел «твой» негр? — спросил в свою очередь, Литней.

— Я уже тебе рассказывал: волосатый, с бородой, вроде зулуса.

— Странно, ничего не понимаю, — повторил задумчиво Литней. — Как это объяснить? Это стечение обстоятельств...

— Видишь ли, — начал я. — Появление этой дамы...

— Да я не о даме говорю, — перебил нетерпеливо Литней.

— Я говорю про третье привидение.

Это было уже чересчур! Три привидения в одном доме!

— Какое третье привидение? Ты уже просто бредишь.

— Это не я его видел, а Вендер.

— Вендер? И он тоже видал здесь привидения? Когда это

было?

— Месяцев шесть назад. Он приехал меня навестить и на него бросилась, на верхней лестнице, змея с высунутым жалом. Вендер очень расстроился и в тот же день уехал. «Настоящую змею, — сказал он, — можно случайно встретить один раз, а привидение будет на меня кидаться каждый день».

Это было уже совсем нелепостью. Я никогда не слышал, чтобы существовали змеи-привидения! Я пытался уговорить Литнея бросить этот дом, в котором он мог схватить нервную болезнь, и переехать куда-нибудь в более здоровое место, но он об этом и слышать не хотел.

* * *

Снова судьба разлучила меня с Литнеем. Я занялся крупными меховыми делами на севере, долго прожил на Аляске, потом уехал в Европу... Только десять лет спустя мне довелось вернуться в родные места. Я узнал, что Литней вторично женился. Молодые пропутешествовали некоторое время, а потом снова вернулись в Брайт и поселились в доме, в котором я когда-то гащивал у Литнея.

«Ну, значит, привидения ликвидированы, — подумал я невольно. — Тем лучше для Литнея, а то он мог серьезно свихнуться».

Несколько дней спустя я навестил своего старого друга. На крыльце меня встретила молодая жена Литнея; она мне очень понравилась с первого же взгляда и я порадовался, что Литнею удалось найти себе такую подружку жизни.

Вечером, за обедом, Литней был весел и шутил. Однако, когда мы остались одни в курительной комнате, лицо его омрачилось. Выпустив несколько клубов табачного дыма, он меня вдруг спросил:

— Ты помнишь про мое привидение?

— Что за ерунда! Я думал, что ты образумился, а ты опять за старое...

Литней снова несколько раз затянулся и сказал:

— Я не могу тебе всего сказать... Но есть вещи очень, очень странные...

* * *

На другой день утром жена Литнея сообщила мне, что он ночью захворал: у него был сильный припадок аппендицита, и она вызвала специалиста из Нью-Йорка.

Я решил не уезжать до прибытия врача. Навестить больного нельзя было — он задремал после бессонной ночи — и я провел все утро в библиотеке. Случайно около 11 часов мне понадобилось выйти, чтобы поискать в моей комнате одну книгу. Открыв дверь и сделав несколько шагов, я увидел мистрис Литней, которая свешивалась через перила и протягивала мне сложенный вчетверо лист бумаги; мне никогда не пришло бы в голову, что у этой хорошенькой женщины может быть такое злое лицо. В этот момент внизу раздался стук входной двери: я глянул вниз и увидел... мистрис Литней, которая прошла в комнату мужа, снимая на ходу пальто. Вне себя от изумления, я оглянулся на лестницу: первой мистрис Литней там не было, она исчезла, как бы испарившись.

В этот момент я понял с неопровержимой ясностью, что видел на лестнице призрак мистрис Литней. Он был одет в белое платье с белым бантом, какого никогда не носила при мне живая мистрис Литней.

.

К вечеру прибыл нью-йоркский врач, который посоветовал немедленно перевести больного в город для операции. Я неоднократно предлагал мистрис Литней свои услуги, но она почему-то категорически отказывалась. Так мой друг и остался на ночь в доме, без медицинской помощи.

На следующее утро, после весьма дурно проведенной ночи, я зашел навестить Литнея перед отъездом. Он лежал, окруженный подушками, и видимо страдал. В момент, когда я с ним прощался, жены в комнате не было — одна за чем-то вышла,

— Твоя жена — удивительный человек, — сказал я ему.

Литней метнул на меня глазами.

— О да, удивительный, — повторил он, подчеркивая последнее слово. Теперь, много лет спустя, я думаю, что понял значение этой интонации...

Когда я вышел в коридор и подымался по лестнице к себе, легкий шум привлек к себе внимание. Я взглянул наверх: мистрис Литней стояла наверху, перегибаясь через перила, и держала в руках сложенный вчетверо лист бумаги.

— Будьте добры позвонить в гараж, — обратилась она ко мне, — и вызвать автомобиль.

* * *

Литней умер под хлороформом: врачи сказали, что операцию сделали поздно. Он не оставил завещания, и все имущество перешло к жене, которая ликвидировала дела покойного, продала все недвижимое имущество — в том числе, и дом в Брайте — и возвратилась на свою родину. Что с ней стало — не знаю. Говорят, что она снова вышла замуж.

Теперь я разгадал все значение этой странной истории. По-видимому, лестница в доме Литнея находилась в таком месте вселенной, где людям дано было видеть некоторые моменты своего будущего. Я даже не пытаюсь объяснить это, ибо мы ничего не знаем о пространстве и о его свойствах. Допустим, что это был какой-то просвет в миры иного измерения, и дело с концом.

Жена Литнея была, должно быть, очень скверной женщиной, и видение с лестницы предвещало моему бедному другу несчастье и смерть. Я уверен, что бумага, которую мистрис Литней держала в руке, была завещанием ее мужа.

Между прочим, покойный неоднократно говорил, что откажет мне после смерти свою библиотеку: никогда не видал я его завещания... никогда...

Спустя два года я получил письмо от сестры Вендера. Она писала мне, что брат ее, колониальный чиновник в Индии, умер от укуса кобры. Очевидно, это было так же неизбежно, как и смерть Литнея. А еще через год я получил удар по голове от негра в Центральной Африке, куда меня занесли мои дела. Я знаю, что если бы я туда и не поехал, то получил бы этот удар от любого другого негра — в дансинге или просто на улице...

[Без подписи]

ПОРТРЕТ

Встретил я эту женщину в жалкой зале кафешантана. Все смотрели на ее лицо, бледное, как лист бумаги, и в глаза ее, в которых жило только одно выражение: испуг. Лицо ее было ангельской красоты. Она не была совсем молодой, это можно было видеть по сверкающим серебряным нитям в ее волосах. Но, кто только видел ее — сейчас же беспокойно искал вокруг взором, чтобы найти, что могло так сильно испугать эту прелестную женщину, и вокруг он встречал такие же обеспокоенные взгляды.

Станным казался концерт в этот вечер. Женщина передала всем свой испуг в глазах; все смотрели на нее, как загипнотизированные. Никто не мог слушать музыки, и мы тоже не слушали ее, боясь оторваться от лица странной женщины.

Она сидела неподвижно, жадно прислушиваясь к звукам; лишь изредка по лицу ее пробегала дрожь и она на мгновение прикрывала глаза веками, тяжелыми и как будто сонными.

Товарищ мой, художник, сидел возле меня и все время смотрел на эту женщину. Потом он наклонился ко мне и взволнованно спросил:

— Что ты видишь в этих глазах?

Я не сразу ответил ему и еще раз заглянул в эти глаза.

— Страх, ужас в них, — ответил я тихо.

— Я вижу в них смерть, — продолжал он шепотом, — в глазах этих нет жизни.

Я с волнением повернулся к нему, — он дрожал всем телом.

— ...Она мертва, — шептал он мне, — в этих глазах погасла жизнь в момент какого-то ужасного испуга... Кто она такая? Бледна она, как смерть... Смотри, как напряженно слушает она... О, Боже мой!.. Что она пережила! Ведь с такими глазами не рождаются, а умирают... Нет, таких глаз нет и у умирающих... Взгляни на нее!..

Женщина откинула назад голову и казалось, что это действительно мертвый человек. Но как хороша была она!

Концерт кончен. Она встает и своими чудными испуганными глазами ищет выхода. Вдруг из толпы подбегает к ней

какой-то господин, которого мы до сих пор не замечали, и, низко поклонившись, предлагает ей руку.

— Я знаю, кто он, — задумчиво произносит мой товарищ, — это врач!

Итак, она была больна и из глаз ее глядела страшная болезнь.

Женщина шла медленно, а врач бережно вел ее, поддерживая на каждом шагу. Всюду им уступали дорогу, как бы из жалости к прелестной женщине с такими прекрасными глазами.

Мы шли за ними, почему и зачем — этого мы сами не знали. Они вышли на бульвар. У подъезда ждали их лакей и автомобиль. Врач шепнул что-то лакею, и он с низким поклоном отошел, а они завернули в боковую улицу. Поздно было уже, улицы Парижа стояли пустынные. Мы молча шли за ними, погружаясь в свои думы. Они направлялись в шумный квартал Монмартра и остановились, к нашему удивлению, перед дверьми какого-то притона.

Они вошли, и мы за ними.

Посреди залы плясали две девушки, оркестр заливался, раздавались пьяные выкрики.

Она сидела у столика вместе с врачом. Мы снова смотрели на бледную женщину и не могли оторваться от ее чудесных, но страшных глаз. Я видел, как время от времени по лицу товарища моего пробегала дрожь. Мы пили, а перед глазами стояло все то же видение страха.

— Я знаю, почему она приходит сюда, — шепнул мне художник, — я знаю... Она боится себя и ночи.

— Себя и ночи?

— Да... В глазах ее застыл ужас, ей всегда нужны свет и люди, и музыка, и говор. Эта женщина видела смерть, почувствовала дыхание смерти над собой... Или, быть может, еще нечто, более страшное...

Мы все пили и пили под впечатлением несчастной, но прелестной женщины и вдруг снова встретились с ее глазами. Вздрогнула она, как и мы... Да... ничего не вижу я, кроме огромных глаз... Какой ужас в них! Я чувствую, что, если еще дольше буду смотреть в них — я умру. Но я не могу

оторваться, кровь приливает к голове, — Боже мой!

Вот вижу — алая полоса крови...

Это видение... Страшно... Страшно...

Зачем я смотрел в эти глаза?

.

Быть может, это был туман вина, который одурманивал мою голову, но то, что я увидел, было ужасно. Вот что сказали мне эти глаза.

.

Ее продали.

Ей было двадцать лет и она обладала самыми красивыми глазами в Париже и любила музыку и поэзию. Жизнь она знала только с солнечной стороны и была влюблена в поэта. Он подолгу целовал ее чудные глаза, пока отец однажды не сказал:

— Скажи ему, что два дня он может ждать тебя на улице за углом, но на третий я убью его, как собаку.

Слезы блеснули на ее глазах и отчаяние охватило ее сердце от слов отца.

— Ты его знаешь, отец? — спросила она.

Он хитро засмеялся.

— Я все знаю, но больше ты не увидишь его!

— Почему?

— Потому, что это нравится мне. Этого достаточно? А если не достаточно, то я привяжу тебя к кровати, как дикого зверя. А его с лестницы спущу... Если ты начнешь говорить, как сильно ты любишь его и как безумно он любит тебя, — я за себя не ручаюсь... Через два дня ты выйдешь замуж.

— О, Боже!

— Через два дня ты будешь женой человека, который влюблен в тебя.

Она сделала отчаянный жест.

— Довольно! — крикнул отец. — Все будет так, как я сказал.

И девушка с прекрасными глазами вышла замуж за богача. Она сквозь слезы увидела его глаза ястреба и огромные руки его притронулись к ней, надевая на белоснежную шею ее какое-то ценное кольцо.

Целые ночи проводила она в слезах.

Она плакала тихо, потому что боялась этого человека с тяжелым взглядом. Когда, полупьяный, он ласкал ее, она, точно неживая, лежала в его объятиях.

Потом он увез ее в старый замок свой.

Словно контуры мрачной тюрьмы, глядели на нее стены сурового здания.

Муж был весел и разговорчив.

— Это твой замок, — сказал он ей.

Она равнодушно смотрела на роскошные комнаты, устланные коврами. И жизнь шла по-прежнему томительно и тяжело. При виде мужа она бледнела и начинала дрожать от страха и отвращения. Стала она худеть, тосковать. Желаний не было больше у нее, сидела она часами в большом кресле, глядя на дрожащие лучи солнца.

И когда он вечером возвращался из леса — наступало для нее мучение. А потом она горячо молилась, чтобы смерть унесла отсюда ее или его.

Как-то раз он уехал, и стало как будто легче дышать ей и всем вокруг.

Открыла она большое окно, выглянула в парк. Стояла ночь и сквозь тучи с силой пробивался месяц. Высокие деревья шелестели, легкий ветер проносился по ним.

Тихо было в замке. И женщина с прекрасными глазами слышала, как ветки деревьев ударяют по стеклу окна.

Вдруг ей послышалось, будто над ней в комнате раздаются шаги. Она прислушивалась, сдерживая дыхание в груди. Да... шаги... Тяжелая, ровная поступь.

Сердце замерло у нее. Она знала, что там наверху вышла, но в ней никто не жил. Шаги казались далекими, но слышались явственно. Лоб ее стал влажным. Быстро закружились мысли — прислуги не может там быть, все спят уже, и

не злодей это, потому что не скрывается и не торопится он.

Сердце забилося сильнее. И вдруг исчез страх и она, бледная, но спокойная, зажгла свечу, шепотом подозвала собаку. Из коридора шла лестница на чердак, — она поднялась по ней, — любопытство овладело ею. У дверей она остановилась и приложила ухо к тяжелым дубовым дверям.

Шаги замолкли...

Тихо было кругом.

Она собрала все силы и толкнула дверь.

Заперто... но ключ в замке. Она с трудом повернула ключ — приподняла свечу и вошла.

— Боже! — тихо вскрикнула она. Напротив нее в отдалении стоял человек.

Она прислонилась к стене и похолодела от испуга. Никого здесь не было, в этой комнате, но кто-то смотрел на нее. Она чувствовала чей-то взгляд и не могла решиться поднять глаза.

И внезапно, неожиданно для себя, словно чужим голосом крикнула она:

— Кто ты?

Ответа не было.

Она подняла глаза и увидела его.

—Кто? Кто ты?

Никто не отвечал.

Она провела рукой по глазам и подняла свечу. Перед ней стоял портрет. Но, если это картина и никого здесь больше нет, то чьи шаги раздавались здесь, в этой комнате? Она оглянулась. Никого не было. Стены стояли пустые, дверь только одна, в которую она прошла, окна наглухо закрыты. Однако, собака испуганно жалась к ней...

— Это галлюцинация, —подумала она и поднесла свечу к портрету.

Отскочила назад, бледная, как мертвец... Какие глаза...

Это была громадная картина, доходящая от пола до потолка, в старой позолоченной раме. На картине стоял человек и внимательно смотрел на нее. Ах, как он смотрел... Молодой, удивительной красоты мужчина. Он стоял, опираясь на мраморную колонну, а рука его лежала на украшенной ру-

бинами рукоятке кинжала, прикрепленного к поясу. Лицо было бледное и губы разомкнулись. Глаза горели, черные, как карбункулы.

Стоял и смотрел.

Женщина с прекрасными глазами перед этим образом забыла обо всем, глядя на бледное лицо, застывшее в глубокой думе. Она придвинула старое кресло и опустилась в него, напротив картины, и смотрела, смотрела, прищунив глаза... И казалось ей, что прекрасный юноша тоже любит-ся ею, казалось, будто он нагибается, покидая старое полотно, будто она слышит горячее дыхание его, и в сладком забыть-е она протягивала губы прекрасному призраку... Безумное наслаждение охватило ее — она глубоко вздохнула, тихо прошептав:

— О, князь, мой милый.

В это мгновение собака возле нее жалобно взвизгнула и прижалась к ее ногам.

Пробужденная от дивного сна, раскрыла она глаза... Нет, нет, это не было привидение: она смотрела и видела, как чудный юноша, ухватившись за золоченую рамку портрета, словно за раму окна — нагнулся вперед и смотрел на нее страстным взором влюбленного.

Она вскрикнула и видение исчезло. Юноша стоял на картине, опираясь рукой на усеянную рубинами рукоятку кинжала.

Засинели стекла окон — еще мгновение и лучи солнца заиграют в них. Догорала свеча беспокойным, трепыхающимся пламенем. Утренний холодок обдал женщину. Она с трудом поднялась с кресла, вся дрожа от холода, потом подошла к портрету и, в каком-то странном забыть-е, приподнявшись на пальцах, коснулась губ прекрасного юноши. О, ужас, уста его горячие! В страхе, в безумии схватила она себя за волосы и с силой дернула прядь. Что с ней? Она не может оторваться от портрета! В его глазах теперь как будто тоска и томление...

Она пришла к себе в спальню измученная, растерянная, упала на постель обессиленная. Казалось ей, что он тут, возле нее, что он ласкает ее лоб и волосы.

— Князь мой, князь... — тихо шептали уста ее.

Сквозь сон она слышала над собой чьи-то шаги. Когда она проснулась, руки у нее дрожали и на душе было беспокойно.

Муж вернулся в полдень. Она впервые ждала с нетерпением возвращения его. Когда он заметил, что она ищет его взгляда, — она, которая всегда избегала его, — он заволновался.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Я хотела спросить тебя...

— Где я был?

Она замолкла и ушла. Он слышал, как она подымалась тихо и осторожно по ступеням лестницы, ведущей в комнату с картиной. Он пошел за ней. Она стояла, опираясь на стол, с бесконечной радостью глядя на портрет.

— Зачем ты здесь? — крикнул муж.

Она с ужасом вздрогнула.

— Чего тебе? — грубо повторил он. Затем, указывая на портрет, с хитрой усмешкой:

— Что, красавец?

Она прошептала, словно эхо:

— Красавец, — красавец!

У мужа злобно перекопилось лицо.

— Во всяком случае, он красивее меня... Но это и не мой предок, я купил портрет с места с замком... Ха-ха! Нравится тебе? Но, так как он не мой предок, то я могу и опозорить его...

И со злой усмешкой он грубо приблизился к портрету и плюнул в бледное прекрасное лицо.

Она хотела вскрикнуть, но голос ее замер, а муж побледнел и с ужасом отскочил. Оба они увидели, как побелел, точно живой, чудный юноша на портрете, как глаза его вспыхнули, словно огонь, как задрожал он весь и как затрепетала рука его на рукоятке кинжала.

— Что... что это было? — первым прервал тишину муж.

А потом он закричал:

— Вон отсюда! Сейчас же! Портрет сжечь! Сжечь его... Все сжечь, — полотно и раму — все.

Ужас охватил его. Он приказал сжечь картину, но уже было поздно и пришлось отложить уничтожение ее на утро. Муж ходил измученный, без сна.

— Где барыня? — спросил он прислугу.

— Кажется, наверху, — был ответ.

— Давно ли пошла туда?

— Час тому назад.

Злоба охватила его и пересилила страх. Сердце стучало громко и тревожно. Он, тихо крадучись, пробрался наверх. У дверей он остановился, стал прислушиваться... Тихо все, — но вот как будто легкий стон... стон радостный, сладостный... Он стоял в каком-то оцепенении, не понимая, что это значит, откуда эти звуки.

Наконец, осторожно нажал ручку дверей...

Несколько свечей освещали большую комнату, стояли белые и недвижимые, как будто немая стража страшного дела. У самого портрета на диване лежала сна, полунагая и прекрасная, как лепесток белой розы. Губы ее были раскрыты и глаза полузакрыты, и вся она дрожала и трепетала в сладостном томлении. Казалось, какие-то дикие чары охватили ее... А он, прекрасный князь, наклонился к ней, жег ее очами своими, покорял ее безумным страстным взглядом.

Муж стоял, как статуя, прислонившись к стене, и вдруг бросился к ней и ударил ее. Безумный крик вырвался из ее груди. Тогда случилось нечто страшное.

С быстротой молнии прекрасный юноша на портрете взмахнул кинжалом и всадил его в грудь мужа. Тот глухо вскрикнул и упал мертвым. Но на груди его не было следов крови.

— Странно... странно...

Ужас тронул ее рассудок, ужас застыл в ее глазах навсегда. В глазах ее скрыта ужасная тайна...

.

Я не обезумел, приятель! И это не от вина... Клянусь тебе, что все это я видел в ее прекрасных глазах, в шантане на

Montmartre... Я знаю, что она никогда не спит, что она боится ночи и себя...

— Уйдем отсюда, ради Бога, уйдем!

.

К солнцу! К солнцу!

Д. Роппе

**СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ Д-РА
ОВЕРНЬЕ**

Странный случай Д-ра Овернье

Женщина, собиравшаяся подняться на вторую ступеньку, внезапно остановилась в нерешительности. После минутного колебания, она неуверенными шагами сошла на мостовую и опять начала нервно прохаживаться перед домом доктора Овернье.

Вечер сгущался быстро, а затяжной дождь наложил на влажные поверхности серых крыш холодные отблески. Было холодно, но незнакомка дрожала не столько от сырости, пронизывавшей ее, сколько от волнения.

Ведь прошло уже больше часа с тех пор, как она пересекла темную площадь и нашла нужный ей дом! Более часа не хватало решимости сделать последний шаг и постучать в заветную дверь!

Временами, сделав усталое движение рукой, женщина резко поворачивалась и поспешными шагами пересекала мостовую. Удалившись от докторского дома, она, однако, неизменно возвращалась обратно. Внезапно, решившись на все, женщина подняла дрожащую руку и нажала кнопку звонка.

* * *

— Итак, вы жалуетесь на бессонницу, беспричинную усталость и постоянное ощущение тяжести в затылке?

Доктор Овернье поднял голову и впервые внимательно оглядел пациентку. Он увидел молодую, худощавую женщину, светлую блондинку, со впавшими глазами и восковым цветом лица.

Неумело наложенный румянец не мог скрыть мертвенной бледности.

Что у нее? Рак? Туберкулез?

Но симптомы серьезной болезни отсутствовали.

«Нет, — подумал доктор Овернье, — здесь что-то другое. Мне кажется, она и сама не надеется на то, что исследование выяснит причины ее недомогания. Надо заставить ее разговориться...»

Доктор сказал вслух:

— У вас, вероятно, утомительная профессия?

— Я служу на почте.

— Вам приходится много работать?

— Да, летом, когда много дачников. Но теперь затишье.

«Так, — подумал про себя Овернье. — Значит, причина не в переутомлении. Может быть, романтика?»

— Скажите: вы замужем? — обратился он к пациентке.

Та отрицательно покачала головой.

— Видите ли, мадемуазель, — продолжал доктор, — я принужден быть нескромным и настойчивым. Если вы не замужем...

Незнакомка перебила его:

— У меня есть любовник.

Она принужденно улыбнулась и прибавила:

— Но это не то, что вы думаете.

Доктор вторично пристально взглянул на незнакомку. Свет лампы, падавший прямо на нее, позволил различить странную, раньше им не замеченную напряженность больших, неподвижных зрачков.

Наступило молчание. Овернье не сводил взгляда с пациентки, с которой происходило что-то странное: пальцы ее все крепче сжимались, словно она цеплялась за край стола, а дыхание становилось все прерывистее. Выражение лица преобразилось: резче выступили морщины, рот сжимался все плотнее, а в глазах, неподвижно устремленных на лам-

пу, загорелся лихорадочный блеск.

«Случай становится интересным», — подумал про себя доктор. У него мелькнула мысль, что это — начало эпилепсии. Опасаясь припадка, он приготовился вскочить в любую минуту, чтобы подхватить пациентку, едва та зашатается. Но минуты проходили, припадок не наступал, а пациентка оставалась все в том же неестественно вытянутом положении. Губы ее дрожали, и казалось, что она пытается заговорить через силу.

Овернье привстал и протянул руку, чтобы ободрить ее. Но та нервно вскрикнула:

— Не трогайте меня!

«Какая странная интонация. Такой глухой, монотонный голос бывает у сомнамбул», — подумал доктор.

Он не успел закончить свою мысль. Резким, порывистым движением незнакомка бросилась по направлению к двери. Овернье вскочил, чтобы задержать ее, и уронил при этом лампу, которая разбилась. Наступившая темнота, однако, не помешала незнакомке найти дверь.

Когда доктор выбежал из кабинета, в конце коридора раздался звук открываемой двери и мелькнул свет с лестницы. Доктор Овернье выбежал на площадку, но лестница была уже пуста.

* * *

Впечатление странного посещения накануне не покидало доктора в течение всего следующего дня.

Забытые при поспешном бегстве пальто, шляпа и сумочка сильно интриговали доктора и, после некоторого колебания, он решил эти вещи осмотреть.

Тщательный осмотр сумочки не дал, однако, интересных результатов: пудреница, напильник для ногтей, палочка ружа*, несколько монет и месячный железнодорожный билет на имя Марии Сандар. Наклеенная на билет фотогра-

* Помады.

фическая карточка запечатлела то же странное, напряженное выражение, которое привлекло его внимание вчера.

Доктор задумчиво потер подбородок. В его памяти постепенно возникло смутное воспоминание. Задумавшись о незнакомке, он машинально вынул карандаш и стал писать на лежавшем перед ним листе газеты:

«Почтовая чиновница»... «Фамилия любовника»... «Почтовое отделение Момельян».

Внезапно доктор вспомнил. Действительно: три недели тому назад он как-то вечером был вызван в Момельян к ребенку, заболевшему перитонитом. На обратном пути он зашел в местное почтовое отделение, чтобы вызвать автомобиль скорой помощи.

В памяти доктора отчетливо встали желтые конторки, трое сторбившихся над ними чиновников, сухой жар центрального отопления, запах дешевой пудры и духов, и... в левом углу чиновница, внезапно положившая перо и не спускавшая с него взгляда.

Ну да, конечно, это была его вчерашняя пациентка!

Доктор снова занялся осмотром сумочки. Подкладка в одном месте была прорвана, и пальцы Овернье наткнулись на листок бумаги.

Это была вырезка из «Оккультного ежемесечника», которая пестрела объявлениями гадалок, гипнотизеров и перечнем соответствующей литературы.

Оккультизм!..

Может быть, она — медиум? Может быть, у нее всего-навсего нервное переутомление, связанное с этим свойством?

Доктор Овернье заказал по телефону автомобиль.

* * *

Почтовое отделение в Момельяне было, по случаю воскресного дня, закрыто. Автомобиль доктора остановился перед соседней колониальной лавочкой, где он получил нужную справку: мадемуазель Сандар живет на самой окраине,

у моста через Изер.

«Это становится более похожим на криминальный роман — нежели на медицинское исследование!» — улыбнулся про себя доктор и отправился пешком по указанному адресу.

Ему открыла дверь сама пациентка. Выражение изумления, появившееся у нее на лице, внезапно перешло в выражение ужаса, когда повелительный, упорный взгляд доктора Овернье приковал ее взор.

Не спуская глаз, Овернье засыпал пациентку словами:

— Здравствуйте, мадемуазель! Я вижу, что вы сегодня более спокойны, чем вчера. Вы ведь рады меня снова увидеть? Вы ведь не думаете, что я оставлю вас в беде, лучше сказать, в опасности? Вы ведь в опасности? Не правда ли?

Больная растерянно отступила под пристальным взором доктора вглубь комнаты, пока не остановилась, прижавшись к камину. Она слушала его, не перебивая, подчиняясь властным звукам спокойного голоса.

Овернье продолжал:

— Я пришел вас освободить. Вы ведь хотите вернуть свободу? Отвечайте.

Слабым толосом мадемуазель Сандар ответила:

— Да.

— Вы ведь знаете опасность, которой подвергаетесь? — настойчиво продолжал доктор. — Вы знаете ее причины? Говорите теперь все. Я требую этого! — внезапно повысил он голос.

Мадемуазель Сандар вскинула ресницы.

— Вы не можете сказать — «я требую». Вы бессильны.

Наступило напряженное молчание. Доктор Овернье ясно почувствовал, что стоит ему ослабеть, усомниться, и все будет безвозвратно потеряно. Он напряг всю силу своей воли и сказал:

— Я хочу сделать вас здоровой. Вы должны мне помочь и сделать усилие над собой.

У молодой женщины вырвалось:

— Вы не можете меня освободить! Он слишком сильный! Слишком сильный!..

— Тот, кто вам угрожает?

— Да.

— Ваш любовник?

Больная задрожала. Слабо протягивая руки, словно сквозь сон, она произнесла надломленным голосом:

— Он здесь... он здесь!.. он нас видит!

Последние три слова вырвались отчаянным криком. Мадемуазель Сандар зашаталась, и доктор быстро подхватил ослабевшее тело, из которого внезапно исчезла сковывающая члены напряженность. Больная пробормотала:

— Да, да, не отпускайте меня...

Внезапно мускулы ее снова напряглись, застыли и оцепенели. Резким движением она освободилась из рук доктора и быстро пошла по направлению к двери, бормоча:

— Да, Ромуальд... да, я слушаю... Ромуальд...

Овернье понял: еще несколько секунд, и больная исчезнет за дверью, как тогда. Мадемуазель Сандар уже ухватила за ручку двери, но доктор быстро схватил ее и поднял на руки. Тело женщины забилося. Казалось, какая-то нездешняя сила охватила и преобразила это маленькое тело. Широкоплечий Овернье едва преодолевал сопротивление.

Доктор обернулся в поисках веревки или простыни и поспешно схватил шнурок портьеры. Для этого ему пришлось на момент опустить больную, которая тотчас же вырвалась и поспешила к двери, не обращая внимания на смятое платье и растрепанные волосы.

Доктор настиг ее на самом пороге. Теперь настало время действовать решительно, действовать тем оружием, которое было приготовлено заранее.

Он прижал к лицу мадемуазель Сандар тампон, пропитанный хлороформом...

* * *

Потянулись долгие часы, в течение которых доктор Овернье терпеливо поджидал пробуждения пациентки. Он раскрыл

окно и впустил в пропитанную пряным запахом наркоза комнату струю свежего воздуха. После этого он подошел к кровати и стал следить за пульсом.

Сердце билось без перебоев.

— Что с ней такое? Как назвать этот «припадок»?

Доктор Овернье был в замешательстве.

Учебники медицины не снабдили его сведениями о явлениях, происходящих в странной, едва затронутой точной наукой области мистики.

Больная приоткрыла глаза, и по взору ее доктор понял, что припадок кончился.

— Вы узнаете меня? — спросил он.

— Да, — спокойно ответила мадемуазель Сандар. — Я запомнила вас с того дня, когда вы зашли на почту позвонить по телефону. А затем... — после некоторого колебания мадемуазель Сандар продолжала, — я часто видела вас по ночам, во сне. Вы стояли в большой комнате, похожей на ваш кабинет. Вы словно выходили из зеркала, знаете, из того большого зеркала, которое висит над вашим письменным столом. Да, да, это были вы, но Ромуальд не хотел, чтобы я вас видела. Он угрожал... я хорошо помню, что он грозился бросить вам в голову зеркало. Но, конечно, он не был в силах это сделать. Оно ведь такое большое... Я так боюсь...

— Успокойтесь, мадемуазель, — добродушно похлопал ее по доктор Овернье. — Ведь все уже кончилось, и вы больше ничем не рискуете. Остается лишь вылечить вас окончательно, чем я теперь займусь. Вы ведь мне доверяете?

Мадемуазель Сандар слабо улыбнулась и кивнула головой.

— Расскажите мне обо всем, — повелительным тоном попросил доктор Овернье.

Мадемуазель Сандар колебалась недолго.

Она начала ровным, спокойным голосом:

— Однажды «он» зашел к нам в контору. Посмотрел на меня. Я сразу же запомнила его глаза, евро-зеленые, в которых переливались несколько оттенков. Эти глаза — при-стальные и немигающие, — были словно сигнальные фонари и от них нельзя было оторваться...

«Он» пришел так же, как и вы, позвонить по телефону, и в течение всего времени, пока телефонистка добивалась соединения, не спускал с меня глаз. Я дрожала от страха, но вместе с тем была счастлива. Вы не можете себе представить, насколько счастлива...

Затем «он» приходил еще несколько раз. Я не помню, как часто, но каждый раз, когда «он» уходил, меня охватывало непреодолимое желание следовать за ним, и я должна была впиваться руками в край стола, чтобы удержаться и не побежать.

Однажды, уходя со службы, я встретила «его» на улице.

Он сказал мне просто:

— Пойдемте.

Я повиновалась. Мы уехали в автомобиле в ближайший городок Альбервилль, где жил «он», и вылезли на берегу Изера. Была лунная ночь. Он приказал: «Смотрите мне в глаза!» — и быстро провел перед ними рукой.

Больше я ничего не помню. На следующий день я проснулась у себя в кровати, но после этого дня я не смею больше не идти к нему, когда он меня зовет. Я должна идти. Понимаете, доктор?..

— Как зовут его? — спросил доктор Овернье.

— Ромуальд Строщи, — ответила мадемуазель Сандар. — Он итальянец и служит старшим мастером на машинной фабрике.

— Отчего вы боитесь его? Он жесток с вами?

— Когда я повинуюсь ему, нет.

— А вы не хотите ему больше повиноваться?

— Я больше не могу!.. Это уже слишком!..

— Что «слишком»?

Мадемуазель Сандар закрыла лицо руками.

— Он требует кассу — понимаете? Я заведую денежными ящичками, а он знает, что каждую субботу кассир фабрики приходит к нам на почту и переводит сотни тысяч франков. Он хочет, чтобы я в этот день...

— Он вам прямо сказал это?

Мадемуазель Сандар покачала головой.

— Нет, но у меня двойная жизнь, и я иногда слышу его

голос, не видя самого «его». Понимаете?

* * *

Поздней ночью доктор и мадемуазель Сандар прибыли в Лион. Овернье спешил использовать часы просветления больной. Бредовый рассказ ее при других условиях казался бы ему нелепым вымыслом, но теперь, в непосредственной близости несчастной, когда он слышал глухие проникновенные звуки ее голоса, он сознавал, что все, сообщенное ею, — подлинная, хотя и загадочная действительность.

Немедленно по прибытии в Лион доктор Овернье поехал к своему коллеге, управляющему лечебницей для нервных больных.

— Дорогой Жюсеро, — сказал Овернье. — Ты можешь оказать мне большую услугу. Разреши мне привезти к тебе одну больную, несмотря на такой поздний час.

Жюсеро внимательно выслушал рассказ Овернье.

— Я очень рад видеть тебя, старина, и постараюсь помочь в этом деле, хотя, признаюсь, случай не так прост.

— Со своей стороны, и я должен признаться, — сказал Овернье, — я сам в нем весьма слабо разбираюсь.

— Этот Ромуальд, очевидно, преопасный субъект, — заметил Жюсеро. — Какое расстояние между Момельяном и Альбервиллем?

— Приблизительно тридцать пять километров.

— Здорово! — покачал головой Жюсеро. — На таком расстоянии... Видел ли ты его? Мог бы узнать при встрече?

— Нет, — ответил Овернье. — Да и не думаю, чтобы мне пришлось с ним встретиться.

Жюсеро пожал плечами.

— Кто знает, дорогой... А теперь пойдем — осмотрим больную.

Через полчаса, распрощавшись с больной, Овернье и Жюсеро вернулись в кабинет.

— Я тебе должен сказать кое-что на прощание, — серьезно заметил Жюсеро. — Будь осторожен... У тебя есть дома револьвер?

Овернье удивленно посмотрел на приятеля.

— Да.

— В таком случае, держи его у себя под рукой.

— Почему такой мрачный совет? — попробовал улыбнуться Овернье. — Ты веришь?..

Жюсеро серьезно взглянул на него.

— Я ничему не верю, но все допускаю. В этой загадочной области приходится брести ощупью. Насчет больной не беспокойся, — я ее вылечу, но ты сам... Я отнюдь не шучу, — будь осторожен.

— Чего же мне остерегаться?..

— Не знаю, — всего! Ты разбил какую-то цепь. Разрушил какое-то заклинание, очарование, — одним словом, — что-то магическое. Остерегайся мщения магических сил, так сказать, рикошета.

Видя крайнее изумление Овернье, он настойчиво продолжал:

— Рикошет произойдет. Это общеизвестно, научно установлено. Поэтому и надо остерегаться. Но если ты преодолеешь его, то в настоящем Ромуальд — обезврежен навсегда!..

* * *

Прошло несколько дней. Возвращаясь однажды в одиннадцать часов вечера из клиники, Овернье пережил странную, взволновавшую его встречу. Он остановился перед книжной витриной на углу площади и стал рассматривать иллюстрированные издания о лыжном спорте. Внезапно он почувствовал, что рядом стоящий субъект пристально смотрит на него. Овернье повернулся и увидел незнакомца, который был небольшого роста, худощав, с лицом, изрезанным морщинами. Самое замечательное в его наружности

были глаза. Зеленовато-острые, пристальные, приковывающие своей напряженностью.

Доктор с трудом отвел взгляд и, пройдя десять шагов, обернулся.

Незнакомец продолжал смотреть ему вслед...

Первой же мелькнувшей у Овернье мыслью было предположение, что это Ромуальд, но он досадливо подавил это опасение:

— Я становлюсь маньяком: вскоре я начну видеть этого Ромуальда повсюду!..

Все же — тревожное чувство не покидало его.

* * *

По возвращении домой, чтобы отвлечься, доктор сел за письменный стол и принялся за работу. За креслом, на котором он сидел, висело тяжелое, ценное венецианское зеркало.

Внезапно он расслышал дребезжащий звонок телефона, не походивший на обычный звук: ряд коротеньких, нерешительных звоночков, легких, как потрескивание искр. Овернье привстал, подошел к аппарату, снял трубку, но никто в ней не отзывался. Доктор задумчиво обернулся и в ужасе отскочил назад. Огромное зеркало упало с резким, словно разрыв снаряда, грохотом. Его верхушка задела письменный стол и кресло, только что покинутое Овернье.

Долгое время доктор стоял, как оцепенелый. В его уме пронеслись слова пациентки: «Ромуальд попытается бросить вам на голову зеркало... но оно слишком тяжелое!..»

* * *

Час спустя Овернье по телефону рассказал об этом происшествии Жюсеро.

— Знаешь, что меня интересует? — услышал он задумчивый голос Жюсеро. — Не столько падение зеркала, — такие вещи случались, — но таинственное дребезжание телефона!.. Связь между обоими явлениями неоспорима... Но теперь все кончено! Ты можешь себя чувствовать в полной безопасности.

* * *

На следующий день Овернье, закончив прием, собирался уже уходить, когда сиделка доложила ему, что какой-то запоздалый посетитель просит принять его.

Едва пациент переступил порог кабинета, как рука Овернье незаметно потянулась к ящичку, где лежал револьвер. Он узнал вошедшего: это был незнакомец, встреченный им у витрины книжного магазина!..

Однако, его вид сильно изменился. Казалось, что какая-то тяжесть сломила этого человека. Он шел, медленно передвигая ноги, устало сторбившись. Глаза его утратили прежний ослепительный блеск, и Овернье почувствовал свое превосходство.

— Я вас ожидал, Ромуальд, — коротко сказал он.

— Она назвала вам мое имя? — пробормотал вошедший и, с ужасом уставившись на пустую зеркальную раму, закрыл руками лицо.

— Стекло!.. — сказал он. — Стекло. Верните ее мне!..

— Для того, чтобы она помогла вам украсть кассу? — сухо отрезал Овернье.

Ромуальд опустил голову и начал бормотать что-то несвязное.

— Дело ваше проиграно, — жестко сказал Овернье. — Если вы не оставите в покое мадемуазель Сандар, вам угрожает или тюрьма, или немедленная высылка из страны.

Пришелец тяжело опустился на кожаный диван.

— Вы этого не понимаете, доктор, — тихо заговорил он. — Если удастся заполнить безграничную власть над кем-

нибудь, это похоже на безграничный, никогда не утоляемый голод. Эту власть хочешь сохранить во что бы то ни стало. После того, как вы разлучили нас, отняли эту власть, я чувствую, что что-то оставило меня, опустошило мою душу... Я конченный человек.

Итальянец тяжело поднялся, угрюмо, исподлобья глядя на доктора, подошел к нему, приблизил свое лицо и крикнул:

— Нет! Это не вы! Это не вы освободили ее от моей власти! Есть кто-то более сильный, чем вы, и этот «кто-то» помешал зеркалу!

Порывисто повернувшись, маньяк схватил свой берет и выбежал из кабинета, с шумом захлопнув дверь. Доктор Овернье подошел к окну и увидел, как тот пересек площадь и остановился у садовой решетки. Рука итальянца скользнула в задний карман брюк, выхватила револьвер и медленно поднялась к виску.

Звук выстрела пробрался сквозь стекла и слабо щелкнул в кабинете доктора. Тело Ромуальда скорчилось, скользнуло спиной по решетке и застыло на асфальте в неестественной позе, а несколько прохожих, придерживая шляпы, торопливо бросились к месту происшествия.

Пьер Милль

РОКОВАЯ БОНБОНЬЕРКА

Тому назад лет четырнадцать, то есть в 1899 году, я приехал в Лондон и остановился в «Midland Hotel'e». Эта гостиница ничем не отличается от всех больших гостиниц Лондона по своему внутреннему устройству: все комфортабельно, корректно и современно и менее всего располагает к галлюцинациям.

Но это, кажется, была обыкновенная, настоящая галлюцинация. Я вернулся к себе в комнату довольно поздно — я был в театре в тот вечер. Взяв внизу свой ключ, я поднялся на третий этаж, — в этот поздний час лифт уже не работал. Я говорю все это, чтобы знали, что нервы у меня были в порядке, и я все отлично помню и сейчас. Я быстро разделся и лег в постель, погасив свет, и, повернувшись лицом к стене, решил спать. Но сон не приходил. У меня сильно билось сердце. Я начал искать причину волнения, мне стало мерещиться, будто что-то неблагоприятно в комнате. Потом я ясно ощутил чье-то присутствие, именно чье-то. Надо посмотреть...

Я повернулся и увидел — силуэт худого, длинного человека, полусидящего в кресле перед письменным столом. Вы подумаете, как я мог увидеть его в темноте? Он был какого-то странного фиолетового цвета, вернее, облик его, и только черные пятна обозначали глаза, тонкие губы и нависшие брови. Он был в длинном вестоне с блестящими пуговицами.

С тех пор я прочел немало рассказов о привидениях; большинство описывает привидения с печальными или беспокойными лицами. Бледное лицо моего видения казалось мне, наоборот, холодным, точно застывшим. Я перестал волноваться, увидев его, и не боялся.

«Надо все-таки встать, — подумал я. — Если он исчезнет, как только я подойду к нему, значит, это обыкновенная галлюцинация зрения, объясняющаяся просто утомлением от долгого путешествия. А если он не исчезнет? Что тогда? Может быть, я ненормален?» Я встал и сделал несколько шагов — привидение исчезло.

Я торжествовал: вот что значит быть готовым ко всему и все знать, это ведь только галлюцинация!

Я снова лег... Несколько минут спустя какой-то внутренний голос шепнул мне: «А ведь он опять здесь!» Я зажег электричество и стал читать, но, несмотря на все усилия читать, заинтересоваться книгой, я чувствовал и думал, что только потому не вижу призрака, что он потускнел при свете. Я погасил свет и посмотрел: он сидел на том же месте и в той же позе. И только на рассвете он исчез.

На другой день я всячески старался отвлечь свои мысли от привидения и под конец вечера, когда я был в театре, мне это удалось.

Смотря последний акт пьесы, я ясно ощутил какой-то толчок; промелькнула мысль: «У тебя сидит кто-то в комнате».

Я взволновался и помчался домой.

Я не ошибся: тень, видение, призрак, галлюцинация, называйте его как хотите, но он сидел на стуле и, как только я подошел к нему — закачался и исчез; как только я лег, он снова появился и присидел, как и накануне, еще несколько часов.

Я решил спросить счет и на другой день оставить эту гостиницу. Утром я пил чай в столовой: когда я собрался уже уходить, кто-то сел подле меня. Я чуть не закричал! Призрак, призрак, преследовавший меня две ночи кряду — был передо мной. Я узнал его и даже его костюм. Я удивился, но и как-то странно обрадовался.

«Необычайно, — подумал я, — чтобы привидения завтракали! Неслыханная вещь!..»

Привидение спросило себе два яйца всмятку и кофе со сливками. Я узнал, как его зовут: Карл Эбстейн из Вены, известный антикварий и коллекционер картин. Он занимал комнату в одном этаже со мной.

Между тем, все это становилось загадочным.

— Ведь только тени умерших имеют право тревожить живых, а он, кажется, даже и не умирающий. Спросить разве у него самого, в чем дело?

Но вдруг меня осенила другая мысль: «Не смейся — этот человек явился тебе, потому что он скоро умрет».

И весь день мысль о его смерти не покидала меня; мне казалось, что я должен предостеречь его, но ведь он при-

мет меня за сумасшедшего?!

Я жаждал увидеть его еще раз. И он пришел. На этот раз я особенно отчетливо рассмотрел его, и фиолетовый свет был ярче прежнего. Он сидел за моим столом, а на столе лежала маленькая овальная коробочка, такая же прозрачная, как он сам, но блестящая необычайно. Это была старинная, филигранной работы бонбоньерка.

На крышке ее была нарисована толпа крошечных людей, окружавших странствующего лекаря и его повозку. Краски были пестрые, но и ласкающие взор, и я невольно подумал о таланте художника, сделавшего эту миниатюру.

Я все же сознавал, что это галлюцинация, иначе я бы, наверное, подошел и рассмотрел бы вещьцу ближе.

...Но вот произошло нечто, заставившее меня привскочить на кровати, я испугался... Я говорил уже, что черты лица моего призрака были неподвижны, застыли, точно на портрете, а теперь они как-то конвульсивно сжались, точно от боли; он открыл рот, поднял руки и упал.

«Кончено все, он умер; он умирает сейчас, его убивают», — подумал я.

Я открыл дверь и в одной рубашке побежал по коридору. Никого и ничего. Все двери закрыты, тихо. Невозможно горит электричество, а сквозь окно заглядывает луна. Ни звука...

С этой минуты видение исчезло из моей комнаты. Почему? Меня терзал этот вопрос до утра, а около двенадцати часов дня горничная, не получая ответа из комнаты Эбштейна, подняла тревогу, — взломали замок: на ковре, с окровавленным черепом, лежал Карл Эбштейн. Кто был его убийца? Этого до сих пор не узнали. Почему его убили — это умерло с ним.

О преступлении поговорили с неделю — перестали и забыли.

Забыли все, кроме меня. На днях один из моих друзей повел меня к... впрочем, к чему называть этого коллекционера, да и что может значить мое показание, основанное на призрачных видениях!

Но я клянусь, что среди бронзы и портретов я заметил крошечную бонбоньерку и узнал ее!

— А, — сказал мой друг, — эта бонбоньерка разрисована Ван-Бларнсбергом, это украшение коллекции М...

— Да, — сказал я почти невольно, — я узнал ее — я видел ее когда-то в Лондоне.

Антикварий смертельно побледнел, я в этом уверен так же, как я уверен в том, что он убил Эбштейна. Но обвинить его громогласно на суде — я не мог и не могли бы и вы!

Между тем, если бы мой мозг и мозг этого человека сейчас находились в контакте, подобно беспроводному телеграфу, так же, как четырнадцать лет тому назад — кто знает, чем бы все это кончилось?

— Я убежден в том, что я видел всю эту драму только потому, что сила воли и кровавые мысли убийцы, благодаря контакту флюидов, передались мне настолько, что я стал видеть его глазами — следить невольно за его жертвой, вплоть до ее убийства.

А попробуйте-ка объяснить это судьям!

Пьер Милль

АРОМАТ

Это было вблизи Бастилии; я возвращался домой по набережным... Встретившийся мне человек кинул на меня миомоходом взгляд.

Я не узнал его, но увидел его глаза, глаза сверхчеловечески чистые, молодые, ясные, глаза, как совершенно свежие цветы. Он исчез за поворотом улицы Лион-Сен-Поль, и тогда только я вспомнил: «Это Сарти, — сказал я себе, — конечно же, это Сарти». Я побежал за ним; я бежал за тем, что всего дороже человеку: за обрывком молодости.

Двадцать лет тому назад, подобно всем, кто знал Сарти, я думал о нем: «Это высшего порядка существо, выше ростом и меня, и всего человечества». Попадаются иногда, очень редко, молодые люди, гений которых кажется вполне сформировавшимся, вполне вооруженным и производит чуть не жуткое впечатление своей скороспелостью. Они никому не подражают в том возрасте, когда их сверстники, нащупывая собственные пути, ведут себя еще совершенно подражательно; они преобразуют то, к чему прикасаются, — вещи, науку, искусство, накопившиеся веками; и затем человечество видит это наследие только сквозь их творения. Но их часто ждет страшная расплата — туберкулез. Их раннее созревание словно вызывается этим их сжигающим недугом. Они умирают, не осуществив своей высокой миссии, оставляя в памяти немногих всего лишь пустое и блестящее имя.

Как-то мне сказал один приятель:

— Послушай, а что же Сарти? Что с ним случилось? Не видно больше ни его самого, ни его произведений.

Я ответил:

— А ведь верно, я об этом не думал.

Такова парижская жизнь. Те, кто знал его и восхищался им, ждали некоторое время, думали: он, быть может, уединился в провинции. Знали, что он склонен к созерцательности, довольно горд, самоуглублен. Но он так и не появился вновь, и его забыли; я, впрочем, не забыл его, но думал, что он где-то в неизвестности умер.

И вот он передо мною, живой! Я догнал его.

— Сарти! — сказал я, чувствуя волнение, какого эта встреча, несомненно, не заслуживала. — Это ты?

Он ответил голосом спокойным и высокомерным:

— Да, это я.

— Что ты подельываешь? — спросил я его довольно глупо.

Мне казалось, что если он так долго пребывал в безмолвии, вдали от мира, то решился на это только ради какого-нибудь великолепного исполинского произведения, которое прогремит внезапно и всех ослепит; кумирам молодости долго веришь.

Он ответил мне тем же тоном, но с оттенком какого-то мистического пыла:

— Я иду домой.

Уверяю вас, что самый фанатичный паломник-мусульманин, идущий в Мекку поклониться Каабе, не произнес бы этих, с виду столь обыкновенных, слов с более пылким энтузиазмом.

Приглядываясь к нему, я вдруг не смог удержаться от возгласа:

— Как ты молодо выглядишь!

Эти двадцать лет пронеслись над ним, как один день. Он был тот же, совершенно тот же юноша! А я...

— Да, — сказал он, вторя моей мысли, — волосы у тебя поседели. Жизнь у тебя была другая: ты жил, а я...

— А ты?

— О, — промолвил он с улыбкой, — я в другом положении: я жду.

— Чего ты ждешь?

Сначала он колебался, ответить ли. Затем, как бы говоря с самим собой, произнес:

— В конце концов, отчего не сказать? Отчего не сказать?.. Пойдем со мною.

Некоторое время мы молча шагали по старым улицам.

— Это здесь! — вскоре сказал Сарти.

Слова эти прозвучали в его устах как-то необыкновенно, почти с экстазом, во всяком случае — почтительно, благоговейно; так говорит монах, когда показывает святылице или раку с бесценными мощами. Он остановился перед старинным зданием в глубине двора, с прямыми колоннами, круглым окошком, венчающим фронтоном, — перед бла-

городным, торжественным зданием, сохранившимся от первой половины царствования Людовика XIV, одним из немногих, какие еще можно видеть в этом квартале, захваченном торговлей и мелкой парижской промышленностью, испещренным вывесками, которые профанируют линии этой архитектуры, но все же хранящем какое-то величие. Представьте себе принужденного побираться аристократа... По широкой лестнице, такой пологой, что современники мадам де Севинье* могли по ней подниматься на носилках, он повел меня в третий этаж; второй, как мне показалось, был занят сафьянной фабрикой. В третьем все комнаты первоначально составляли, по-видимому, анфилады: нужно было их все пройти, чтобы попасть в последнюю. Но давно уже один из домовладельцев построил перед окнами, выходящими во двор, галерею, служившую общим коридором для этих обширных зал; и залы эти, разделенные переборками на две-три части, образовали столько же скромных квартир.

В одну из этих комнат меня ввел Сарти.

— Вот уже двадцать лет нахожусь я здесь, — сказал он, — двадцать лет! Здесь я и умру — как можно позже.

— Ты счастлив?

Он взглянул на меня с выражением несказанной радости.

— Да, — шепнул он, — *потому что мне дано всегда чего-то желать.*

Он взглянул на часы.

— Подожди еще десять минут, — сказал он с нетерпением в голосе. — Через десять минут, надеюсь, ты поймешь... Потому что другие уже испытали это! Я знаю, что не являюсь жертвой иллюзии: это случается каждый вечер, в один и тот же час. Порой чаще, но, во всяком случае, в этот час неизменно каждый вечер. Садись-ка в этот угол со мной...

* Мари де Рабютен-Шанталь, маркиза де Севинье (1626–1696) — французская аристократка, писательница, автор многочисленных писем к дочери, считающихся выдающимся эпистолярным памятником литературы XVII в.

Право же, это, в конце концов, так мало значит! Отчего бы мне этого не засвидетельствовать? В сущности, это ведь можно, пожалуй, объяснить совершенно естественными причинами; преобразованным запахом восточного сафьяна, лежащего на складе в нижнем этаже, или испарениями старых стен в этом старом здании. Подчас там образуются страшные ферменты разложения. Да, может быть, это и вправду случайный аромат. Ибо началось это с того, что повеяло нежным ароматом, очень слабым сперва; затем он усилился и как бы стал перемещаться, — полоска аромата, очертившаяся, различаемая мной, запах букета розовых гвоздик, этот немного пряный, сладострастный запах...

— Следи за ней! — прошептал Сартр. — Она дойдет до входной двери и выйдет на галерею... Всегда, всегда! Так бывает всегда!

И благоухающая тайна действительно прошла через обе комнаты, через галерею и словно растаяла на широкой лестнице...

— Другие жильцы чувствуют это тоже, — пробормотал Сартр. — Я их спрашивал, но они не обращают на это внимания. Это бедные люди; им приходится думать о других вещах... А слышишь ты стук каблучков по полу?

— Нет, — ответил я, — я ничего не слышу.

— Не слышишь, потому что внизу шумят в мастерской, — сказал со вздохом Сартр, — а я порой слышу, уверяю тебя; туфли стучат каблучками; *она* отправляется на ужин в игорные залы. Носилки ждут ее на верхней площадке лестницы. Она в платье с фижмами, с широкой длинной юбкой. Носилки несут ее в Тюильри. Это происходит до того, как король построил Версаль.

— Ты видел ее?

— Нет, — признался он, качнув головой, — я не видел ее, я только чувствую запах гвоздик, увядающих на ее корсаже, и в иные дни слышу шаги... А однажды ночью, очень поздно, до меня донесся шелест шелка, словно женщина раздевается; и *она* засмеялась! Клянусь тебе, что я услышал смех в глубокой ночи. Зажег свечу и ничего не увидел. Но я жду! Говорю тебе — я жду! Я знаю ее фигуру, и ее туалет,

и ее красоту! И цвет ее волос. Она белокура. Мне кажется также, что у нее розовый камень на безымянном пальце левой руки.

— И... ты знаешь, кто она? — спросил я.

Он призадумался на миг и ответил очень серьезно:

— Она мне это скажет. Скажет когда-нибудь, когда воплотится вполне. Нужно ждать. Нужно... не знаю, быть может, этого не будет никогда. Неизвестно, что нужно этим привидениям, чтобы они воплотились вполне: особое состояние благодати, своего рода разрешение, исходящее не знаю от кого. Я даже не пытаюсь с ней заговорить, когда она здесь: она могла бы оскорбиться. Она должна первая заговорить со мной; и ведь однажды, повторяю, я уже слышал ее смех!

— ...Но как ты молод, Сарти, каким ты остался молодым!

Я не сводил глаз с его каштановых волос, с его лица без морщин.

— Это естественно: ведь время для меня остановилось.

— Прощай, прощай, Сарти!

— Прощай! — ответил он равнодушно.

Пьер Милль

ДУХ БАЙРОНА

— В 1912 году, — рассказывал мне мой почтенный друг, профессор Джон Коксуэн, чьи замечательные исследования психических явлений общеизвестны, — только и было разговоров о «сообщениях», которые получал один медиум, миссис Маргарет Эллен из Эдинбурга, от бесплотного духа поэта Байрона. Сообщения эти носили весьма разительный и, надо признаться, редкий в подобных случаях характер подлинности. Дух Байрона не только диктовал замечательные стихи, не только изъяснялся непосредственно устами медиума вместо того, чтобы пользоваться столиком или автоматическими письменами, причем говорил голосом мужским, решительным, совершенно непохожим на обычный голос миссис Эллен, и придавал английской речи произношение, характерное для начала XIX столетия и весьма отличное от нашего выговора, но указал также место, где хранятся неопубликованные еще письма и даже стихотворения знаменитого автора «Чайльд Гарольда». Лондонское общество «Society for Psychical Researches»* сочло этот факт настолько интересным, что предложило мне отправиться в Эдинбург контролировать сеансы и протоколировать их.

Однако общество так и не опубликовало в своих «Proceedings»** моего доклада ввиду странного и, могу без преувеличения сказать, неприличного тона, который приобрели сообщения вскоре после моего прибытия. Миссис Эллен невозможно заподозрить в шарлатанстве. Это женщина безупречного поведения, лет приблизительно тридцати пяти, вдова, незапятнанной репутации, никогда не проявлявшая в своих речах никакой склонности к легкомыслию. Замечу еще, что она располагает довольно значительным состоянием, в сеансах принимала участие бесплатно и что ее исключительный дар был открыт мистером Арчибалдом Мак-Брэдом, настоятелем пресвитерианской церкви, которую она регулярно посещала, обнаруживая искреннее

* Правильно «Society for Psychical Research» («Общество психических исследований»); речь идет о созданной в 1882 г. и существующей поныне организации для изучения паранормальных явлений.

** Научные записки (англ.).

и в то же время просвещенное благочестие. Мистер Мак-Брэд был усердным участником сеансов. Он был весьма умилен религиозными чувствами, которые выказал Джордж Гордон, лорд Байрон. Этот великий поэт заявляет, что раскаивается в ошибках своего земного существования и непристойности своих любовных похождениях, о которых он, впрочем, упоминал в чрезвычайно сдержанных выражениях, почти не стараясь привести в свое оправдание то обстоятельство, что «этим он преимущественно занимался в Италии». Он не скрывал, что эти заблуждения еще не дали ему возможности достигнуть высокого ранга в иерархии духов и что, например, этот болван Джон Рёскин* занимает в ней гораздо более высокое положение. Когда ему поставили в упрек не слишком корректный и, несомненно, весьма несправедливый эпитет, которым он воспользовался, говоря о знаменитом писателе, сумевшем сохранить веру, он объяснил свое дурное настроение с весьма трогательной скромностью литературным тщеславием, от которого, к стыду своему, он еще не отделался.

Во время первого из сеансов, при которых мне довелось присутствовать, я спросил его про Шелли, его друга, славный прах которого он торжественно сжег на прибрежном песке в Ливорно, на пламени костра, сложенного из миртовых и кедровых ветвей. Он ответил мне грустным тоном, что этот бедный Шелли все еще язычник и что это его очень печалит. Но на втором сеансе мы были немало удивлены и, должен признаться, разочарованы, услышав совершенно другой голос, доносившийся из уст медиума. Это был тоже мужской голос, как и у предыдущего духа, но вкрадчивый, сдержанный, нежно-елейный. Этот новый бесплотный дух поторопился, впрочем, представиться: Льюис Барнард, умерший в 1847 году, при жизни состоявший священником маленькой пресвитерианской церкви, которая существ-

* Джон Рёскин (1819–1900) — английский писатель, график, теоретик искусства, социальный мыслитель; наиболее выдающийся художественный критик викторианской эпохи.

вовала в ту пору во Флоренции.

Мистер Мак-Брэд учтиво выразил свое удовольствие по поводу возможности войти в сношения с собратом из потустороннего мира, но не скрыл, что мы, в сущности, не его ожидали.

— Я знаю, — ответил мистер Льюис Барнард, — вы ждали Байрона... Но он не явится ни сегодня, ни, вероятно, в ближайшие дни. Собственно говоря, я для того и явился, чтобы вас об этом предупредить: мне было бы поистине тягостно, если бы пастор церкви, членом коей я состоял, а также лицо, специально для этого прибывшее из Лондона, разочарованы были в своих ожиданиях.

Он прибавил еще несколько любезных слов по моему адресу, которых позвольте вам не повторять, тем более что они не имеют значения для дальнейшего хода этих «proceedings». Но так как я был, по-видимому, небезызвестен бесплотному <священнику>, то позволил себе спросить его, чем объясняется отсутствие — мне хотелось сказать «бегство» — лорда Байрона.

— Он простужен! — заявил бесплотный Льюис Барнард.

В этом коротком ответе прозвучало некоторое смущение.

Вы понимаете, что и нам он показался неправдоподобным. Господин пастор Мак-Брэд заметил, что ему еще не приходилось слышать о простуженных духах.

— Отчего же? — ответил его собрат растерянным тоном. — По ту сторону все выглядит совершенно так же, как здесь: в последнее время у нас свирепствует инфлюэнца!.. Но человеку, бывшему на земле священнослужителем, не подобает лгать даже в мелочах и в защиту репутации, увы! — изрядно подмоченной. Лучше уж я вам скажу напрямик: этот бедный Байрон завертелся. Опять!

— Завертелся?

— Да...

Тяжкий вздох вырвался из груди медиума, миссис Маргарет Эллен. Голос духа продолжал доноситься из ее уст:

— Он завертелся!.. Да еще с французской танцовщицей, несмотря на ее немецкую фамилию, — с Фанни Эль-

слер: с дамой последнего разбора!* Из-за нее произошли даже неприятности у него с неким господином де Монроном, который, если верить ему, был доверенным лицом господина де Талейрана, умер на островах Зеленого Мыса и, по-видимому, безумно влюблен в эту опасную особу... Милорд собирается драться с ним на дуэли... Все это очень грустно.

— Но, позвольте, — живо перебил я его, — то, что вы нам рассказываете, нелепо. Бесплотные духи не могут, конечно, ни драться на дуэли, ни влюбляться. Это смешное предположение!

— Отчего же? — возразил мистер Льюис Барнард все тем же своим спокойным тоном. — Говорю же я вам, что у нас все имеет совершенно такой же вид, как у вас... И вам бы это следовало знать, потому что вас постоянно посещают духи, и вы от них слышите, что они ездят за город, слушают концерты, что их даже слишком усиленно пичкают классической музыкой, и что летом они отправятся на морские купания: вам достаточно прочесть книгу сэра Оливера Лоджа «Раймонд, или Жизнь и смерть»**, чтобы в этом убедиться... Но все-таки этот несчастный Байрон совсем сдурел! Есть, по-видимому, какой-то врожденный порок в том, что у него еще осталось от тела...

— Господин пастор Льюис Барнард, мы понимаем вас все меньше и меньше!

— А между тем, это очень просто: наша чувствительность весьма ослаблена. Вдобавок, по мере того, как длится наше надземное существование, она все больше идет на убыль. Таким образом, это уже не слишком забавно... Вот мне, например, умершему в 1847 году, очень уже легко противить-

* Фанни (Франциска) Эльслер (1810-1884) — австрийская танцовщица, одна из самых знаменитых балерин первой половины XIX в.

** О. Лодж (1851-1940) — видный английский физик, один из изобретателей радио; много лет изучал паранормальные явления и в 1900-х гг. был президентом Общества психических исследований. Упомянутая книга посвящена спиритическому общению Лоджа с сыном, погибшим на фронте во время Первой мировой войны.

ся искушениям. По-моему, это далеко не то, что я испытывал на земле, это незначительно, совсем незначительно... Что же до Байрона, умершего в 1824 году, то что у него могло сохраниться, скажите, пожалуйста? Тем более постыдно его смехотворное распутство.

— Однако, — заметил мистер Мак-Брэд, — он говорил нам, что раскаивается в своем поведении, что он совершенно исправился и берет пример с мистера Джона Рёскина...

— Милорд валял дурака, — ответил пастор.

Марджори Боуэн

КЛЮЧ

В одной из комнат старого замка сидели за стаканами вина двое мужчин.

Огни свечей четко отражались на лакированной поверхности темного дубового стола, и было что-то сумрачное в этом блеске, игравшем на черном.

Старший из двух мужчин, цветущий человек с грубым лицом, выражавшим высокомерие и тупость, беспрестанно подливал в свой стакан вино, бросая при этом на другого многозначительные взгляды.

Второй имел вид безразличный и на неумные шутки хозяина отвечал с небрежностью. Это был мужчина средних лет, не столько красивый, сколько элегантный, со слегка циничным выражением лица и очаровательными манерами, — маркиз де Виц, один из придворных регента и один из знатнейших людей Франции.

Он жил уже целый месяц в замке графа де Нанжи, мелкого провинциального дворянина. Из-за госпожи де Нанжи и из-за глупого пари с версальскими друзьями он терпеливо переносил плохую охоту, скверное помещение, грубую пищу и невозможное общество.

Он встретил графиню в Версале, где она лишь несколько дней блистала своей свежестью и нежностью, пока ее ревнивый господин не увез ее обратно в глухую далекую усадьбу.

После их отъезда один из друзей маркиза, смеясь над его увлечением, сказал:

— Если вам, де Виц, удастся сказать ей наедине пять слов, считайте, что я должен вам сто луидоров.

— Я добуду портрет ее мужа, который висит у нее в спальне, — ответил на это маркиз.

Но прекрасная белокурая Мари де Нанжи оказалась недоступнее, чем он думал, и скучающий маркиз уже почти готов был отказаться от мысли добиться ее благосклонности, и только, чтобы избежать насмешек, искал случая добыть подкупом или хитростью портрет из спальни графини.

С оплывающих свеч натекали на стол лужицы воска. Маркиз, зевая, снял щипцами нагар и недружелюбно взглянул на хозяина.

Внезапно последний поднял голову и в упор сказал:

— Маркиз, моя жена изменяет мне с вами?

Де Виц спокойно выдержал удар.

— Что за нелепости, граф?

— Я нелеп в своей роли мужа? — крикнул де Нанжи.

Де Виц только улыбнулся.

— А она хороша собой? Не правда ли? — с вызывающей насмешкой продолжал де Нанжи. — И вы все еще терпеливо ждете случая сказать ей это? Да, маркиз?

Его взгляд неожиданно омрачился.

— Я был счастлив, пока вас не было здесь...

— Неужели? — осведомился маркиз, спокойный, но бледный.

— Теперь я никогда больше не буду счастлив, — сказал граф.

Его лицо приняло трагическое выражение. Он уронил стакан, и вино со стола потекло ему на платье.

Маркиз засмеялся. Смеялся и де Нанжи, не спуская с гостя глаз. Де Вицу было трудно выдерживать свою позу ленивого безразличия. Ему был противен и стол, залитый вином, и этот человек, глазеющий на него.

Де Нанжи сорвал с цепочки висевший поверх его куртки серебряный ключ.

— Ключ от покоев графини, — сказал он. — Интересует это вас? Он продается.

Самообладание покинуло маркиза.

— Господи! — вскричал он. — Вы или пьяны, или сошли с ума!

— Продается! — и де Нанжи бросил ключ ему в лицо.

— Ну! — свирепо крикнул де Виц. — Довольно! Вы фигляр, болван, сумасшедший!

— Он продается! — повторил де Нанжи.

Маркиз овладел собой.

— Ваша цена? — спросил он.

— Вы сколько дадите?

— Тысячу луидоров.

— Это не оперная танцовщица.

— Так за сколько же вы продаете вашу жену, милости-

выйй государь?

— Милостивый государь, я продаю ключ от ее покоев.

— Сколько стоит ключ от покоев госпожи де Нанжи?

— Пять тысяч луидоров. Идет?

— Хорошо, пять тысяч. Я согласен.

— Десять тысяч, — сказал де Нанжи.

— Хорошо, я дам десять тысяч.

Де Нанжи принес с другого стола перо и чернила.

— Расписаться? — и де Виц написал расписку.

— Теперь идите к ней, — сказал де Нанжи, передавая ему ключ и смеясь чему-то.

Маркиз был рад избавиться от общества хозяина. Он торопливо вышел в коридор, взял горевшую там свечу и стал подниматься по широкой лестнице. Спокойствие вернулось к нему, но сердце молчало.

— Я возьму лишь портрет, — сказал он себе, думая о своем пари.

Он подошел к знакомой двери, которая раньше так манила его, и отпер ее ключом. В первой комнате было темно.

— Сударыня, — прошептал он — и вздрогнул, увидя спавшую, сидя на стуле, какую-то старуху. Он никогда не видал ее раньше среди прислуги замка.

Маркиз прошел в следующую комнату. Висячая серебряная лампа с красным колпаком бросала слабый свет на роскошь очаровательной спальни. Бледно-голубые шелковые занавеси кровати с колонками были задернуты. У кровати лежало небрежно брошенное платье.

— Сударыня, — чуть слышно шепнул он; потом позвал громче: — Графиня!

Никакого ответа.

Он поставил свечу на туалетный стол, где из разбитого флакона испарялись духи. Обернувшись, он увидел меж сдвинутыми краями занавесей маленькие пальчики. Они были как-то особенно белы, и при взгляде на них маркиз понял, что Мари де Нанжи лежит мертвая. Быстрым и решительным движением он раздвинул занавеси.

По смятой подушке рассыпались, как пепел, белокурые волосы. У графини был трогательный вид сломанной игруш-

ки, — вещи, годной лишь для забавы, а теперь не нужной никому.

Де Виц смотрел, как безумный.

— Да разве она умерла?

Его изумление сменилось ужасом.

— Я люблю ее. Теперь я понимаю, как любил ее!

Он схватил ее в объятия и прижался щекой к ее щеке, но, почувствовав роковой холод, уронил ее на подушки. У него вырвался крик отчаяния. В соседней комнате проснулась старуха и прибежала, волоча за собой саван.

— Ах! Ах, сударь, — бормотала она.

— Когда она умерла?

— Вчера ночью. Почему вы, сударь, остались, когда все остальные ушли?

- Все?.. Все остальные?..
- Все, все слуги, и из села никто, кроме меня, не хочет идти в замок. Я слишком стара, чтобы бояться.
- Чего бояться?
- Разве вы, сударь, не знаете? Граф не говорил вам? Сам-то граф близко к ней не подходит.
- Почему? — спросил маркиз с диким взглядом.
- Старуха ответила почти с довольным видом:
- Она умерла от чумы, сударь, и в вас с каждым вдохом входит смерть.

Пьер Вьеру

УЖАСНАЯ МЕСТЬ

Слуга ввел в роскошный кабинет Симона Фетреля, директора Соединенного банка — Фетрель, Бланш и К° — маленькую худенькую женщину.

— Что вам угодно? — сухо спросил Фетрель.

Женщина тихо, боязливо ответила:

— Я... Мадлена .. Мадлена Соваль...

Холодное лицо банкира покрылось румянцем.

— Вы?.. Это вы, Мадлена Соваль?

Он сразу вспомнил все. Когда он с ней познакомился, ему было двадцать лет. Служил клерком у адвоката. Он клялся в вечной любви. Обещал жениться. Она — наивная и доверчивая — отдалась ему... А затем? Он уехал в Париж. Ему повезло. Женится на богатой. Жена умерла. Он сделался крупным дельцом и зажил в собственное удовольствие.

Все это мгновенно промелькнуло в его памяти. Но он сдержал себя и снова повторил:

— Что вам нужно от меня?

Мадлена не сводила глаз с его лица..

— О, вы меня не узнали, не правда ли? — сказала она со вздохом облегчения. — Я очень рада. Теперь послушайте меня внимательно...

Я приехала с единственной целью: *предупредить вас об угрожающей вам смертельной опасности...* Позвольте мне на мгновение вспомнить прошлое и рассказать о том, что произошло после вашего отъезда из Монтангри... Прошло шесть месяцев, в течение которых от вас не было ни одной весточки. У меня родился сын, сын, которого я назвала — Жаном.

Не стоит рассказывать, каких трудов стоило мне воспитать мальчика.

Жизнь жестока по отношению к тем, у которых нет отца — и Жан сильно страдал...

Он давно уже требовал от меня признания.. Я сопротивлялась, считая себя не вправе называть ему вас...

Но, в конце концов, он заставил меня все рассказать.

О, если бы я могла предвидеть!.. Всего лишь восемь дней тому назад Жан неожиданно заявил мне, что бросает службу и уезжает в Париж.

На мой вопрос о цели поездки, он ответил прямо:

«Мы должны отомстить виновнику нашего несчастья. Клянусь, что я не успокоюсь, пока обманщик не будет жестоко наказан. Он должен умереть!»

С этими словами, сказанными таким тоном, что кровь заледенела в моих жилах, он ушел.

Тогда я решила вас предупредить. Я люблю своего мальчика и не хочу, чтобы он совершил это страшное, противное природе дело!..

Она закрыла глаза своими худыми руками, словно хотела прогнать от себя ужасное видение.

А Симон Фетрель, сначала слушавший свою бывшую возлюбленную с насмешливым равнодушием, вдруг почувствовал, как холодная дрожь пробежала по его телу.

И теперь, заботясь только о себе, он сказал:

— Но я ничего другого не желаю, как прийти на помощь вашему сыну. Если он умен, я обещаю его прекрасно устроить.

Она посмотрела на него с выражением немого упрека в глазах и тихо ответила:

— Я к вам дважды обращалась за помощью. Вы ни единым словом не выразили желания поддержать нас... Теперь поздно: сын от вас помощи не примет.

— В таком случае, — вскричал Фетрель угрожающим тоном, — я прикажу арестовать его...

— Жан Соваль честный человек! — отрезала с гордостью Мадлена. — Нет, единственное средство для вас — это принять соответствующие предосторожности.

Банкир, бледный от страха, со сжавшимся от мучительного предчувствия сердцем, не мог выговорить ни слова. После долгого молчания он глухо сказал:

— Может быть, вы правы... Благодарю вас... Я рассчитываю на вашу помощь...

Она ушла. Несколькоими мгновениями позже и Фетрель оставил банк

— Домой! — приказал он шоферу.

На другой день утром у него была долгая беседа с начальником полиции и в тот же вечер вокруг его дома появ-

нились неизвестные люди с беспокойно бегающими глазами...

Муки Симона Фетреля становились с каждым днем нестерпимее. Страх глубоко вонзил в его сердце свои острые когти.

Ему повсюду чудился молодой человек со сверкающим ненавистью взглядом и оружием с руках.

Неужели собственный сын убьет его? и как? где? На улице? вонзят ему в сердце нож? или из за угла пустит в него пулю? Или, может быть, он скрывается где-нибудь у него в доме и поджидает, когда можно будет подкрасться к нему во время сна и задушить? И ему чудилось, что чьи-то сильные руки сжимают его шею.

Банковские дела его сильно пошатнулись, и к концу года на общем собрании директоров он был смещен.

В один прекрасный день он решил развлечься и тайно выехать в Морван. Однако, злой рок его преследовал. Накануне отъезда он получил письмо.

«Я видела Жана, — писала Мадлена Соваль, — он каким-то образом узнал, что вы собираетесь уехать в Морван и клянется, что там вы найдете свою смерть. Умоляю вас, не ездите туда... Увы! Я ничего не могу поделать..»

И он остался.

Снова потянулись дни и ночи, полные ужаса.

В одну из таких минут Фетрель принял важное решение: собрав остатки своего состояния, он ночью выехал из Парижа в Монтагри.

Он хотел отдаться под защиту Мадлены Соваль.

Рано утром жители улицы Трех Мельниц с удивлением увидели, что какой-то бледный, поседевший, сильно обросший бородой мужчина стучит кулаком в дверь маленького домика.

— Кого вам нужно? — решился наконец спросить сосед-булочник.

— Здесь живет Мадлена Соваль?

— Да, она жила здесь, но она несколько недель тому назад умерла... и теперь живет на кладбище Монтатри.

Ни слова больше не сказав, Симон Фетрель направился в противоположный конец города, где, как он помнил, находилось кладбище.

Вид этого странного человека, его блуждающие глаза и шатающаяся походка обратили на себя внимание стражника. Обменявшись несколькими словами с булочником, он направился вслед за Фетрелем.

На кладбище он остановил Фетреля около одной из могил и сказал:

— Вот могила Мадлены Соваль... Она похоронена рядом со своим сыном.

— Как с сыном? — закричал Фетрель.

— Ну да, сын ее умерь три года тому назад.

— Ее сын? Три года тому назад?

Значить...

Фетрель боялся сознаться себе... Значит, Мадлена лгала, лгала с целью отомстить... Она, видимо, давно задумала эту месть, которая была страшней самой смерти. И в течение трех лет он боялся уже истлевшего трупа.

Так отомстила женщина...

Мортон Говард

КОШМАР

Я поднялся из-за письменного стола и пошел к книжной полке, но по дороге натолкнулся на мою спящую собаку и чуть не упал. Я рассердился и жестоко толкнул в бок моего Джека, а когда он взвизгнул, толкнул его еще раз. Мне было противно, что он шумит.

Конечно, мне не следовало сердиться на невинное животное. Но несколько недель я так много, так ужасно много работал и мои нервы так расшатались! Я сделался ребячески раздражителен; да, да, каждая безделица доводила меня до истерического бешенства. Самые мелкие неприятности превращались для меня в большие огорчения, когда я начинал думать о них...

Я взял с полки книгу и стал перелистывать ее страницы, отыскивая выдержку, которая, как нарочно, ускользала от меня. Я не мог сосредоточиться на своем деле и невольно думал о Джеке.

Теперь мне стало казаться, что бедный пес за последнее время пережил невеселые дни. Я часто толкал и бил его без всякого повода. Да я очень часто бил его.

Вот и недавно... кажется, третьего дня, я ударил Джека тяжелой тростью и бил его, пока совсем не оглушил. Бедный пес! Плохо жилось ему в последнее время. Но прежде я хорошо обращался с ним и никогда не выходил из себя. Все эта работа! Я скоро окончу ее и тогда буду лучше обходиться с ним. А все-таки ему жилось плохо...

И вдруг мне стало страшно жалко Джека. Я отложил книгу и пошел к нему, чтобы погладить и приласкать его. Но когда я позвал мою собаку, Джек вздрогнул и спрятался под большое кресло. Я постарался ласково вызвать его, но он не шевелился, сидел скорчившись, поджав хвост, опустив уши.

Его недоверие почему-то снова взбесило меня. Я выбрал Джека и нагнулся к нему с кочергой, потом открыл дверь кабинета и выходную дверь, продолжая кричать. Я не мог успокоиться, не мог замолчать... Джек, наконец, выскочил из своего убежища и бросился на улицу. Я все еще держал кочергу и, когда Джек выбежал из выходной двери, швырнул ее в него. Она ударила о косяк двери и расще-

пила деревянную обшивку. А Джек... Джек, перескакивая через порог, обернулся, и я увидел его злобно оскаленные белые зубы.

Я закрыл дверь, вернулся в кабинет, но не мог больше работать. И странное дело, я все время думал о том, как блеснули зубы Джека. Мне представлялось выражение глаз собаки, которое соответствовало зловещему искривлению ее губ, и картина, которую рисовало мое воображение, совсем завладела мной.

Я пробовал привести свой ум в порядок, направить мысли на работу, но это было выше моих сил. Едва успел я написать несколько плохо обдуманных слов, как перед моими глазами бумага расплылась в странное пятно, на котором выступила грозная морда Джека.

Нет, положительно я не мог работать и решил освежить голову, погуляв перед сном.

Я взял шляпу, трость и пошел в выходу. Разбитый косяк двери попался мне на глаза.

— Немудрено, что он меня ненавидит, — подумалось мне. — Бедный песик! — Но в ту же секунду я вспомнил его блестящие зубы и громко вскрикнул. — Скалиться на меня? О, я убью его, убью!

Стояла тихая, бесшумная, безветренная ночь. Почти полная луна превращала все в мир черных теней и белого света. Церковные часы пробили два. Я не думал, что так поздно.

Сделав шагов пятьдесят по дороге, я вдруг услышал позади себя легкий шум лап Джека. Я обернулся, позвал его. Он был шагах в трех от меня, но я не мог заставить его подойти поближе. И вот в тени, падавшей от живой изгороди, я увидел еще двух собак.

Не обратив на них внимания, я пошел дальше, думая о своей работе, но вскоре заметил, что тихие шаги стали гораздо слышнее, гораздо громче. Я обернулся и увидел, что за мной идут около десяти собак, по большей части худых, жалких, голодных.

Я остановился; они тоже остановились и смотрели на меня, смотрели, не отрывая глаз; мой Джек был впереди всех. И вот, пока мы стояли, я заметил, что полуголодная

дворняжка скользнула через отверстие в изгороди и стала рядом с другими собаками. Она не смотрела ни вправо, ни влево, не двигалась и не спускала с меня глаз. И мне почудилось, что все эти собаки задумали что-то и теперь исполняли задуманное.

На мгновение мне захотелось повернуть назад, но я решил, что нелепо бояться стаи плохо кормленных бродячих собак и пошел дальше. Когда я поворачивался, мне показалось, что все эти собаки довольны. Я решил не смотреть назад до разветвления дороги, где один путь отклоняется на запад. «Что за беда, — мысленно говорил я себе, — что за мной идут несколько собак?»

Но мои нервы натянулись... Казалось, еще немного, — и я поверну и, охваченный паникой, побегу в моему дому. Однако, я боролся с собой, я сдерживался.

Я шел вперед. Тем не менее, я внимательно прислушивался к топоту, который раздавался позади. Близ разветвления я посмотрел назад, и у меня перехватило дыхание: за мной было, по крайней мере, собак пятьдесят. Они стояли поперек дороги, прижимаясь одна к другой, беззвучные и неподвижные. Что-то ужасное было в этом полном молчании и неподвижности. Они ждали. Чего? Вероятно, хотели видеть, что я сделаю дальше.

А впереди всех по-прежнему держался Джек; он стоял окаменелый, как статуя, и не спускал с меня глаз. В его пристальном, неподвижном взгляде не было ни страха, ни гнева, ни удовольствия: он просто ждал.

— Джек, — позвал я его. Ни один мускул собаки не пошевелился.

Я перевел глаза на других собак. Среди стаи я узнавал псов, которых иногда видал в деревне: черного ретривера оружейника, терьера бакалейщика. Но больше всего было каких-то собак неизвестной породы, ублюдков. Мысленно я назвал их «бездомными париями» и задал себе вопрос: где же они ютились до этой ночи?

Я не мог больше выдержать, я решил вернуться домой. Мои нервы напряглись до крайности, я сделал шаг назад по той дороге, которая меня привела к перекрестку.

Но все морды поднялись, и я увидел много рядов оскаленных белых зубов. Собаки не двигались... Ни один звук не нарушал ужасной тишины. Колебаясь, я снова сделал шаг вперед. Все страшные губы сморщились, клыки обнажились сильнее прежнего... И все же под серебряным светом луны стояла полная тишина. Ни ворчания, ни воя...

Так мы стояли несколько времени. Я терялся, я не знал, что делать... Наконец, вспомнил, что западная дорога, делающая круг, вела к моему дому. Я отступил на несколько шагов, потом повернулся, чтобы пойти по западной дороге. Быстро, в полном порядке, фаланга собак образовала полукруг и загородила передо мной этот путь. Пораженный, я остановился в нерешительности. Потом окончательно потерял мужество и бросился бежать по единственной свободной дороге, на восток.

Собаки бежали за мной, не догоняя меня, и по-прежнему молчали. Раз я со страхом обернулся через плечо. Впереди был Джек, и ни один из псов не старался поравняться с ним. Можно было думать, что он командует ими.

Дорога, по которой я бежал, выходит на большое шоссе вдоль берега реки. Я выбежал на него; молчаливая свора по-прежнему не отставала... С одной стороны шоссе тянулась невысокая изгородь, с другой — при свете луны блестела гладкая поверхность реки.

Я бежал, надеясь сам не зная на что. О, если бы собаки залаяли, заворчали, завыли, — ко мне, может быть, вернулось бы мужество... Именно мертвое мрачное молчание мстительной стаи заставляло меня содрогаться.

Я дышал все быстрее, все короче... В глазах у меня темнело... Я несколько раз споткнулся... Я понял, что погибаю. Передо мной тянулась открытая прямая дорога, и я нигде не мог надеяться укрыться...

Я задыхался... я остановился, прижав руку к сердцу.

«Теперь собаки бросятся на меня, повалят и разорвут», — подумал я и поднял руку, чтобы защитить глаза.

Несколько времени стоял я так, выжидая, но ничего не случилось, и я опустил руку, чтобы оглядеться.

Собаки снова стояли полукругом, отрезав мне дорогу спе-

реди и сзади; их языки висели из пастьей, около морд клубился пар, но я не уловил ни звука.

Вдруг Джек осторожно двинулся вперед... Он почти полз, потом остановился в ярде от меня и поднял голову. При ярком лунном свете я увидел его глаза и в них прочел ненависть.

— Джек, — позвал я, но мой голос сорвался. А он все смотрел, смотрел и не дрожал.

И вдруг он тьякнул раз, один раз! Чары неподвижности спали с других собак, они стали медленно подползать ко мне, прижимаясь к земле и скаля зубы. Полукруг сужался, ряды делались гуще. Тут я все понял...

Передо мной оставался только один свободный путь; они гнали меня в реку!

Собаки подползали все ближе, ближе... Во мне заговорило мужество отчаяния, я решился пробиться сквозь их ряды. Подняв палку, я бросился им навстречу. Собаки поняли и стеснились. Я колотил их тростью и кричал. Но они, эти собаки, в ответ страшно кусали меня...

Слышался только лязг их зубов...

Зубы тотчас же выпускали меня и снова кусали. Безумная боль приводила меня в бешенство. Я дико бил палкой, но почти все мои удары пропадали даром, — а укусы так и сыпались, и от каждого из них мое тело горело, точно от прикосновения раскаленного железа. Шумел и кричал только я; собаки были неумолимы, но молчали. И эта тишина подавляла меня...

Наконец, я отбежал шага на три к центру. Собаки не бросились за мной, но снова образовали полукруг и поползли, сужая полукольцо... Я увидел, что до реки осталось всего шесть футов...

Вот они совсем подле меня, время от времени кусают, гонят в реку. Вот осталось два фута. Я обернулся... Вода блестела почти подо мной. Река была полноводна, а плавать я не умею...

Бешенство, а не мужество помогло мне броситься вперед, я колотил собак кулаками, палкой, бил их ногами, кричал. Но все-таки дюйм за дюймом они меня гнали к реке.

Боль от ран доводила меня до безумия... я кричал, проклинал их. А собаки, по-прежнему бесшумные, кусали меня, извивались у моих ног и даже умирали, не издавая ни звука.

Вдруг они окаменели, как статуи, я тоже остановился и замер с поднятой палкой. Джек подполз ко мне, подполз совсем близко... и сделал высокий прыжок. Казалось, остальные собаки уступили ему последний удар.

Я увидел его глаза с неизъяснимо ужасным взглядом, и даже не попытался оттолкнуть его. Он прыгнул мне на грудь, и от толчка я пошатнулся и упал в воду. Падая, я закричал...

Браконьер, возившийся в тростниках, нашел меня и привел в чувство.

По его словам, он не слышал, как я звал на помощь, не слышал даже, как я кричал, когда отбивался от этих адских собак. Теперь я в больнице и знаю, что меня считают сумасшедшим. Когда я рассказываю об ужасной ночи, все говорят со мной сочувственно, но неопределенно, переглядываются и болтают что-то о переутомлении, о натянутых нервах.

Пусть себе думают, будто я вообразил весь этот ужас. Не все ли мне равно? Ведь я-то знаю правду. И стоит мне закрыть глаза, чтобы вспомнить взгляд Джека и глаза других собак, которые помогали ему мстить. Я буду всю жизнь помнить эти неумолимые глаза и в минуту смерти, конечно, увижу их.

Жак Сезанн

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Маркиз де ла Шасне тщательно складывал обрывки письма, которые он нашел на полу в гостиной — и вот что он прочел:

Реш. пол. пер. бес.

Он сразу понял эти каббалистические слова, написанные его женой, и ему стало ясно то, что с некоторых пор происходило в замке; слова означали, несомненно, следующее:

Решено в половине первого, в беседке.

Итак, его жена назначала свидание гостившему у них капитану де Кавальону... Так вот почему маркиза выбрала себе самые отдаленные комнаты в замке... Таков был эпизод его женитьбы по любви.

Ла Шасне почувствовал себя униженным, мелькнула мысль о мести...

Между тем, приближался час обеда; маркиз пошел переодеться.

К обеду собрались все гостившие в замке, было шумно, весело. Капитан де Кавальон был в ударе и много острил; маркиза оживленно ему отвечала; их лица были радостны, они наслаждались жизнью и любовью.

Случайно кто-то заговорил о нашумевшем недавно процессе, стали вспоминать всевозможные романтические истории.

— Один из моих предков, — рассказывал капитан де Кавальон, уморил голодом в башне изменившую ему жену...

— А мой прадед, — говорил маркиз, — заколол шпагой жену и ее любовника!

— Перестаньте вспоминать такие ужасы, — просила маркиза, — слава Богу, те жестокие времена миновали...

Завязался спор, одни защищали жен, другие мужей. Маркиз злорадно улыбался про себя: он решил мстить сегодня же.

II

Около 11 часов все разошлись по своим комнатам. Маркиз сошел в сад, позвал сторожа и приказал:

— Жюль, через два часа спустите собак с цепи.

— Но, барин, ведь эти доги никого не признают, кроме меня, ночь так темна, они могут разорвать человека...

— Разве вы не слышали, что в окрестностях появилось много бродяг?

— Слушаю, барин, через два часа я спущу собак.

Де ла Шасне ходил задумчиво около замка; была чудная июньская ночь, настоящая ночь любви. Благоухали цветы, а ему сквозь аромат мерещился запах крови... Не для мнимых бродяг приказал он спустить догов, тех самых догов, которых маркиза прислала осенью из Парижа...

Шасне поднялся к себе, взял револьвер, затем уселся в темном углу у одного из подъездов. Можно будет наблюдать и быть незамеченным.

После двенадцати послышались где-то шаги, очевидно, шли по коридору, потом скрипнула лестница; вскоре дверь открылась и капитан де Кавальон быстро направился в темную аллею.

Через четверть часа таким же путем и по тому же направлению проскользнула маркиза... Кругом тихо... темно...

До беседки было не больше двух сажен и ночью должно бы было доноситься малейшее движение, звуки, а между тем, все тихо...

Вдруг маркиз подумал: а что, если Жюль не спустил собак? Он побежал к будкам — пусто. Тогда маркиз начал осторожно пробираться к беседке; приближаясь, он услышал ворчание собак и голос капитана, успокаивающий их:

— Пэджи, Кэтти, замолчите же, так-то вы слушаетесь старого хозяина!

Затем де Кавальон шутливо обратился к маркизе:

— А я-то старался дать им хорошее воспитание!

Маркиз понял: собаки были подарены капитаном, а во все не куплены...

Теперь они узнали своего владельца и радостно его приветствовали.

Положение де ла Шасне становилось ужасным.

Маркиза говорила капитану:

— Послушайте, Поль, я боюсь... Наверное, где-нибудь поблизости мой муж. Я предчувствую что-то недоброе...

— Да, да, это я! — закричал маркиз. — Вам не удастся бежать.

И в полутьме беседки он старался различить их тени, направлял револьвер, он прицелился...

— Негодяй! — вскрикнул капитан.

В одно мгновение Пэджи кинулся на маркиза и повалил его, на помощь бросилась и Кэтти. Несчастный де ла Шасне застонал, конвульсивно поднялся — упал, кровь хлынула изо рта: доги перегрызли ему горло. Маркиз был мертв.

* * *

Никто не узнал тайны этой ночи. Капитан де Кавальон уехал в Марокко, маркиза поселилась в монастыре. Прошел

год... Любовь восторжествовала: капитан женился на маркизе де ла Шасне.

Вблизи Бордо продается усадьба Шасне с двумя громадными догами — прекрасными сторожами.

Пьер Лоти
ГОВЯДИНА

Посреди Индийского океана, скучным вечером, начинал уж стонать ветер.

Два бедных быка оставалось у нас из двенадцати, взятых из Сингапура, чтобы быть съеденными дорогой. Этих двух, последних, приберегали, так как переезд затянулся, препятствуемый неблагоприятным ветром.

Стояли они вдвоем — бедные, чахлые, исхудалые, жалкие, с кожей, уже потертой на выступах костей благодаря боковой качке. Уже много дней плыли они в этом несчастном положении, оборотясь спиной туда, назад, к своим пастбищам, куда никто не вернет их больше, коротко привязанные за рога один возле другого и покорно наклоняя головы всякий раз, как волна врывается оросить их тела новым студеным душем. С потухшими взорами, они жевали вместе скверное сено, смоченное соленой водой, — животные, приговоренные к смерти, вычеркнутые заранее из числа живых существ, но обреченные страдать еще долго, прежде чем быть убитыми, — страдать от холода, толчков, отяжеления, неподвижности и страха...

Вечер, о котором я говорю, был особенно грустен. На море бывает много таких вечеров, когда грязные свинцовые облака тянутся по горизонту, где потухает день, когда ветер подымает свой голос и ночь обещает быть непокойной.

Тогда, в сознании своего одиночества среди безбрежных вод, нас охватывает тревога, какую никогда не могут внушить сумерки на земле, даже в местах самых мрачных. А эти два бедных быка, существа, взросшие на лугах и пастбищах, которым больше, чем людям, чужда эта движущаяся пустыня и не знающие, подобно нам, надежды, должны были, наверное, — несмотря на первобытность своего ума, — испытывать в нем смутно образ своей близкой смерти.

Они жевали жвачку с медленностью больных, устремив свои большие, неподвижные глаза на эти зловещие морские дали. Один за другим товарищи их были убиты на этом самом помосте, рядом с ними. Около двух уж недель они жили одиночеством, опираясь друг на друга во время качки, потирая один у другого рога в знак дружбы.

И вот человек, на обязанности которого лежало продовольствие, подымается ко мне на мостик, чтобы сказать мне в установленных выражениях:

— Капитан, сейчас будут убивать быка!

Черт бы побрал этого господина! Я принял его очень дурно, хотя, конечно, его вины тут не было никакой. Но, в самом деле, мне не везло с самого начала этого переезда: всякий раз во время моею дежурства приходилось убийство быка!.. А происходит оно как раз внизу под мостиком, на котором мы прогуливаемся, и вы можете сколько угодно отворачивать глаза, думать о чем-нибудь другом, смотреть в море, — и все-таки не избежите от того, чтоб слышать удар большого молота, попадающего между рогов, в середину лба бедного быка, притянутого очень низко к кольцу на помосте; затем следует звук падения животного, которое рушится на пол с бряканьем костей. И тотчас после этого с него сдирают кожу, распластывают его, разделяют на куски; отвратительный, выворачивающий душу запах распространяется от его вспоротого желудка и везде, кругом пего, доски корабля, обыкновенно столь чистые, обгагрываются кровью, покрываются мерзостями.

Итак, пришло время убивать быка. Кружок матросов собрался возле кольца, где его должны были привязать для казни — и, из двух оставшихся, пошли привести более слабого, почти уже умирающего, который дал себя увести без сопротивления.

Тогда другой медленно повернул голову, чтобы проводить его грустным взглядом, и, видя, что его ведут на то место несчастий, где пали все предшествующие, он понял. В его бедном, вдавленном черепе жвачного животного явился проблеск сознания, и он испустил скорбный рев... О, крик этого быка, — то был один из самых зловещих звуков, какие когда-либо заставляли меня содрогнуться, и в то же время — одно из самых таинственных проявлений, какие довелось мне наблюдать... В этом крике был тяжкий укор нам всем, людям, и также что-то вроде надрывающей душу покорности; что-то сдержанное, подавленное, как будто он чувствовал глубоко, как бесполезен его стон и как все

равнодушны к его призыву. С сознанием общего отчуждения, он как будто бы говорил: «Ах, да! — вот пришел неотразимый миг для того, кто был моим последним братом, кто пошел со мной оттуда, из отечества, где мы бегали среди пастбищ. И моя очередь наступит скоро, и ни одно существо на свете не пожалеет меня точно так же, как я его...»

О, нет! Я жалел его! В эту минуту меня охватило даже безумное сострадание и почти неудержимо влекло броситься к нему и, взяв его большую-большую и отгалкивающую голову, прижать ее к своей груди, так как это один из наиболее свойственных нам вещественных знаков, чтобы утешить призраком защиты тех, кто страдает или кто должен умереть....

Но, в самом деле, ему нечего было ждать помощи ни от кого, так как даже я, так сильно почувствовавший смертную скорбь его крика, — и я оставался спокойным и недвижимым на своем месте, отворачивая глаза... Из-за отчаяния животного, — не правда ли? — не изменять же направление хода корабля и не лишать же триста душ людей их обычной порции мяса! Можно прослыть за сумасшедшего, на минуту лишь остановив над этим свою мысль.

Между тем, молоденький матросик, быть может, также одинокий на свете и не встречавший сострадания, — услышал его призыв, услышал в глубине своей души, как я. Он подошел к нему и начал тихонько чесать его бороду.

Если бы он подумал, он мог бы сказать ему:

— Они все умрут, будь покоен, те, что будут есть тебя завтра; все, не исключая самых молодых и самых сильных. И, быть может, тогда роковой час, сопровождаемый более продолжительными страданиями, будет более беспощаден для них, чем для него. Тогда, может быть, они предпочли бы удар молота прямо в середину лба.

Животное отвечало ему лаской, смотрело на него добрыми глазами, лизало ему руку. Но это был, конечно, последний проблеск сознания, мелькнувший в его низком и замкнутом черепе, и он скоро погас. Посреди зловещей беспредельности, по которой корабль уносил его все быстрее, в холодных брызгах волн, в сумерках, предрекающих дур-

ную ночь и рядом с телом товарища, представлявшим теперь бесформенную массу говядины, подвешенной на крюк, — бедный бык принялся спокойно жевать. Его близорукое сознание не шло дальше; он не думал больше ни о чем; он ничего больше не помнил.

[Без подписи]

**ЧЕЛОВЕК, СЪЕВШИЙ КУСОК
СВОЕГО ЛУЧШЕГО ДРУГА**

В маленькой деревушке близ Киля лет двадцать жил старый матрос по имени Николай Напуткин, родом из Финляндии. Был он человек угрюмый, одинокий, никогда не смеялся, почти все время проводил на море в своей парусной лодке за ловлей рыбы, которой, главным образом, и питался.

О его прошлом было известно только, что он много плавал по дальним морям, потерпел кораблекрушение близ мыса Горн и побывал в плену у дикарей — но сам он об этом не рассказывал и терпеть не мог, чтобы его расспрашивали. Соседи находили, что у него дурной характер.

Однажды старуха-соседка, удивившись, что он все утро не выходил из дома, отворила дверь и зашла к нему. Старик лежал в постели и еле ворочал языком.

— Помираю, матушка, — с трудом выговорил он. — Конец мой приходит. Сходите, будьте добры, за священником.

Пришел священник. Напуткин попросил созвать и соседей и стал просить у них прощения за свою угрюмость и неприветливость к ним, говоря:

— Когда вы узнаете мою историю, вы поймете, почему я всегда был так угрюм. Жизнь была в тягость. Меня мучили воспоминания.

И он рассказал следующее:

«В 1891 году я был матросом на трехмачтовом судне, шедшем из Гамбурга в Сан-Франциско. По пути мы должны были зайти в Португалию, в Рио-де-Жанейро, в Буэнос-Айрес; потом обогнуть мыс Горн и вдоль берега обеих Америк добраться до Фриско.

Первая часть пути обошлась благополучно, но за Пунта-Аренас нас хватил жестокий шторм. Корабль наш наткнулся на подводные рифы, сломался пополам и пошел ко дну. Из 23 человек экипажа спаслось только двое: мой приятель ван дер Тейлен и я. Офицеры все утонули.

С Тейленом мы были с детства друзья и не раз уже плавали вместе на различных судах. Он меня выручил из беды, когда я подрался с китайскими кули в Гонконге; я спас его, укокошив здорового негра из племени галла, который замахнулся на него палицей. И карманные деньги,

и табачок мы делили все пополам и жили, ну прямо сказать, как родные братья.

Помогая друг другу, мы кой-как добрались до берега и целый день блуждали по этому пустынному берегу, голодные, иззябшие, промокшие до костей, пугаясь каждого шороха, так как знали, что здешние дикари гостеприимством не отличаются.

Под вечер на нас напала орда чернокожих и забрала нас в плен. Связанный по рукам и по ногам, лежал я в дымной вонючей хижине, мучимый страхом и голодом, не имея понятия о том, что случилось с моим другом ван Тейленом.

На другое утро какая-то отвратительная мегера принесла мне напиток, потом развязала мне правую руку и сунула в нее кусок жареного мяса. Как я уже говорил вам, я был страшно голоден и накинулся на жаркое, не спрашивая себя, что это за мясо. По вкусу мне показалось, что это свинина. Как описать вам мой ужас и отвращение, когда я убедился, что дикари, не только убили и разрубили на куски моего бедного друга, но еще и изжарили его и съели — и меня заставили съесть кусок.

Поставьте себя на мое место. Я не был виноват — я не знал — но с этого дня мое существование было отравлено. Ночью меня мучили ужасающие кошмары... Сколько раз я хотел убить себя, чтоб избавиться от этого ужаса!..

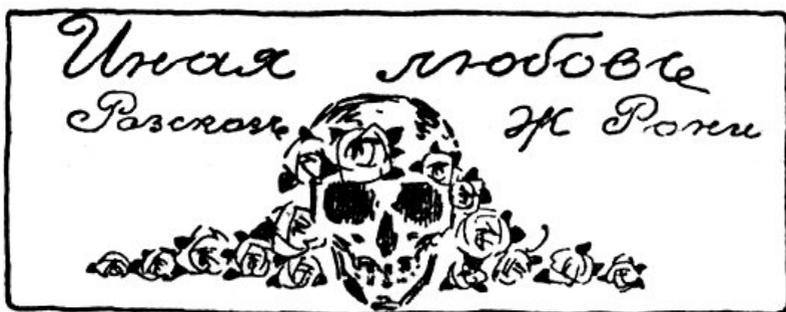
Еда для меня стала пыткой. Мяса я и видеть не мог: от одного запаха его меня воротило с души... Если б вы знали, сколько я выстрадал!.. Неужто Бог за эти муки не простит мне этого моего невольного греха?»

Бедняга умолк, но в тускнеющих глазах его застыл ужас. Все присутствующие были взволнованы. Старуха-соседка плакала.

К вечеру Напуткин умер.

Ж. Рони-младший

ИНАЯ ЛЮБОВЬ

Мы все, шесть товарищей по училищу, собрались в Гранд-отеле, чтобы провести вечер с нашим другом Вокро.

Вокро только что возвратился из путешествия — исследования далеких стран.

Нам подали обед в маленьком отдельном зале, и разговор сразу стал интересным и душевным — у нас было столько общих переживаний и воспоминаний. Беспреданно слышалось: «А помнишь ли ты?..», воспоминания о литературных стремлениях и увлечениях сменяли воспоминания увлечений в Латинском квартале. Шампанское окончательно сблизило наши воспоминания; казалось, что мы никогда не расставались и все невзгоды теперешней жизни были забыты — мы наслаждались нашими давно минувшими радостями.

Между тем, кто-то назвал Сину-Ко-Ки-У, нашего товарища по лицу, — сына негритянского короля. Вокро нервно вздрогнул.

— Этот отвратительный негр, — пробормотал он.

— Как «отвратительный негр»? — возмутился Докон, — Да ведь это же был ваш самый близкий друг. Он ни на шаг от вас не отходил, подражал вам во всем, даже одевался у вашего портного. Его облик несколько приближался к вашей внешности, и мы прозвали его тенью Вокро, что, впрочем, и подобало негру.

— Я несколько не отрицаю всего этого, — ответил наш ученый, — я даже напомню вам больше: он отнял у меня мою прекрасную Эмму, вероятно, тоже из подражания. Бедняжка Эмма полюбила его и так к нему привязалась, что,

когда Сину-Ко-Кн-У призвали на родину, она уехала с ним. А потом? Я думаю, что никто из вас больше о ней не слышал?

— Да, в самом деле. Какая постигла ее участь? Странная судьба, — сказал я. — Представляю себе Эмму любимицей Сины, обожаемой, как божество и ненавидимой чернокожими подругами... Но как бы ни было, у нее с Синой есть доброе прошлое: наш блестящий Париж, искусство, наша литература, все то, что научили Сину любить и понимать вы, Вокро.

— И до такой степени, что он повез с собой большую библиотеку, прекрасно составленную; я это знаю потому, что присутствовал при его отъезде и однажды, в скверные минуты, эти книги меня немного утешили.

— Но хотите ли вы сказать, что вам попалась эта библиотека во время ваших бедственных странствований?

— Не только библиотека, но и сам Сина-Ко-Ки-У... Это происшествие стоит рассказать подробно. Придется вам напомнить, что Сину вызвал отец домой в разгар своего восстания против французского правительства. Восстание вскоре усмирили, сам король был взят в плен, сын его, Сина, бежал на восток, где и воцарился. Я, конечно, и не подозревал о его пребывании в этой ужасной местности, когда в конце ноября 1900 года я дошел до границ Конго.

Вы уже знаете, что моя экспедиция была неудачной; нас осталось всего трое и несколько туземцев-проводников. Совершенно изнуренные лихорадкой и непосильным трудом, мы с трудом двигались вперед, все еще на что-то надеясь. В довершение всех бед, мы встретились с отрядом воинов-негров, радостно нас приветствовавших; они предложили нам гостеприимство и повели к своему королю. Но едва только мы вступили в деревню, королевскую резиденцию, как нас схватили, связали...

«Кто и где научил негра такому притворству и предательству?» — спрашивал я себя.

Мы попали к антропофагам и мы, белые, были предназначены к царскому столу.

Ужас охватил меня... Я решил попытаться умилостивить короля и просил аудиенции, сочинив какую-то басню о неведомых сокровищах в его стране. В конце концов меня повели к королю.

Представьте себе большого негра, одетого в черное, как будто европейское платье, вернее, жалкие остатки этого платья и в сером цилиндре; над головой этого «величества» сановник в жокейской шапочке держал зонтик... Эта царственная карикатура с любопытством рассматривала меня...

Вдруг король воскликнул;

— Вокро, неужели ты?!

Это был Сина Ко-Ки-У, почти неузнаваемый в своем неподражаемом величии.

Я заговорил:

— Так вот все, что удалось цивилизации сделать из тебя?

Он презрительно рассмеялся.

— На что мне здесь твоя цивилизация, милый мой! Она хороша там, на бульваре Сен-Мишель.

Я был изумлен — такое превращение казалось мне невероятным.

Между тем, Сина выслал из комнаты сановника; мы разговорились и, уверяю вас, дружеских воспоминаний было не меньше, чем сегодня, здесь.

— Где же Эмма? — спросил я.

Он как-то нахмурился, странно улыбнулся, наконец пробормотал:

— Несчастливая умерла.

— Наверное, не перенесла климата?

— Нет, не то. Ты, вероятно помнишь, что мне пришлось завоевывать себе новое королевство. Ну, так вот, мы с ней здесь и поселились. Я любил Эмму; мы были счастливы... Помнишь мои книги? Она читала мне Флобера... Но ведь ты знаешь порок моего народа — эти люди антропофаги. Вначале для меня это было мучительно, просто отвратительно. Но с этой привычкой надо было считаться: наши жрецы могли бы убить меня самого. И приходилось так считаться, что я, чтобы угождать им и, может быть, благодаря известной доле атавизма, я тоже привык изредка съедать неприятельские ноги! Впоследствии я стал проделывать все это с утонченностью, приобретенной вашей цивилизацией. И вот, когда бедная Эмма...

— Она возненавидела тебя?

— Ничего подобного: она была слишком умна и послушна, чтобы противиться закону страны. Она была по-прежнему счастлива, цвела, полнела. А я, я стал любить ее иначе, другой любовью... Да еще кто-то из министров дал мне эту мысль... Я все колебался, но в день какого-то торжества, на пиршестве...

— Чудовищно, — воскликнул я, возмущенный, забыв, какой опасности я подвергаюсь сам.

— Ты так думаешь? — усмехнулся Сина.

И, вспоминая Паскаля, прибавил:

«Если заблуждение здесь, то истина по ту (другую) сторону Пиреней».

Впрочем, он поспешил успокоить меня и объявил, что мы свободны.

— Не благодари, моя заслуга невелика, — ведь вы так худы!

Ж. Рони-младший

ОВЕЧКА

Я едва не потеряла сознание в эту минуту, но чувство самосохранения удержало верх над ужасом, который мне внушал этот отвратительный человек. Мои руки были связаны двумя веревками, мои ноги были притянуты к тяжелой мебели. Я должна была подчиниться его мерзким поцелуям и объятиям; но я все еще не теряла сознания.

Точно мрачный демон мщения поселился во мне и не позволял мне упускать из виду ни одного из его жестов, ни одного движения его лица. Хотя я была измучена физически, но моя мысль напряженно работала, точно впитывая в себя весь ужас происшедшего. Драма приходила к концу. Негодяй растянулся около меня. Наконец, мои широко раскрытые глаза стали его беспокоить. Я подумала, что он убьет меня. Но он этого не сделал. В этом была его ошибка. Разбойник должен оставаться разбойником до конца. Но им овладела какая-то своеобразная нежность.

— Эй ты, дрянь, — сказал он. — Я лучше не стану тебя приканчивать... Мы с тобой встретимся еще разок...

— Быть может, — отвечала я, — быть может.

— А ты меня не собираешься укокошить? Это мило с твоей стороны. Я тебя развяжу, поболтаем...

Он развязал меня; я осталась лежать около него. Теперь уже было поздно убежать от него.

— Славно мы повеселились! Я думал, ты станешь жеманничать.

— Вы меня не знали!

Мои глаза были устремлены на него. Я наслаждалась своей ненавистью; я пила медленными глотками горький напиток злобы. Я думала о своем юном теле, обесчещенном этим висельником. В каком-то хаосе, точно после кораблекрушения, проходили перед моими глазами мои нежные, девственные грезы, мои мечты, мои честные родители. Вот явилось это чудовище и разбило мою жизнь.

— Закрой свои глаза, — сказал он, — они мне мешают. Я хочу спать.

— Хорошо... Хорошо... Я не хочу вам мешать.

Он расхохотался. Я тоже посмеялась немного. Я видела себя снова у своей мамы, в нашей светленькой квартирке

на улице Гош. Мой отец умер, оставив нам наследство в несколько миллионов. Мы были чужды светским пустым удовольствиям и так щедро помогали бедным, что один из моих дядей начал поговаривать о том, чтобы нас взять под опеку. Негодяй знал все это. По своей профессии он был мебельщиком, но вот уже много лет не занимался этим ремеслом.

Он прибег к нашей помощи и нашел у нас поддержку. Так мы с ним познакомились. Его обуяла страсть. Я вспоминаю, что у меня явилось какое-то недоброе предчувствие, когда как-то днем мы с матерью были у него и принесли ему денег, чтобы заплатить за квартиру. Он лежал в лихорадке и сказал нам, что хозяин грозит выкинуть его вон. Он двадцать раз рассказывал нам подобные истории и всегда выманивал при этом 5-6 луидоров. То ему надо было починить свой инструмент, то купить соломы и тростника или заплатить налог, — он знал тысячи уловок. Моя мать еще пыталась с ним спорить; я — нет. Я не верила ему, но считала, что должна смотреть на это сквозь пальцы. Я предпочитала, чтобы меня сто раз обманули, но не могла отказаться в помощи.

Известно, что жестокость насильников увеличивается пропорционально слабости их жертв. Мебельщик весьма быстро нас раскусил, оценил и стал презирать. Чем больше мы ему давали, тем он больше требовал; скоро денег стало мало, и он решил овладеть мной...

Однажды, когда матери не было дома, я получила записку, в которой меня умоляли немедленно явиться к умирающему мебельщику. Никто не заметил, как было принесено письмо. Вероятнее всего, он принес письмо сам, дождался, пока мать ушла, и отдал его привратнице. С точки зрения нищего он верно рассчитал, что я захочу исполнить свой акт милосердия тайно и ничего не скажу своей горничной.

Теперь, когда преступление совершилось, я, при свете своей ненависти, ясно вспоминаю все эти подробности. Этот человек сперва хотел меня убить; громадный нож, лежавший на столе, должен был послужить ему оружием, — я

знала это так же твердо, как и сам убийца. И, тем не менее, моя жизнь была спасена. Такого рода негодяи бывают очень предусмотрительны, когда дело идет об удовлетворении их чувственности, но они становятся удивительно беспечными, когда их страсть удовлетворена.

— Как же это так? — заговорил он. — Ты, стало быть, тоже на меня поглядывала? А я-то все сомневался!.. Так, значит, и богатые люди тоже не из камня сделаны.

Эта мысль была ему особенно приятна: она уравнивала разницу между ним и мной и доставляла пищу его цинизму.

— Да, — повторила я, — конечно, не каменные.

— Черт возьми, ты такая славная девчонка, и тебе, верно, надоело, что мамаша все вертится около тебя... Ну, теперь она больше не станет тебе надоедать. Ты будешь делать, что захочешь. Тебе это нравится?

— О, конечно. Но теперь я устала, я хочу немного соснуть.

— Ладно. Давай спать.

Он выпил вина и завалился на кровать. Он заснул сразу. Я лежала около. Через несколько минут я стала ворочаться, задевая его, стала толкать его, — он не шевелился.

Тогда я встала, взяла веревку, валявшуюся на полу, и принялась за работу. Меня словно что-то озарило; и я делала все спокойно и методично: узлы мои были завязаны крепко, и мое искусство сделало бы честь профессионалу. Я сперва привязала его ноги и руки к кровати; потом перевязала его туловище, накинула петлю на шею. Человек пробудился только тогда, когда я стала засовывать ему в рот салфетку.

Он начал врать и кричать, но я все-таки зачихнула салфетку и сверху провела веревку, обвязав ею всю голову.

Он начал было задыхаться, но потом стал порывисто дышать носом. Потом он поднял на меня глаза.

Это был странный блестящий взгляд, в котором еще чудился его отвратительный смех.

— Теперь моя очередь, — сказала я.

Я взяла в руки нож. Одну минуту мне показалось, что я

не справлюсь со своим делом, что человек порвет узы, но он ослабел от сделанных усилий освободиться и от затруднительного дыхания. В его глазах блеснула мольба.

Он весь трепетал. Моя душа была полна злобной мстительности. Я вонзила нож в его грудь. Показалась кровь. Я посмотрела на нее и подумала, что это кровь нечистого животного, которая проливается во имя справедливости. Я немного успокоилась: я чувствовала себя карающей десницей.

Сперва он закрыл глаза, потом снова открыл их: они выражали ужас. Этот негодяй, только что смеявшийся над моей честью и жизнью, дрожал за собственное существование. Я улыбнулась.

— Ты хотел так расправиться со мной... И теперь ты жалеешь, что не сделал этого. Добрые судьи, наверное, сжалились бы над тобой, но я — нет!

Я говорила это, точно охваченная каким-то радостным возбуждением, с поднятым ножом в руках.

— Я не судья, нет! Я мстительница.. Ты слышишь? Я мщу за доброту, любовь к ближнему и за слабость.

Ему удалось как-то высвободить свой рот, и он вдруг закричал:

— Сжался! Сжался! Я больше не стану так поступать!

Эти крики только увеличили мою ненависть. Я несколько раз ударила его ножом, пока крики не стихли и на постели остался только труп.

Тогда я, никем не замеченная, вернулась домой. Я переоделась. Даже моя мать ничего не узнала. Моя жизнь потекла спокойно и счастливо, и никогда я не знала ни малейшего укора совести и не испытывала никакого сожаления.

Мартин Свейн

ЖИЗНЕННО

Полковник Ведж, добродушный, веселый холостяк лет пятидесяти, но еще бодрый и энергичный, приехал на неделю в Париж. В первый же день он осмотрел с утра некоторые интересные публичные здания, позавтракал в ресторане около С.-Мартена и пошел побродить по улицам. Часа в три он очутился в Монмартрском квартале.

Он шел, заложив руки за спину, и с наслаждением смотрел на все, что попадалось ему на пути. Вдруг взгляд его упал на яркую афишу кинематографа. Полковник был не прочь поразвлечься этим зрелищем и подумал, что здесь он, наверное, увидит что-нибудь необычайное. Афиша была, впрочем, довольно зловещего характера. Она изображала человека, на которого напали змеи, и Ведж достаточно понимал по-французски, чтобы прочесть, что представление в высшей степени жизненно, и смертная агония — шедевр актерского искусства.

«Гремучие змеи, — размышлял Ведж, разглядывая афишу. — Это — поразительно, какие фильмы стали готовить теперь».

Он постоял еще немного, изучая афишу, и решил войти. У кассы, стоявшей тут же, на мостовой, он взял билет. Было ясно, что заведение не первоклассное. С обеих сторон к нему примыкали два бара, а сама касса представляла собой старую будку-часовню, с прорезанным отверстием в задней стене. Публики вокруг почти не было, бары были пусты.

Человек, стоявший перед полинялой плюшевой портьерой, кивнул Веджу, и он очутился после яркого дневного света в совершенной темноте, за занавесью.

Ничего не было видно. Кто-то взял его за руку и повел вперед. Полковник щурил глаза, но тьма вокруг была абсолютная. Где-то налево он слышал знакомое щелканье кинематографа.

Казалось, что они идут по покатоному полу, но спуск был какой-то бесконечный. Ведж не говорил по-французски и не мог спросить, долго ли еще идти. Он неопределенно чувствовал, что вокруг него, где-то близко, были люди, и думал, что он в зрительном зале.

Но где же экран?

Нигде ни полоски света. Густая, непроницаемая тьма лежала перед ним и давила его, словно груз.

Но вот рука, лежавшая у него на плече, отпустила его. Полковник остановился, моргая глазами.

— Где я? — в бешенстве закричал он.

Ответа не было. Он подождал, прислушался. Ничего не слышно, далее шелканье кинематографа смолкло.

В глубоком изумлении он вытянул перед собой руки и сделал шаг вперед. Его вытянутая нога опустилась в пустое пространство. И с тревожным, пронзительным криком Ведж полетел вниз. Ему казалось, что он падает бесконечно.

И вот он, барахтаясь, шлепнулся на что-то мягкое. Но не успел он подняться, как что-то подхватило его, на лицо навалилась мягкая масса, как будто куча подушек. Удушливый, едкий запах наполнил его ноздри, и он потерял сознание.

Когда Ведж очнулся, он увидел, что находится в маленькой комнате, освещенной масляной лампой, висевшей на стене. Он лежал на гряде матрасов, связанный по рукам и ногам. Над его головой чернело в потолке круглое отверстие — вероятно, люк, откуда он упал. За столом сидели несколько человек. Они громко разговаривали по-французски, Ведж не мог понять о чем.

Их было шестеро. Пять — в грубых платьях, с красными или синими платками, обвязанными вокруг шеи, но один выделялся среди них, он производил впечатление зажиточного делового человека. Очевидно, он был вожаком этой банды. Ведж обратил внимание на его злое, энергичное лицо. Он говорил быстро, иногда с решительным жестом кивал головой в сторону кучи матрасов и стучал кулаком по столу.

Наконец, он встал и подошел к полковнику.

— Меня зовут Дэнс, — проговорил он сквозь зубы, отодвинув в угол рта сигару, которую курил. — Я — англичанин по рождению и очень люблю своих соотечественников. Этим вы обязаны тому, что вы здесь. Когда я увидел, как вы смотрите на афишу, я подумал, что вы как раз такой человек,

который мне нужен. Что вы на это скажете? Очень жалею, что вам не пришлось видеть фильм.

Полковник посмотрел на него в упор и ничего не ответил. Человек пожал плечами и отвернулся. Все шестеро опять заспорили и вышли из комнаты.

Шаги их смолкли в коридоре, и опять наступила полная тишина. Только где-то в углу капала вода на каменный пол. Ведж нашел, что кричать бесполезно.

Он лежал и прислушивался к биению своего сердца. В горле у него пересохло, голова болела; веревки врезались в тело. Он сделал несколько попыток освободиться, но напрасно.

— Что нужно этим людям от меня? — ворчал он. — Господь их знает! Убивать меня нет смысла. Уж не принимают ли они меня за кого-нибудь другого?

Звук шагов прервал его размышления. Отворилась дверь, и что-то звякнуло, как будто бы на пол поставили тарелку. Ведись понял намерение своих похитителей накормить его и решил, что это самое мудрое.

Он позволил тюремщику накормить себя и жадно выпил терпкое красное вино, которое тот поднес ему.

Когда обед был кончен, его опять оставили одного. Полковнику казалось, что прошли целые месяцы, прежде чем лампа вспыхнула последним пламенем и погасла. Он разглядывал стены, грубые, некрашенные кирпичи, отверстие в потолке. Закрывал глаза и старался заснуть, ворочался с боку на бок. Ничто не помогало. Время не проходило скорее. И в первый раз в жизни он понял, как легко сойти с ума.

Опять топот ног вывел его из дремотного, полубессознательного состояния. Дверь растворилась, и свет от фонаря блеснул ему в глаза. Вошли люди, которых он уже видел.

Двое из них развязали веревки, спутывавшие лодыжки полковника, встряхнули его и поставили на ноги. Он с трудом стоял; ноги совсем онемели.

Дэнс сел за стол. Полковника подвели к нему.

— По-французски не говорите? — спросил Дэнс.

— Нет.

Человек кивнул головой. Глаза его были внимательно устремлены в лицо полковника.

— Зачем я здесь? — спокойно спросил тот.

— Скоро увидите.

— Вам нужны мои деньги?

— Мы уже взяли их.

Остальные переглянулись. Они не были так уверены в себе, как человек за столом.

— Вы — английский офицер, не правда ли?

— Да.

— Видели когда-нибудь борьбу?

Полковник пожал плечами и ничего не ответил.

— Прекрасно. Я обещаю вам, что вы еще увидите, прежде чем умрете.

— Что вы хотите этим сказать? — закричал Ведж. — Вы собираетесь убить меня?

Ответа не было.

— Нужны вам деньги? — опросил полковник после некоторой паузы. — Я дам вам тысячу фунтов и обещаю не передавать дела в руки полиции.

— Он предлагает деньги! — воскликнул Дэнс, глядя на товарищей.

Люди закричали, зажестикулировали, замахали кулаками у самого лица Веджа, бесстрашно стоящего среди них

со связанными руками.

— Две тысячи! — решительно сказал он.

— Невозможно! — Человек за столом вскочил на ноги.

— Мы только теряем время.

Он схватил фонарь и вышел. За ним последовали остальные, толкая перед собой Веджа.

Они пошли по длинному каменному коридору, спустились по узкой лестнице и остановились у железной двери. Загремели ключи, заскрипел ржавый замок, и дверь распахнулась. Внутри было темно.

Дэнс поднял фонарь над головой. По его команде, полковника освободили от веревок и всунули ему в руку толстую суковатую дубину.

Ведж в минуту сообразил, что нельзя терять удобного случая. Он быстро замахнулся дубиной. Фонарь выпал из рук Дэнса и разлетелся вдребезги. Но в тот же момент полдюжины рук схватило полковника. Он защищался отчаянно, отбросил палку и пустил в ход кулаки. Но кто-то сдавил ему горло, другие уцепились за руки, его оттеснили назад. Стукнула дверь, и он, задыхаясь, упал на пол.

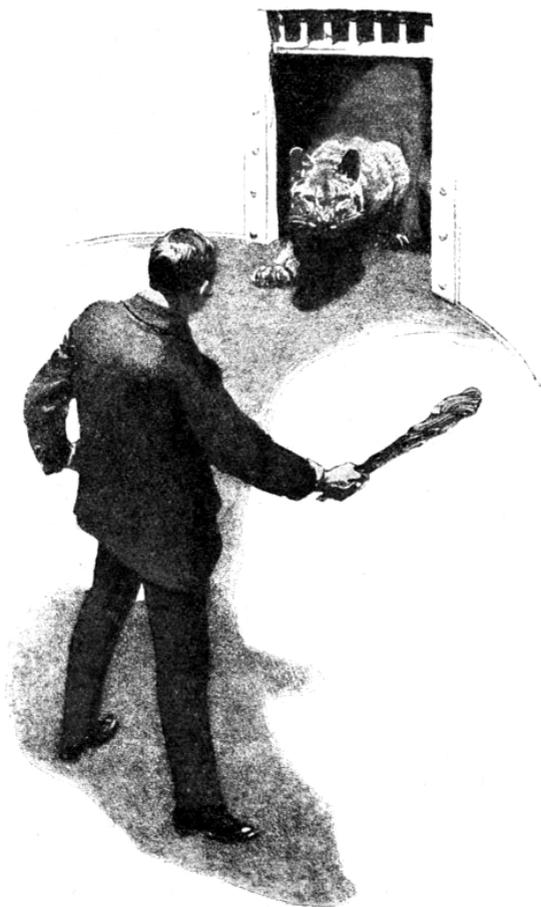
Ослепительный белый свет блеснул ему в глаза. Ведж, шатаясь, поднялся на ноги и оглянулся вокруг, защищая глаза руками. Он стоял посреди круглого пространства. Обнесенного гладкими белыми стенами. Пол был усыпан песком. Шесть ламп с рефлекторами бросали яркий свет на площадку. Верхняя часть была в тени, но Ведж различил у одной стены что-то вроде железного балкончика, футах в пятнадцати над полом. Оттуда, точно сквозь туман, на него смотрели несколько лиц. Кто-то наклонился и бросил ему дубину. По обеим сторонам галереи стояли два каких-то инструмента в форме ящиков.

Тут только Ведж сообразил, в чем дело. Картина борьбы человека со змеями вдруг стала ему понятной. «Чрезвычайно жизненно!» — вспомнил он.

И он инстинктивно почувствовал, что за темной дверью в другом конце этого колодца, сторожит его, — сторожит сама смерть.

— Я думаю, вы теперь поняли, — раздался голос сверху,

где сидели тени. — Мы надеемся получить великолепную фильму.

Полковник не дрогнул ни одним мускулом, но в душе поклялся, что, если когда-нибудь выберется из этого места, он убьет Дэнса.

Все притихло. Слышно было только шипение шести ламп. Потом послышалось щелканье, — начала действовать кинематографическая машина.

— Готово!

Дверь в противоположной стене отворилась. Тяжелый отвратительный запах наполнил комнату. Показалась желтая шкура огромного зверя. Ведж узнал его плоскую голову и мохнатые уши.

— Пума! — прошептал он.

Животное остановилось, щурясь от яркого света. Потом медленно стало подвигаться вдоль стен. Ведж следил за ним глазами. Зверь ускорил шаги и побежал рысью, изредка бросая взгляд на человека, стоявшего посредине. Вдруг он остановился, прислушался. Треск кинематографа привлек его внимание. Потом он подошел к своей двери и спокойно лег около нее, положив голову на передние лапы. От времени до времени он лениво поднимал голову и взглядывал на Веджа. Ничего страшного и зловещего не было в этом взгляде, но полковник чувствовал, что каждую минуту зверь может превратиться в бешеного, рычащего дьявола. Зная, как чувствительны животные к душевному состоянию других, он силился подавить в себе страх и смотреть на пуму спокойно и безучастно,

— Черт возьми! — раздался голос сверху. — Да его надо подбодрить.

Зверь вскочил, выпрямился и поднял голову вверх. Глава его загорелась, он зарычал и оскалил клыки. Может быть, там, среди зрителей, он увидел старого врата.

Ведж в тревоге ждал; пот выступил у него на лбу.

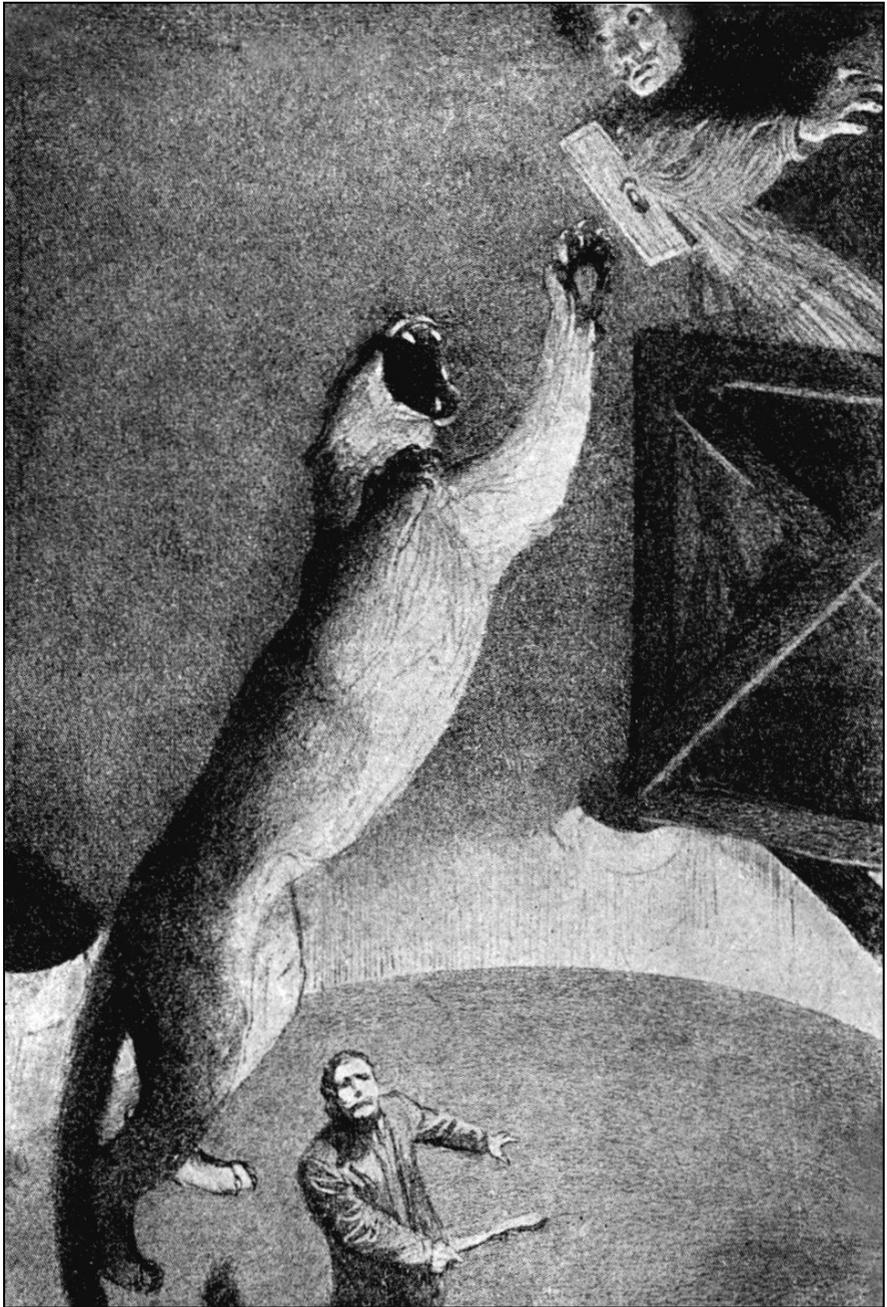
Но животное, казалось, позабыло о нем. На галерее кричали и стучали ногами по железному полу. Пума вытянула лапы и поползла вперед. Мускулы у нее под кожей напряглись.

«Хочет прыгнуть», — подумал Ведж.

Медленно, шаг за шагом, подвигалось животное. Вот оно в двух шагах от Веджа, но все не смотрит на него. Под балконом пума остановилась и зарычала; сделала три круга вдоль стен, прыгнула к полу и величественным скачком прыгнула к теням под лампами.

Крики на галерее разом смолкли. Раздался дикий вопль.

Ведж слышал скрип когтей по железу, крик ужаса и топот ног. Потом громкое рычание зверя и звук тяжело па-

дающего тела.

Он бросился к двери, откуда вышел зверь, и очутился в железной клетке. При свете ламп с арены он разглядел дверь, запертую снаружи болтом и, просунув руку в решетку, отодвинул засов.

Через минуту он уже бежал по темному каменному коридору, держа дубину в руке, с твердым намерением убить каждого, кто заградит ему путь. Наконец, он добежал до двери и очутился на свежем ночном воздухе.

Когда через несколько часов полиция явилась обыскать погреб под кинематографом, она нашла только пуму, спавшую в открытой клетке, и наверху, на железной площадке, то небольшое, что осталось от мистера Дэнса, — изобретателя жизненных фильм.

Роже Режи

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Хардисона все звали полковником, так как он пятнадцать лет стоял во главе отряда футболистов. На 5-ой Авеню, да и во всей Америке вообще его считали красавцем-мужчиной. Действительно: он был выше среднего роста, пяти футов и семи дюймов и, благодаря своему портному, всегда безукоризненно одет. Но на самом деле Хардисон не был красив.

Из-за чрезмерной полноты он казался старше сорока лет; не поддававшаяся лечению краснота покрывала лицо; волосы на голове были редки, а искусный дантист тщательно украсил его рот золотой челюстью, правда, великолепной на вид, но далеко не похожей на естественную. Но в Пенсильвании у полковника были нефтяные промыслы, ежедневно приносившие ему огромные доходы. Ну, а когда у человека от двадцати до тридцати миллионов, он легко может сойти за писаного красавца.

Об этом и твердили ему постоянно его близкие и друзья, а в особенности его подчиненные. И Хардисон снисходительно им верил. Он гордился дарами, отпущенными ему природой, и особенное удовлетворение испытывал в обществе очаровательной Глэдис.

Глэдис Паркер была дочь крупного фабриканта копченых консервов в Чикаго. Судя по состоянию отца, она «стояла» почти столько же, сколько и полковник, но по красоте своей была гораздо дороже. Каштановые волосы окружали ее темно-золотым ореолом, темно-синие глаза опущены были черными ресницами, улыбка открывала пурпурные, слегка влажные губы, а розовый оттенок кожи и ослепительная свежесть молодости делали ее похожей на цветок персика ранней весной.

Хардисон, как и другие, не остался равнодушным к ее очарованию. Как и прочие поклонники, полковник не скрывал перед ней своего восторга; но у него было перед ними преимущество в своем богатстве. А так как Паркер-отец был сторонником союза больших капиталов, то он и решил сое-

динить нефть с копчеными консервами.

Это решение, казалось, было по душе и Глэдис. Она, по крайней мере, ничего не возражала против. Хардисон понял, что любим. Все как бы подтверждало его уверенность в этом. Когда он гляделся в зеркало, оно точно шептало ему:

— И в самом деле, полковник, разве вы не самый красивый мужчина на свете?

Его лакей, подавая ему сюртук или пальто, восклицал с выражением восторга в глазах:

— Мисс Паркер награждена щедрее своих подруг, вышедших замуж за маленьких князьков старого континента. Клянись, барин, вы ослепительны!

И сама Глэдис, когда он ухаживал за ней, никогда не упускала случая заметить с громким смехом:

— Ах, полковник, вы, право, удивительны!

Эти комплименты и предвестники грядущего счастья постоянно поднимали гордость счастливого жениха. Чтобы отпраздновать достойным образом соединение нефти с копчеными консервами, Хардисон составил план сказочных, сверхъестественных, титанических торжеств, и счастливый день был уже близок, когда вдруг неожиданный случай разрушил все ожидания, и сам полковник очутился на волосок от гибели.

II

Раз вечером, мчась в своем автомобиле из Нью-Йорка в Альтону, Хардисон сделал неловкий поворот и опрокинулся. Его извлекли без чувств из-под обломков экипажа. Прибежавший врач долго исследовал его. По счастливой случайности, все члены были целы, но одной из железных частей мотора полковнику оторвало правое ухо. На лице «красивого малого» это было скорее уродство, чем опасная рана.

Хардисон, тем не менее, был в отчаянии из-за изъяна в своей красоте. Вернувшись в свой великолепный отель и ле-

жа в роскошной кровати, у которой постоянно дежурили три самых знаменитых врача Нью-Йорка, он испытывал горькое чувство поверженного в прах идола. Это было тем горше, что Глэдис могла теперь отказаться выйти за него замуж. Не быть больше красавцем-полковником казалось ему невозможным, несправедливым, ужасным. И то и дело он спрашивал растерявшихся знаменитостей:

— Послушайте, господа, не оставите же вы меня в таком виде?! Вы сделаете мне новое ухо! Вы понимаете, что за ценой я не постою...

Но врачи лишь пожимали плечами с видом полного бес-
силлия и отвечали:

— Нет ничего легче, чем сделать вам ухо из каучука или, если вам это больше нравится, из золота. Но вырастить его из живой кожи — это не в нашей власти.

Вдруг одного из них осенило вдохновение.

— Я знаю хирурга, — воскликнул он, — который в совершенстве умеет делать прививки на человеческом теле. Он, несомненно, сумеет пересадить вам ухо, взятое, конечно, от другого человека. Самое трудное — найти того, кто согласился бы пожертвовать своим ухом.

— Да что вы! — прервал его полковник. — За деньги можно найти что угодно. Пришлите мне сейчас же этого хирурга!

Явился хирург, осмотрел рану и заявил:

— Если вы все предоставите мне, то я сделаю, как надо. Не пройдет и месяца, как у вас будет два совершенно одинаковых уха, живых и вполне принадлежащих вам...

— Прекрасно, — ответил полковник, — действуйте, я плачу.

Хирург не стал даром терять времени. Он напечатал объявление в газетах, где предлагал десять тысяч долларов тому, кто позволит отрезать себе правое ухо. Три дня спустя у него было уже пятьдесят предложений. Ему оставалось только призвать к себе этих добровольных мучеников. Все они были бедняки, оборвыши, голыши, несчастные, готовые на самые тяжелые жертвы за такую награду.

Осмотрев их, хирург остановился на одном корабельном

грузчике по имени Самюэль Питс. Его ушная раковина как раз подходила к уху миллионера. Он велел его выкупать, вымыть, обеззаразить и в своем автомобиле привез к Хардисону и тотчас же приступил к делу.

Это было довольно сложно. На специально для этого устроенной кровати, голова с головой, но ногами в разные стороны, были уложены полковник и грузчик. Первоначальным надрезом хирург повернул ухо к голове нового обладателя; оставалось ждать сращения. Когда это произойдет, останется только произвести последний надрез и наложить швы на щеку полковника.

Недели две или три оба пациента должны были оставаться в полной неподвижности. Для живого и подвижного полковника это было тяжкое испытание. Своим падением он воспользовался, чтобы объяснить Паркерам, почему он отложил свадьбу, но тщательно скрывал от них причину своего затворничества. По его распоряжению, к нему в спальню никого не допускали.

Чтобы скоротать время, бедному больному оставалось только беседовать с Самюэлем Питсом. Пришлось с этим примириться.

— Стоит ли быть богатым, — воскликнул раз грузчик, — чтобы, как вы теперь, покупать чужое ухо взамен своего собственного?

— Да, — ответил Хардисон, — деньги не составляют еще счастья.

— Ну, нет, не говорите этого, — ответил Питс. — С десятью тысячами долларов, что я теперь заработаю, я смогу купить себе пивную, о чем я мечтаю всю жизнь, заработать много денег и, кто знает, быть может, и жениться!

— А до сих пор вы не могли этого сделать?

— Увы, нет! Денег не было.

Хардисон с удивлением узнал, что на территории Союза* существуют люди, не имеющие возможности исполнять своих желаний. Это открытие повергло его в странное смущение.

* Т. е. США.

Между тем, проходили недели. Полковник, благодаря беседам с грузчиком, делал все новые и новые открытия. Выздоровление шло, как нельзя лучше. Наконец, наступил день, когда оба были разъединены и свободны: Питс — с одним только ухом, Хардисон — с двумя, как и прежде, то есть, стал прежним красавцем, опять достойным очаровательной Глэдис.

— Ну вот, — воскликнул, прощаясь, Самюэль Питс, — мы оба счастливы. Но только вы не будете слышать лучше, а я — хуже, чем раньше.

Хардисону стало досадно от этого сравнения.

— Вы так думаете? — насмешливо сказал он.

— Но некоторых вещей я не хотел бы больше слышать, — не смущаясь, продолжал тот. — Бедняки часто говорят друг другу в глаза горькую истину, а это не всегда приятно. Вам это неизвестно, сударь.

— Как? По-вашему мне никто не говорить правды?

— О, конечно, никто. Таким богачам, как вы, всегда лгут. Вот была бы потеха, — воскликнул он вдруг, громко расхохотавшись, — если бы вы теперь, имея одно мое ухо, стали слышать все то, что я слышал до сих пор!

Полковник не понял насмешки и, чтобы избавиться от собеседника, строго сказал:

— Ступайте, мой друг. Мой секретарь выдаст вам десять тысяч долларов. До свидания, желаю вам успеха.

— И вам также, сударь!

III

Вскоре после окончательного выздоровления полковник решил поехать к Паркерам. Он разрядился в пух и прах и, надушенный, завитой и сияющий, обратился к своему лакею:

— Как по-вашему: изменился я или нет? Ведь правда, никто не заметил моей раны? Я ведь по-прежнему должен нравиться своей невесте?

— По правде говоря, полковник, — ответил лакей, склонив голову, — вы — красивейший мужчина на свете.

Но вдруг в правом, пришитом ухе полковник почувствовал какое-то странное шуршание. И, как далекое эхо, до него донеслись слова:

— По правде говоря, господин полковник, вы стали вчетверо толще и безобразнее прежнего.

Полковник подумал, что ему это показалось.

— Как странно, — подумал он, — я все слышу наоборот... И этот шум... Должно быть, в раненом месте не восстановилось еще правильное кровообращение.

Не останавливаясь на этом явлении, он вскочил в свой автомобиль. Пять минут спустя он был у Глэдис. Молодая девушка встретила его одной из своих очаровательных улыбок, сильно сжала его руки и воскликнула:

— Ах, полковник, как я рада вас видеть!

Но в правом ухе Хардисона чудесное ухо повторило:

— Ах, полковник, как мне неприятно вас видеть!

Он был смущен. Не понимая его молчания, девушка продолжала:

— Это несчастное приключение отдалило нашу свадьбу. Надо будет наверстать потерянное время!

И снова ухо повторило:

— Это несчастное приключение возбудило во мне надежду, что я смогу взять обратно свое согласие.

— Я буду очень рада стать вашей женой, — сказала Глэдис.

— Я буду очень рада стать женой Джоэ Коксуэля, — повторило эхо.

— Не вы ли нефтяной король, самый богатый и самый очаровательный в мире жених? — продолжала Глэдис.

— Джоэ Коксуэль, — повторило эхо, — небогат, но красив, и я люблю его.

Хардисон вдруг поднялся с места. В висках у него стучало, глаза смотрели блуждающим взором, и он невольно пробормотал:

— Самюэль Питс был прав! Теперь, когда у меня его ухо, я слышу, наконец, правду!

Удивленная молодая девушка также встала и, не понимая смысла его слов, подумала, что он сошел с ума.

— Ах, Глэдис! — воскликнул в эту минуту полковник. — Почему вы раньше не сказали мне этого? Вы любите Джоэ Коксуэля. Ну — и выходите за него замуж! Я не хочу быть причиной вашего несчастья.

— Вы не шутите? — пробормотала она, не веря своему счастью.

— Нисколько!.. А меня пожалейте, Глэдис! Как буду я жить теперь, когда постоянно буду слышать одну только правду?!

И он убежал, проклиная Самюэля Питса и его ухо.

Мария Анна де Бове

ЖЕНЩИНА С БАРХАТНЫМ УХОМ

Так называли молодую женщину, носившую черную шляпу с бархатным бантом в виде наушника, скрывавшего левое ухо. Никто не видал ее с непокрытой головой.

Старый уединенный замок, в котором она жила, расположен был в дикой местности Корнвалисса, среди редкого населения рыбаков и рабочих на аспидной ломке. Изредка туда заглядывали охотники за бекасами. Замок стоял заколоченным с тех пор, как он был разорен расточительными потомками рода, которому он принадлежал в течение пяти веков перед их переселением в Новую Зеландию.

В одно прекрасное утро стало известно, что замок нанят мисс Граам, имя которой говорило как будто о ее шотландском происхождении. Прошел год, — и никто ничего не знал об обитательнице замка. Прислуга, не особенно многочисленная и взятая из другой местности, не видала почти совсем своей госпожи и получала все распоряжения от старой горничной, весьма несловоохотливой и не склонной отвечать на предлагаемые вопросы. Только она одна имела доступ к своей госпоже. Почтальон приносил газеты, журналы, книги, а письма — почти никогда.

В церковь обитательница замка не ходила. Приходский священник являлся иногда, и его выпроваживали, но незнакомка щедро уплачивала налоги на дела благотворения, которыми был обложен замок.

О таинственной иноземной обитательнице замка было известно только, что она много читает и занимается садоводством. Единственный посторонний человек, который к ней имел доступ, был старый садовник, но он принадлежал к числу тех суровых членов септы методистов, которые считают большим грехом всякую излишнюю болтовню и посвящают все свои досуги чтению Библии.

Женщина с бархатным ухом прогуливалась обыкновенно в пределах своего парка или на недоступных утесах, примыкающих к нему. Всегда в белом, как зимой, так и летом, она не расставалась со своей неизменной шляпой с наушником. За ней следовала свора собак, лай которых отпугивал всех, попадавших в этот мрачный уголок, от встречи с ней. Со своей стороны, и женщина с бархатным ухом избе-

гала всякого населенного места.

Образ жизни странной женщины внушал мысль о каком-либо приключившемся с ней несчастье, о драме или преступлении, вообще, подавал повод для самых романтических фантазий и вымыслов.

Тайна женщины с бархатным ухом была однажды предметом беседы у жившего неподалеку лорда Трегарона, у которого собрались охотники.

— Вы говорите: молода? красива? — спросил один из гостей за завтраком. — Никто до сих пор не сумел разглядеть ее близко, чтобы в этом воочию удостовериться?!

— Только весьма немногие имели это счастье, — и то случайно. Мне удалось, например, всего один раз взглянуть на нее. Глаза ее черные... я так думаю, так как они сверкали, как горящие угли и глядели так беспокожно, что я невольно опустил свои глаза. У нее чисто царственная внешность.

— Во всем этом я должен лично убедиться, — и не далее, как завтра.

— Вы преувеличиваете свои силы. Незнакомка по целым дням не покидает своего парка....

— В таком случае, я попытаюсь туда проникнуть.

— Давайте пари держать на десять гиней, что это вам не удастся....

— Согласен! Вы можете уже написать чек на мое имя.

Этот сильный и отважный молодой человек с белым лицом и синими глазами, как будто создан был для смелых приключений. Притом его теперешняя затея была не столь отважна, как экспедиция к полюсу, в которой он однажды участвовал.

И он немедленно принялся за изучение интересовавшего его места. Замок был окружен с трех сторон утесами и обильной растительностью. Одна сторона была обращена к морю, с другой находился узкий овраг, на дне которого был проложен электрический кабель, снабжавший соседнюю аспидную ломку энергией из водопада. Весь парк был окружен забором.

Охотник обладал присущим истым любителям охоты терпением, умением делать разведку, острым зрением, чутким слухом и неустрашимостью. Прогуливаясь утром около парка, он заметил белый силуэт из-за навеса, сделанного из ветвей. Перескочить широкий ров по ружью, послужившему как бы жердью, было делом одной минуты. Не пришлось также ломать изгородь, через которую он перескочил незаметно. Перед ним еще явственнее вырисовалась женская фигура в белом. Он начал подавать сильные свистки и кричать;

— Топ, сюда. Тубо, Топ... сюда!

Белая фигура остановилась.

Делая вид, что он чего-то ищет в лесу, охотник все более и более приближался к незнакомке. Он взглянул на нее, когда она обратилась к нему с раздражением в голосе. Он убедился тогда, что лорд был прав: блеск ее темных глаз вызывал невольно смущение.

— Здесь частное владение, — сказала она.

— Простите, сударыня. Я вторгся сюда, ища свою собаку. Заяц пробежал мимо нас, и она кинулась за ним по направлению к вашим владениям. Чтобы предупредить браконьерство, я и вынужден был догонять собаку. Топ, сюда! Куда она делась?!

Боясь гнева незнакомки и краснея за свою ложь, охотник не успел еще разглядеть как следует в лицо ту, которую он так страстно хотел видеть. Глухое восклицание заставило его забыть о своей хитрости и обратиться в сторону женщины. Он снял шляпу, и луч солнца осветил его лицо. Черные глаза незнакомки, полные ужаса, стали зорко вглядываться в него. Она отступила по направлению к дереву, к которому прислонилась. Изменившимся, сдавленным голосом женщина с бархатным ухом воскликнула вдруг:

— Господи! Возможно ли такое поразительное сходство?

— А вы разве знали моего брата? Мы были близнецами и нас часто смешивали.

— Вы Монтэг Осборн?

— Он самый...

У него блеснула мысль, взволновавшая и его, в свою очередь.

— А вы по...

— Да, я Варвара Дуглас.

— Варвара!..

В этом бледном лице, омраченном грустью, еще сохранились следы той красоты, о которой так много говорил ему его брат. И как блестели эти дивные глаза, когда обладательница их была проникнута вся жизнерадостным чувством и имела счастье быть любимой!

— О, Варвара, я сделал все до сих пор, что мог, чтобы встретиться с вами! Весть о вашей помолвке застала меня в северных морях. По возвращении после зимовки у полюса, где я был отрезан от мира, меня ждало известие о трагедии. Я добрался до Англии, где нашел могилу брата, зарытую несколько месяцев назад. Я не имел никаких сведений об обстоятельствах смерти моего бедного, славного и пылкого Берти, убитого во цвете лет! Но вы все должны знать, — подсказало мне чувство отчаяния. К сожалению, я не знал, где вы, и мой ужас и печаль еще более возрастали от того, что лично я не знал вас, вас, которая должна была сделаться моей сестрой.

Он порывисто схватил обе руки женщины и с глубоким чувством начал целовать их. Он чувствовал, что они и под перчатками были холодны.

— О, Варвара! Сам Бог меня направил сюда!

Но его расхолаживала суровость этого живого трупа.

В замке было общее недоумение, когда увидели мисс Граам вернувшейся в обществе молодого человека. На веранде над морем был сервирован чай. И Варвара Дуглас начала свой рассказ:

— Это верно, — сказала она дрожащим голосом, — вы вправе знать то, чего никто до сих пор не знал.

Вы знаете, что мы уже начали было устраиваться, как неожиданно отдано было распоряжение об отправке в Индию полка, в котором служил Берти, вместо другого полка, где свирепствовал дифтерит. Как сирота, ни от кого не зависевшая, я могла свободно последовать за Берти и обвен-

чаться с ним на чужбине. Это было тем удобнее, что начальник места стоянки полка был старый друг моей семьи.

На новом месте с его яркой, живописной природой, овеянные взаимной любовью, мы почувствовали себя в атмосфере «Тысячи и одной ночи». Кваабад расположен на Ганге, недалеко от Бенареса. Во время одной из охотничьих поездок мы сделали стоянку у очень древнего храма, высеченного в пещере. Вы не можете себе представить, как брамины защищают доступ к их святыням. Чтобы проникнуть в храм, пришлось прибегнуть к защите стражи и местного английского начальника. А вы помните вашего брата: англичанин до мозга костей, он был горд, относился пренебрежительно ко всему тому, что не было дорого ему лично. И по этому поводу мы не раз вступали с ним в маленькие пререкания. Нельзя было не заметить, как обидно для суеверных и кровожадных последователей религии, основанной на идолопоклонстве, всякое презрительное к ней отношение. Находясь перед гнусными изображениями божества Кришны, Берти позволил себе оскорбительный жест и не менее обидные выражения. Присутствовавший при этом полковник Клери остановил его не без раздражения в голосе:

— Будьте в другой раз осторожнее, Осборн! Уважение ко всем верующим туземцам — основа нашего владычества.

— Я возбужден, и это у меня невольно сорвалось с языка...

— Брамины страдают, когда мы профанируем их храмы, даже когда мы не позволяем себе там непристойности. Во всяком случае, небезопасно проявлять какое-либо презрение к их богам.

Но раз дело шло какой-либо опасности, Берти чувствовал себя в совершенной безопасности. Бросив снова презрительный взгляд на верующих в грязных одеждах из бумажного тряпья и с венками и ожерельями из желтых цветов, он воскликнул:

— Этот подлый парод не понимает ни слова по-английски.

Полковник, положив Берти палец на губы, заставил его

замолчать. Позади нас находился огромного роста мужчина, точно изваянный в белой кисейной одежде и турецкого покроя штанах и с большим тюрбаном на голове. Я ужаснулась, когда взглянула в его свирепые, сверкавшие огнем глаза. Его черная, как смоль, борода окаймляла его лицо с бронзовым оттенком.

Но когда его глаза встретились с нашими, он постарался придать своему лицу более мягкое выражение и вежливо, почти заискивающе, отвесил нам поклоны по восточному обычаю. Полковник нам представил его, как старшего сына раджи, на территории которого мы находимся. Несколько учтивых слов его должны были мне показать, что он сносно говорить на нашем языке.

— А что, если он слышал ваши слова? — сказала я моему брату.

— Что ж из этого! Пусть убирается к черту, этот противный...

Но, заметив озабоченное лицо полковника, он прибавил:

— Я, право, расстроен. Не пойти ли мне заверить этого князька, что я не имел намерения его обидеть?..

Таков был наш Берти с его необузданностью, неустрашимостью и излишней откровенностью!

Через несколько часов нам доложили, что капитану и мне прислали подарки: красивые медные тазы, нагруженные апельсинами, миндалем, фисташками, кабульским виноградом, убранные розами, жасминами и другими цветами. Слуга в тюрбане шафранового цвета и в розовой одежде объявил, что он послан принцем Рамда-Лалом и передал нам свежий поклон, который, за отсутствием полковника, перевел нам мусульманский дворецкий.

Подошедши к Берти, слуга обнял его своими руками и сильно сжал его, почти коснувшись его рта своим ртом. Нет ничего отвратительнее для англичанина этого способа приветствия. Освободившись из объятий слуги с отвращением, Берти заметил:

— Я надеюсь, по крайней мере, что этот наглый хам не позволит себе по отношению к вам таких вольностей...

Индус успел уже тем временем обнять мои колени, по-

сле чего он попытался поцеловать меня в плечо, и я почувствовала, как мне обожгло ухо какое-то сильное дуновение. Он хотел то же проделать и над правым ухом, но Берти заставил его отскочить.

— Довольно, старый дурак! Убирайся со своими приветствиями! — вскричал он, отталкивая индуса.

В это время явился полковник Клери. Несколькими словами он выпроводил слугу, лицо которого имело свирепый и лукавый вид.

Через два дня состоялся бал. Меня одолевало какое-то недомогание. Берти чувствовал себя еще хуже. У него была лихорадка. Во время ужина зашла речь о факирах. Один из английских чиновников, живший 25 лет в Индии, рассказывал нам о местных нравах, прибавив, что некоторые брамины обладают секретом привить, по желанию, людям одним соприкосновением болезни, аналогичные по своим последствиям ядам Борджиа.

Берти весь побледнел. Это продолжалось одну минуту. Но на его скептические замечания, сделанные, как мне казалось, не совсем уверенным тоном, чиновник ответил, качая головой:

— Не смейтесь, капитан Осборн. Подождите, пока не обживетесь, здесь, как я...

И среди этих ярких огней, цветов и веселого разговора меня охватил невыразимый страх и какое-то злое предчувствие.

Полковник сделал знак полковому оркестру, который заиграл вальс, и веселый лейтенант увлек меня в зал, где происходили танцы.

Я поздно легла спать и плохо спала. В левом ухе я чувствовала какую-то боль. Целый день у меня было ощущение ожога, словно меня укусило ядовитое насекомое. Доктор мне ничего не мог сказать на этот счет. А непонятная болезнь не прекращалась!

Берти был три дня в отлучке по делам. Когда он вернулся, я невольно вскрикнула. Он похудел и был в угнетенном настроении. Он жаловался, что у него в горле сухо и жжет и что у него болит язык. Ему давали какое-то сред-

ство. На болезнь усиливалась. Ужас был в том, что она была весьма загадочная. Берти убил на охоте тигра, проделал войну, всегда и всюду проявлял отвагу, но болезнь была для него более страшна, чем дикие звери и митральезы. К моему ужасу, я замечала, что мое ухо чернеет, сохнет и становится роговидным; те же явления наблюдались и у Берти, язык которого точно так же чернел и высыхал. Его речь затруднялась, а мой слух в одном ухе также притуплялся... Врачи были в большом затруднении. Уныние царило в Кваабаде. Клерги были страшно огорчены.

Однажды утром я подслушала разговор у веранды между полковником и старым чиновником.

— Неужели это и есть та самая болезнь, о которой вы рассказывали однажды?

— Без сомнения, эта самая...

Я поняла, о какой болезни идет речь, и кровь застыла у меня в жилах.

Мы уехали в Калькутту, чтобы посоветоваться со сведущим врачом. По его туманным ответам нетрудно было понять, что он бессилен помочь. Берти почти совсем лишился речи. Что значила моя полуглухота и уродство моего уха против постигшего Берти ужаса! Лишиться языка и онеметь! Бедный Берти!

Чтобы освободить себя от хлопот по лечению неизлечимой болезни, врачи послали нас в Англию. Пришлось согласиться — в чаянии, что переезд и воздух на родине повлияют несколько на настроение больного.

Пароход готовился уже отчаливать. С берега друзья напутствовали вас, махая в воздухе платками. Я спустилась в свою каюту. Мне бросилась в глаза записка, прибитая к стене. На куске пергамента красовались написанные красными чернилами слова:

«Так погибает язык, который изрыгает богохульство, и уши, которые это слышали». Внизу было написано по-индусски: «*Delhi dur est*». Это означало, что «Дели далеко». Иначе говоря, бесполезно будет пытаться отомстить в этой стране, где все так таинственно.

Я поспешила к Берти и нашла его под впечатлением такой же зловещей записки, как подброшенная мне. Между тем, никто не видел, чтобы кто-либо заходил в наши каюты...

Когда мы прибыли в порт, у Берти отнялся совсем язык. Этот некогда красивый, цветущий человек возбуждал теперь одним своим видом у всех чувство ужаса и страха. Что касается меня, то вы сами видите.

Она сняла бархатное ухо. Вместо красивой ушной раковины, словно из перламутра, служившей украшением для ее головы, была черная дыра, окруженная высохшими мускулами. Без всякой хирургической операция ухо леди Варвары отпало, как язык у капитана Осборна.

— Если я могу закрывать это свое уродство одним куском бархата и спасена была от еще большего уродства, то обязана этим всецело тому, что Берти оттолкнул от меня вовремя виновника нашего несчастья.

Прошло несколько дней после нашего прибытия в Англию, и револьверный выстрел положил конец страданиям Берти...

Я с ума сходила от отчаяния. Лишь потом я обратилась к обычному средству, чтобы заглушить свою душевную тоску и боль: я отправилась путешествовать. Случай привел меня сюда, где я искала уединения, как больное животное. Вначале меня не покидала мысль о мести... не тому, кто был слепым орудием в этом деле, а его вдохновителю. Но, разумеется, задуманная мной месть была одна лишь химера. Где, скажите, я найду теперь Рамда-Лала? Как я доберусь до него? Дели далеко!

— Как вы сказали? Рамда-Лал, сын раджи? — почти вскрикнул Монтаг Осборн, потрясенный рассказом леди Варвары.

— Да, он сын раджи Рапипози!

— Нет-нет, Варвара, Дели вовсе не далеко отсюда!

— Что вы этим хотите сказать?

— А вот что. Лорд Трегарон, о котором вы, без сомнения, слышали, один из видных членов кабинета короля. По случаю предстоящей коронации, на него возложен прием

индусских принцев. Вчера он нам показал список приглашенных и среди них я заметил имя Рамда-Лала.

— И он будет в Лондоне?

— Да, он явится заместителем своего отца, который не показывается нигде, так как болен проказой.

— Это хорошо!

Черные глаза леди Варвары вспыхнули зловещим огнем.

— Варвара, мы отомстим за смерть нашего Бerti!

.

— И почему это, лорд Трегарон, вы не назвали мне имени вашей соседки? Вы сэкономили бы десять гиней. Мисс Граам одна из моих родственниц, которую я потерял из виду. Уголок этот ей поправился, так как она любит уединение. Вот вам и вся ее тайна!

— Но почему у нее бархатный наушник?

— А я совсем забыл спросить ее об этом. Любопытно, как мал земной шар! В Индии она знала одного из ваших раджей. Как его, бишь? Драмдрала, Тралана, — как вы его тогда называли? Она желала бы свидеться с ним. Вы непременно должны затащить его сюда из Лондона на охоту.

Рамда-Лал принял приглашение лорда Трегарона. Последний был командирован для устройства большой охоты. Сын раджи запоздал на два дня, они разминулись. И Монтаг Осборн встречал его на вокзале.

— Так как замок по пути, то я повезу его туда! — решил Осборн.

Осборну нетрудно было узнать на маленьком вокзале, среди немногих пассажиров, одетого в яркие восточные одежды индуса.

— Мне едва ли нужно вам представляться! — сказал он Рамда-Лалу. — Я имел уже честь в Индии видеть вас.

Огонь блеснул в глазах индуса, который на минуту словно остолбенел, но скоро пришел в себя и стал обмениваться приветствиями. За принцем следовал черномазый бен-

галец, усевшийся рядом с кучером.

Дорогой говорили о Кваабаде, о квартировавших там уланах, о полковнике Клери и т. п.

У входа в замок промелькнуло белое платье.

— Вы, быть может, помните, князь, мою невесту? Моя жена не могла отказать себе в удовольствии приветствовать вас здесь.

На черном лице индуса трудно было заметить, какое впечатление производят на него эти слова.

— Чай подан, — заявила леди Варвара, — в старой башне..

И все направились туда.

— А я не забыла, как видите, нашей встречи в вашем храме!

И он, по-видимому, не забыл. По его дикому лицу прошла какая-то дрожь.

— И вот мы опять встретились! — заметил Осборн.

— Да, Дели не далек... — заявила Варвара.

Снова индус задрожал. Он взглянул на свой украшенный дорогим намнем кинжал и на стоявшего у дверей черномазого атлета-бенгальца, не спускавшего с него глаз. Потом он слегка усмехнулся, обнаружив белые волчьи зубы. Чего бояться верному вассалу, находящемуся под сенью своего сюзерена, на коронацию которого он прибыл!

Когда чай был налит, рука гостя на минуту остановилась, прежде чем взять чашку, хотя ни один мускул на его лице не выдал его волнения и нерешительности. Хозяйка поняла его мысль и, налив еще две чашки, сказала:

— Выбирайте!..

— Та, которой вы коснулись ваши пальцами, будет для меня так же сладка, как мед.

Бросив пытливый взгляд на хозяйку, принц выпил залпом чашку.

— Лорд Трегарон, — заявил индус, — будет удивлен нашим запозданием.

Опустив руку и коснувшись ею потом лба и сердца, Рамда направился к выходу.

— Автомобиль ждет нас вот там.. Пойдемте по этой тропинке.

Указав на узкий проход через кустарник, Осборн остановился, чтобы дать дорогу Рамда-Лалу. И едва тот ступил ногой, как свалился, не издав при этом ни единого звука, чем-то пораженный. И прежде, чем его охранитель успел добежать к месту, где свалился принц, он очутился на земле, точно так же замертво.

Монтаг вернулся назад и встретился с Варварой, которая, подняв глаза к небу, воскликнула:

— Берти!

И из ее глаз потекли слезы.

Приглашенный врач не мог объяснить истинной причины смерти принца, происшедшей, по-видимому, от соприкосновения тела с электричеством. Это был захудалый провинциальный врач. Но и знаменитые врачи не могли высказать ничего определенного о причинах таинственной смерти.

Внезапная смерть Рамда-Лала вызвала много толков. Лорду Трегарону приходилось много отписываться по этому поводу.

Но кто, — кроме разве Шерлока Холмса, — мог догадаться о работе, произведенной глубокой ночью на дне оврага, где проложен кабель! Как инженер, моряк и хороший разведчик, Монтаг Осборн знал многое и сумел оборудовать все, как нельзя лучше, и спрятать концы в воду. Он соединил кабель проволокой с кустарником и дорожкой, где должен был ступить ногой сын раджи. Прежде, чем отправиться встречать индуса, он пустил ток. Никому в голову не могло прийти, чтобы в данном случае имело место преступление и чтобы к нему были причастны люди, принадлежащие к лучшему обществу.

Через некоторое время Монтаг Осборн снова отправился в полярные страны, а дама с бархатным ухом оставила страну. И никто не знал, под каким небом нашла приют особа с печальным бледным лицом...

[Без подписи]

НОЧЬ В КАПИЩЕ

Рассказ-факт

Это случилось в Бомбее, куда я прибыл во время своего путешествия на Восток. Я был тогда молод и беспечен. В кармане у меня звенела солидная сумма в 10 рупий, а в душе жила решимость не оставлять ничего без внимания.

После довольно продолжительного скитания по городу, посетив «Королевский дуб» и главнейшие здания, мы с товарищами, усталые и несколько взволнованные, не спеша возвращались по направлению набережной. Я шел несколько позади своих спутников, так как по пути встречалось много такого, что привлекало мое внимание и возбуждало интерес.

Наконец, мы дошли до поворота улицы. В этот момент мои спутники были по меньшей мере шагов на 300 впереди, так что я был как бы совершенно один.

На углу улицы стоял один дом, воспоминание о котором никогда не изгладится у меня из памяти; между тем, по внешности он ничем особенным не отличался. Он находился несколько отступя, шагов на десять, от линии домов; перед ним рос большой развесистый банан. На расстоянии восьми футов от угла было закрытое ставнями окно, не имевшее рамы, причем я заметил еще, что одна из ставен была плотно приперта, а другая приперта только наполовину. Сквозь эту щель я увидел в ярко освещенном помещении туземца, обнаженного до пояса, отбивавшего с полным усердием низкие селямы (поклоны). «Кому мог он так низко и так усердно кланяться?» — мелькнул у меня вопрос, — я, недолго думая, подкрался к окну и заглянул в него.

Высоко на каком-то возвышении, в причудливого вида резном кресле наподобие трона, сидело самое уродливое деревянное изображение, какое когда-либо видели мои глаза. Это деревянное чудовище, отвратительное и уродливое до невероятия, казалось еще более безобразным от окраски, которой изукрасил его художник. «Так вот пред кем преклонялся замеченный мной в щель человек!» — подумал я. Вскоре для меня стало ясно, что этот человек был одним из многих молящихся в этом капище, так как я видел, как они проходили длинной вереницей по одному и по двое перед страшным божеством, преклоняясь перед ним. Я стоял, по-

раженный но столько ужасом, как любопытством. Чего мне было бояться, мне, молодому англичанину, в таком городе, как Бомбей, где власть находилась в руках английского правительства?

Но я не мог видеть всей комнаты или, вернее, залы, так как щель между двумя половинками ставней давала мне возможность охватить взглядом лишь небольшую часть помещения, а я хотел видеть все. Не задумываясь, я взобрался на широкий каменный выступ, опоясывающий на высоте трех футов от земли весь дом кругом, как это в обычае здесь, в Индии, и осторожно стал раскрывать ставень шире, стараясь заглянуть в ту часть залы, которая до сих пор все еще была скрыта от моих глаз, но совершенно упустил из виду свое ненадежное положение и тот риск, которому я подвергался, если бы меня заметили. Я машинально продолжал тащить ставень даже тогда, когда он уже перестал поддаваться моим усилиям. В этот момент ставень был уже более чем наполовину открыт, но, очевидно, петли его заржавели, и под напором моей руки они издали резкий, пронзительный визг, от которого мороз пробежал у меня по коже. В одно мгновение все внутри молельни погрузилось во мрак и разом стихло. Кругом воцарилась могильная тишина.

Необъяснимое тревожное чувство овладело всем моим существом: сердце стучало так громко, что я мог внятно слышать его удары, а страх последствий моей безумной неосторожности совершенно лишил меня способности владеть своими мыслями и обсуждать спокойно свое положение. Бессознательно, стараясь удержаться от падения назад и сохранить равновесие, я слишком подался вперед и полетел всей тяжестью своего тела внутрь комнаты, широко распахнув ставню.

Тяжесть падения моего тела на пол снова вызвала суматоху и движение со стороны моих врагов, какими я считал теперь поклонников уродливого божества. Судя по звуку топота ног, мне казалось, что все они общей массой устремились к окну, но жизнь на судне и кое-какие приключения на берегу уже научили меня хитрости и разным улов-

кам. И потому, шлепнувшись о пол, я вместо того, чтобы вскочить на ноги, покатился вперед, переваливаясь с одного бока на другой. Чья-то нога загнулась о мою ногу, и обладатель ее растянулся во всю свою длину на полу вдоль стены под окном. На него набросились тотчас же его единоверцы, очевидно, приняв за меня. Пока они возились в темноте, я поспешно бежал дальше, но теперь уже на четвереньках.

Сознавая, что от моей ловкости зависит теперь сама жизнь моя, я спешил уйти от этой возбужденной толпы фанатиков, не зная куда, лишь бы только в данный момент избежать их рук. Пробираясь таким образом на руках и на ногах в глубь залы, я вдруг ударился слегка правым плечом о стену и побежал вдоль ее все так же на четвереньках, чтобы меня не было слышно. Между тем суতোлка и давка у окна все еще продолжалась, как мне было слышно: очевидно, взволнованные туземцы все еще не успели обнаружить своей ошибки. Вдруг я ударился о что-то головой и, ощупав этот предмет, убедился, что то были каменные ступени. Недолго думая, я проворно стал взбираться по ним, сознавая, что каждая потерянная на размышления минута могла стоить мне жизни.

Продолжая ощупывать плечом и боком стену, я вскоре очутился подле вычурного трона безобразного изваяния. Теперь мне вспомнилось, что в то время, как я смотрел в щель ставен, я заметил дверь или, вернее, выход вправо от золоченого балдахина божества, и решил добраться до этого выхода, куда бы он ни вел. Ощупывая перед собой дорогу, я убедился, что между стеной и чудовищным изображением находится довольно широкое пустое пространство. Я поспешил пробраться в него и при этом сделал приятное открытие: отвратительное чудовище, служившее таинственным божеством этим фанатикам, было полое внутри и потому могло дать мне возможность укрыться на время от моих врагов. Как раз в этот момент в зале молельни мелькнул огонь и возня под окном разом прекратилась.

Едва дыша, я приютился внутри божества, которое оказалось достаточно объемистым для того, чтобы в нем могли

укрыться даже двое таких юношей, как я. Запрытавшись как можно глубже в черное дупло чудовищной фигуры, я старался не шелохнуться, боясь выглянуть из опасения быть замеченным кем-нибудь из моих врагов и вместе с тем, ежеминутно ожидая, что меня найдут и тогда мне не миновать кровавой расправы...

Толпа в молельне теперь снова забормотала что-то сдержанным шепотом, среди которого можно было различить некоторые более властные голоса. Очевидно, явился какой-нибудь новый запоздавший член таинственного братства, а прорвавшийся в залу с его приходом луч света из смежного помещения обнаружил, что святотатца, осквернившего своим присутствием это святилище, уже не было здесь, что он исчез; все принялись бегать из угла в угол, разыскивая его повсюду и высказывая различные предположения.

С раннего детства я много читал о таинственных религиозных сектах Индии, о тех изуверах, которые измышляли для себя и других жесточайшие пытки для удовлетворения своих жестоких божеств, и я уже видел себя жертвой этих изуверов, оскорбленных в своем религиозном чувстве и потому беспощадных ко мне; почти с уверенностью ожидал я жестоких пыток и мучился заранее этой ужасной мыслью.

Между тем зажженные светильники, которыми теперь вооружились фанатики, несколько раз кидали на мгновение яркую полосу света в пустое пространство между идолом и стеной, и каждый раз у меня замирало сердце и мне казалось, что ярые враги уже увидели меня, что вот-вот они схватят меня и начнут мучить.

Минуты казались мне целой вечностью... Трудно сказать, сколько времени я не переставал чувствовать над собой меч Дамокла, но только, по всем вероятностям, было уже далеко за полночь, когда суетливые розыски, шлепанье босых ног по каменным плитам молельни и возбужденные речи молельщиков сменились тишиной. Затем опять возобновили прерванное было богослужение. Потом все смолкло, — и молящиеся стали постепенно покидать молельню. Скоро она совсем опустела. Тогда, выждав еще некоторое вре-

мя, я осторожно выбрался из своего убежища, сел на ступени трона и стал разувать свои башмаки, затем, связав их между собой шнуровками, повесил себе на шею. Это я сделал, чтобы ступать неслышно по полу и, вместе с тем, очутившись на свободе, иметь башмаки при себе.

Покончив с этой предосторожностью, я стал разыскивать окно, что было чрезвычайно трудно, в особенности еще потому, что я боялся произвести хотя бы малейший шум, и вместе с тем старался уловить каждый посторонний звук. Привычка ориентироваться привела меня прямо к окну, но оно оказалось на этот раз крепко-накрепко заперто ставнем. Дрожащими от волнения пальцами принялся я нащупывать засовы и затворы, которыми был снабжен этот ставень, с тревожно бьющимся сердцем ожидая ежеминутно, что какой-нибудь непрошенный слугитель этого божества неслышно войдет и застанет меня за этим делом. Однако, никто мне не помешал, но зато я убедился в тщетности своих усилий: окно было так крепко заперто, что нечего было и думать без подходящих инструментов отпереть его.

Вдруг у меня мелькнула новая мысль. От окна шли вправо и влево какие-то проволоки. Нащупав одну рукой, мне вздумалось, следуя по ней, попытаться найти выход. Слегка касаясь ее правой рукой, я пошел по ее направлению, пока, наконец, не уперся в стену, сквозь которую, как видно, проходила эта проволока. Тогда, не теряя ни минуты драгоценного времени, я повернулся и, нащупывая левой рукой ту же проволоку, пошел в обратном направлении, миновал окно и скоро очутился у второго окна, запертого так же надежно, как и первое. Миновав и его, я вскоре очутился в каком-то узком коридоре, том самом, как я тотчас же сообщил, через который поклонники безобразного божества удалились из этой молельни.

Теперь настал момент величайшей осмотрительности. Что-то ожидало меня, свобода или еще худшая опасность? — мелькнуло у меня в голове. Снова все чувства мои как-то обострились, я переставлял ноги с какой-то особенной осторожностью, мой слух улавливал малейший шорох или шелест, а рука не покидала проволоки, едва касаясь ее конца-

ми пальцев.

Пройдя коридор, я очутился, по-видимому, в другой зале, миновал еще окно, также крепко закрытое ставнем, и слова очутился в коридоре. За все это время напряженный слух не уловил ни малейшего признака света, я начинал уже думать, что здание это совершенно необитаемо, и в нем, кроме меня и того безобразного, чудовищного идола, нет никого. Если так, что за радость! Я мог бы выломать двери и бежать, не имея я надобности опасаться нападения людей, привлеченных шумом. Размышляя таким образом, я дошел до того места, где коридор делал крутой поворот, и вдруг совершенно неожиданно очутился в 10-ти шагах от большой освещенной комнаты. Правда, освещение было неяркое и светильник, горевший там на полу, был поставлен умышленно или случайно так, что лучи света не проникали в коридор. Что ожидало меня там, в этой комнате? Кажется, я отдал бы тогда полжизни, чтобы это знать! После некоторого размышления, я решился ползком добраться до двери и из-за притолки заглянуть в комнату.

Все было тихо и безмолвно. Припав к самому полу, я заглянул в комнату и увидел одного из двух жрецов или священнослужителей, виденных мной у ступеней трона идола, прикорнувшего на ковре, разостланном на полу, и спавшего крепко, прислонясь головой к стене. У самого его уха висели три маленьких колокола, прикрепленных к проволокам, идущим из различных направлений, причем к одному из этих колоколов был прикреплен конец той самой проволоки, по которой я следовал сюда. Мысль, что малейшее неосторожное движение с моей стороны могло вызвать тревогу и поставить на ноги, быть может, десятки и сотни поклонников чудовищного божества, на мгновение совершенно оледенила меня от ужаса; однако, скоро оправившись от своего волнения, я стал раздумывать, что мне теперь делать. Вдруг мне бросился в глаза старый английский морской палаш, валявшийся у стены в трех шагах от того места, где я стоял. Оружие это, казалось, было еще совершенно пригодным для дела, и я сознавал, что если только мне удастся завладеть им, спящий жрец будет для

меня не опасен, конечно, при условии, что я не дам времени поднять тревогу. Владеть этим оружием я, как запасной морской чин, умел прекрасно и сумел бы открыть себе дорогу с его помощью.

Итак, я наклонился вперед и схватил спасительное оружие. Ощувив его в своей руке, я готов был смело идти вперед, разбудить жреца острием своего оружия и грозно потребовать — открыть дверь на улицу. Но при этом я вспомнил, что одним движением своей руки он мог бы созвать, быть может, десятки вооруженных фанатиков, и решил, что осторожность лучше смелости.

Осторожно ступая босыми ногами на полу, стараясь не дышать, добрался я благополучно до двери в другом конце комнаты и очутился снова в темном коридоре. Переведя дух, я внимательно осмотрел стены этого нового коридора, боясь задеть за какую-нибудь проволоку, но здесь их нигде не было. Недолго думая, я зашагал вперед и вскоре очутился в небольшой квадратной комнате с дверью, которая, по-видимому, вела наружу, то есть на улицу, так как сквозь щель в двери я разглядел рожок газового фонаря. Обрадованный тем, что я, наконец, могу вырваться на свободу, я принялся с лихорадочной поспешностью ощупывать запоры и замок дверей. Но, — увы! — и эти двери были надежно заперты!

Убедившись в этой печальной истине, я стал обсуждать свое положение со всех сторон и пришел, наконец, к тому, что всего лучше для меня теперь оставаться на месте и выжидать случая вырваться на волю, если кто-нибудь отворит дверь.

После недолгих поисков мне удалось найти какой-то закоулочек, скрытый грудой наваленных друг на друга вещей, в которые я и запрятался.

Трудно себе представить, как медленно тянулось время до рассвета. Однако, мне вовсе не хотелось спать, и я не ощущал ни голода, ни жажды. Когда рассвело, я стал ожидать, что вот-вот явится мой неумышленный тюремщик и отворит дверь, и минуты казались мне часами. Такое напряженное состояние становилось для меня положительно не-

ВЫНОСИМЫМ.

Наконец, жрец проснулся, медленной, ленивой поступью направился к двери и неторопливо стал отпирать дверь и открывать запоры. Сердце во мне билось, как пойманная птица. Наконец, он широко распахнул дверь и, стоя на пороге, потянул в себе свежий утренний воздух. Это был рослый, стройный, мускулистый мужчина средних лет в короткой белой тоге, перекинутой через одно плечо, из-под которой торчали его мускулистые икры темно-бронзового цвета.

Я готов был подкрасться к нему сзади и силой вытолкнуть его на улицу, чтобы открыть себе дорогу, тем более, что дверь эта выходила действительно на улицу, как раз против того большого, развесистого банана, который я заметил накануне. Я уже собирался исполнить это свое намерение, так как у меня в этот момент мелькнула мысль, что жрец мог каждую минуту сойти с порога и запереть за собой дверь, и тогда всякая надежда на бегство была бы потеряна для меня. И вот, когда я уже сделал шаг вперед, судьба, по-видимому, решила помочь мне, так как на улице раздался шум и топот шагов. Невозмутимый жрец тоже как бы пробудился и стал смотреть в том направлении, откуда доносились шаги. Двое туземцев и один белый полицейский служитель вели куда-то несколько человек арестованных; их сопровождала толпа индусов и белых, взрослых и ребятишек. С быстротой молнии родилась во мне мысль воспользоваться этим случаем. Быстро положив на пол палаш, я в три шага очутился неслышно за спиной жреца, обхватил его вокруг пояса обеими руками и прежде, чем он успел очнуться, сшиб его с ног и повалил набок, а затем, перескочив через него, очутился на улице и вмешался в проходившую мимо толпу. Когда я оглянулся назад, то увидел, что жрец, уже поднявшийся на ноги, стоя в дверях, с растерянным видом вперил глаза в толпу, по-видимому, не вполне понимая, что с ним случилось. Но я был на воле и теперь мало беспокоился о том, что было дальше.

Я даже не смею теперь сказать, был ли этот маленький дом капищем какой-нибудь тайной или просто неразрешен-

ной индуcской секты, которых здесь так много, так как даже и впоследствии никого об этом из осторожности не спрашивал, и даже во время вторичного своего пребывания в Бомбее, проходя мимо этого дома, старался не смотреть ни на кого, а глядел прямо вперед себя.

Н. Казанова

МОЗГ МАРАБУТА

Старый спаги* вошел, отдал честь по-военному, призвал на своего начальника благословение Аллаха и затем уже доложил, что на опушке найден труп убитого человека.

Правитель сделал недовольный жест. Он собирался сделать прогулку к руинам Бу-Гельфия со своим адъютантом, а это преступление разбивало все его планы.

— Оpoznан ли труп?—спросил он.

— Да, это Саид из Улед-Бакрена, бывший пастух шейха. Он не был еще марабутом**, но с некоторого времени голова у него была уже не совсем в порядке... Кто давал ему горсточку кускуса, кто хлебную лепешку... Он совсем не работал.. У нас не позволяют работать тем, у кого голова не в порядке, — с гордостью добавил он.

Правитель улыбнулся. Он недавно лишь прибыл из Франции, и все эти мусульманские обычаи еще забавляли его.

— А, помню! Мабул-Саид... бывший пастух шейха Али... такой высокий, худощавый, любил разговаривать сам с собой и колотить себя в грудь?

— Совершенно верно!

— Прикажи седлать лошадей. Я сейчас же дам знать прокурору и мы начнем следствие.

Дурное настроение правителя улеглось. К руинам Бу-Гельфия можно отправиться и в другой раз. Не лишена интереса и эта поездка в Улед-Бакрен, а особенно следствие среди этого таинственного народа.

Он позвонил своего шауша*** Эмбарка.

— Передай господину Бреге, что сегодня к руинам не поедем, что нужно ехать на следствие. Ты поедешь с нами... А ты знал убитого? — спросил он, складывая бумаги на столе.

Если бы правитель поднял взор от бумаг, его удивила бы смертельная бледность, покрывшая лицо Эмбарка. Стараюсь подавить волнение, последний произнес:

* Спаги — в старом Магрибе набранная преимущественно из местных жителей кавалерия во французских колониальных войсках.

** Суфийский отшельник, святой, подвижник.

*** Слуга.

— Знал ли я его? Знал, как знает шакал луну, прогуливаясь ночью... Никогда не разговаривал с ним...

— Хорошо. Ступай, помоги Эль-Сриру перенести труп в мертвецкую.

Все были поражены, когда труп Саида был поднят: черепная коробка была снята; убийца унес мозг убитого.

Бреге, давно уже живший в Алжире и знакомый с восточными нравами и обычаями, воскликнул:

— Это не обыкновенное убийство. Тут пахнет чародейством. Саид был тронутый, будущий марабут, а мозг марабута, по верованию мусульман, является божественной известкой, которую Аллах уронил на землю при постройке райских сооружений... Скверное это дело... Едва ли нам удастся раскрыть убийцу. Не станут правоверные проливать свет на это преступление...

И вдруг ему пришла в голову блестящая идея.

— Когда открыто преступление?

Спаги Эль-Срир доложил, что он только что открыл его и прибежал доложить господину правителю.

— Позвольте мне вести следствие, — обратился г. Бреге к правителю. — Если мы немедленно отправимся в Улед-Бакрен, то можем прибыть туда прежде, чем весть о преступлении распространится. Там живет одна чародейка, слава о которой распространена далеко за пределы Эль-Кантура. К ней на совет являются со всего Алжира. Я думаю, не мешает и нам сходить к ней. У меня есть предчувствие, что она поможет нам пролить свет на это преступление. В крайнем случае, мы напрасно прокатаемся... Собственно говоря, визит к чародейке ни на чем не основан. Смотрите на него, как...

— ...на интуицию Шерлока Холмса! — докончил за него с улыбкой правитель.

Через три часа они прибыли в Улед-Бакрен. Они сразу отправились прямо к чародейке, и правитель немало удивился, когда увидел ее: он надеялся встретить старую колдунью, каких обыкновенно изображают верхом на метле, рядом с бородатым козлом, а вместо этого увидел молодую очаровательную женщину, встретившую их любезной улыб-

кой и откинувшую для знатных гостей вуаль, которой, по мусульманскому обычаю, было порыто лицо ее.

Г. Бреге сказал ей, что новый правитель, наслышавшись о ее славе, пришел приветствовать ее.

Она поблагодарила какой-то замысловатой фразой, в которой упомянула и о благородстве французов, и о милости неба.

— Господин правитель желал бы видеть тебя, когда на тебя нисходит дух Аллаха.

Прекрасная чародейка покачала своей, покрытой золотисто-рыжеватыми волосами, головой.

— Не каждый день нисходит на меня дух Аллаха. Я могу творить чудеса лишь по приказанию Аллаха, а не когда захочу. Я лишь покорная слуга его.

— В таком случае, разреши нам явиться к тебе когда-нибудь, когда ты почувствуешь в себе силу сотворить чудо. Бывает это в определенные дни?

— Нет, — ответила она. И в глазах ее выразилось явное неудовольствие, что неверные хотят присутствовать при ее чародействах.

Г. Бреге это сразу подметил и поспешил заметить:

— Впрочем, я думаю, что посторонним при этом не место. Я говорил г. правителю, что в этом есть что-то нечестивое, что может мешать тебе. Но мы рады познакомиться с тобой и знать, что дух Аллаха нисходит на дочь нашего племени.

— А можно ли нам взглянуть хоть на те орудия, которыми творишь свои чудеса? — спросил правитель.

Прекрасная чародейка громко расхохоталась и указала им на несколько обгорелых поленьев.

— Вот и все... вот тут я сжигаю некоторые травы...

— А, понимаю! По тому, как они сгорают, ты и предсказываешь?

— Да... Употребляю я также палочки орешины, обмокнутые в кровь телки, которыми я прикасаюсь ко лбу вопрошающего. Иногда я заставляю проходящих ко мне за советом пожевать цветок мака и потом этой фиолетовой слюной я вымазываю себе лицо прежде, чем собраться с духом.

Есть еще и много других вещей, которые помогают мне. Дух Аллаха всюду.

— А особенно в мозгу тронутого марабута, — глядя ей прямо в лицо, произнес Бреге, — говорят, это самое верное средство.

Чародейка с изумлением взглянула на него.

— Да... мозг марабута... — пробормотала она, — это святое средство. Чего бы я ни дала, чтобы иметь его... Но кто сказал тебе про это?

— А было оно когда-нибудь в твоих руках?

— Один только раз... Это был мозг сумасшедшего, голову которого размозжили во время драки. Я чудеса творила с ним...

Бреге с трудом сдерживал выражение радости, чувствуя, что нападает на след.

— Но не каждый день случается разбивать головы сумасшедшим... — мечтательно продолжала чародейка. — Впрочем, я не отчаиваюсь. Еще может представиться случай, — доверчиво, почти шепотом, продолжала она. — К тому же я обещала своим ухаживателям, что выйду замуж за того, кто принесет мне мозг сумасшедшего.

Г. Бреге ликовал.

— Держу пари, — почти крикнул он правителю, — что убийца Саида в наших руках! Нужно только найти поклонников прекрасной чародейки.

И они ушли.

Невдалеке их поджидали шауш Эмбарк и спаги, державшие их лошадей.

— Да будет благословен Аллах! — воскликнул Бреге. — Мы только что видели прекраснейшую из гурий сада Магомета. Глаза наши ослеплены этой красотой.

Шауш слегка побледнел. Старый Эль-Срир лишь улыбнулся.

— Но у нее, должно быть, больше поклонников, чем звезд на небе, — продолжал Бреге.

— Да, но никто не смеет приблизиться к ней, потому что все боятся Эмбарка, — произнес Эль-Срир, дружески хлопывая по плечу шауша.

Тогда Бреге резко обернулся к шаушу, положил ему руку на плечо и воскликнул громовым голосом:

— Та, которую ты любишь, дочь Аллаха, и Аллах поведал ей, что ты убил Саида!

Шауш громко вскрикнул, вздрогнул, и из рук его выпал небольшой горшочек, из которого вывалилась сероватая масса, которую он нес в подарок своей возлюбленной.

Это был мозг бедняги Саида.

Хитченс

КОЛЬЦО С ИЗУМРУДОМ

Княгиня Данишевская была хорошо известна парижскому обществу. Она отличалась необычайной красотой и отсутствием указательного пальца на левой руке. Три месяца в году она обязательно проводила в Тунисе и всех поражало странное тяготение ее к этому городу, которое проявилось со времени катастрофы, лишившей ее пальца. Подробности этого несчастья знали только два человека в Тунисе — молодой проводник Абдул и таинственный араб Сэфти.

Княгиня вышла замуж за год до этого по страстной любви и могла быть вполне счастлива, если бы одно обстоятельство не омрачило всей ее жизни: она безумно боялась ослепнуть. Ее дед и ее мать ослепли к сорока годам. Княгиня дрожала от ужаса при мысли о возможности испытать то же самое несчастье. Однажды на балу она почувствовала острую боль глазах и с этой минуты потеряла спокойствие и сон. Не прошло и нескольких месяцев, как она дошла до полного нервного истощения. Врач стал настаивать на необходимости продолжительного путешествия. Так как мужа задерживали в Париже дела, княгине пришлось поехать со своей знакомой, уже довольно пожилой дамой, графиней Ростовою.

Они приехали в Тунис ночью и остановились в гостинице. На следующий же день княгине захотелось осмотреть главную достопримечательность города — базары. Ее спутница была очень утомлена с дороги, и княгиня поехала одна, с проводником. Это был молодой, разговорчивый араб по имени Абдул. Он добросовестно показывал княгине базары и все время рассказывал о чудесах и легендах Туниса. Мрачные мысли терзали княгиню, и она почти не слушала болтовню Абдула.

— Сегодня продажа драгоценных камней возле Джамазз-Цитуна, — сказал он. — Не угодно ли будет княгине взглянуть на драгоценности?

Княгиня кивнула головой в знак согласия. Абдул быстро повел ее дальше. Всюду стояли кучками арабы, громко разговаривая и жестикулируя. Они продавали кольца, браслеты, брошки и неотшлифованные камни — бирюзу, сапфиры, изумруды. Вдруг княгиня увидела в толпе огромного

араба в коричневой одежде и красной феске. У него были ужасные глаза, маленькие, искрящиеся и такие косые, что невозможно было понять, в какую сторону он смотрит. Эти глаза придавали ему дьявольское выражение, — казалось, он видит все и ничего.

— Это — Сэфти, знахарь, он лечит драгоценными камнями, — таинственно зашептал Абдул.

— Как это? — удивилась княгиня. — От чего он лечит?

— От всяких болезней, — отвечал Абдул. — У меня была лихорадка. Он дал мне порошок из какого-то камня, и я выздоровел. Он спас от смерти одного из сыновей бея. У него даже есть чудесный камень, который предохраняет от слепоты.

Княгиня вздрогнула.

— Это невозможно! — воскликнула она.

— Это правда, — спокойно сказал Абдул. — Я сам видел. Зеленый камень, вот такой, — и он указал пальцем на изумруд, который араб держал в руках.

От ярких солнечных лучей княгиня снова почувствовала боль в глазах. Она закрыла лицо руками и еле слышно проговорила:

— Где живет знахарь? Скажите, что я хочу пойти к нему.

— На улице Бен-Циад. У него там маленький домик, но он очень, очень богат. А когда угодно госпоже навестить мудрого Сэфти?

— Сегодня. Приходите за мной в четыре часа.

Абдул быстро заговорил со знахарем. Тот бросил на нее косой, любопытный взгляд и низко поклонился.

В четыре часа, когда почтенная графиня еще пила чай и читала какой-то увлекательный французский роман, княгиня и Абдул подъезжали к домику знахаря. Он их встретил в дверях и заговорил на ломаном французском языке. Княгиня приказала Абдулу подождать на улице и вошла в лачугу Сэфти. Тот плотно закрыл за ней дверь.

Она очутилась в полутемной комнате. Сэфти торжественно подвел княгиню к пестрому дивану и предложил ей чашку крепкого кофе. Она медленно стала пить, не спуская глаз с безобразной головы Сэфти. За стеной слышалась мо-

нотонная арабская песня. Сильный аромат, темнота, молчаливая фигура Сэфти — все это походило на кошмар. Голова была тяжелой, в висках стучало...

Наконец, с большим трудом она выговорила:

— Вы знахарь?:

Сэфти величественно кивнул головой.

— Неужели можно лечить драгоценными камнями?

Сэфти спокойно сказал:

— Госпожа не знает, что драгоценные камни — лучшее лекарство. Рубином я излечиваю безумие, топазом — лихорадку...

— А изумрудом? — перебила его княгиня. — Правда ли, что вы предохраняете изумрудом от слепоты?

Лицо Сэфти приняло мрачное и подозрительное выражение.

— Это правда, скажите, молю вас?!..

Она дрожала от волнения. Сэфти долго молчал. Наконец, тихо произнес:

— Правда.

— Я вам заплачу, сколько вы потребуете, — прошептала она. — Дайте, дайте мне ваш изумруд...

Сэфти посмотрел на нее. Потом схватил ее голову своими крючковатыми руками и повернул к окну. Княгиня замерла. Он долго смотрел на нее своими ужасными косыми глазами. И опять это походило на тяжелый кошмар.

— Может, наступит день, когда вам понадобится мой изумруд, — сказал он.

Княгиня почувствовала, как у нее забилося сердце.

— Дайте, дайте мне его, — закричала она. — Я богата, я дорого заплачу за него.

— Я не продаю своих лекарств, — спокойно сказал Сэфти. — Кто в них нуждается, живет здесь, в Тунисе. А когда больные излечены, они возвращают мне камень, который их спас. Но вы живете далеко.

Княгиня поняла, что убеждать его бесполезно. Она овладела собой и спокойно спросила:

— В таком случае, покажите мне этот изумруд.

Сэфти взял со стола тяжелую серебряную шкатулку и

вынул из нее старинное золотое кольцо. Княгиня надела его на указательный палец левой руки.

— Если госпожа больна глазами, изумруд ее излечит. Тот, кто носит его три месяца в году, никогда не ослепнет, — сказал Сэфти.

Он снял кольцо с пальца и дотронулся до ее глаз. Ей показалось, что боль моментально прекратилась.

— Продайте мне это кольцо, — опять сказала она. — Я много заплачу, вам сколько хотите...

Сэфти отрицательно качал головой.

— Госпожа должна его носить здесь, в Тунисе. Только здесь. Своих камней я не продаю.

— Я возьму его теперь с собой на два дня и заплачу вам за это.

Знахарь открыл дверь и позвал Абдула. Пять минут спустя княгиня ехала домой. Она подписала бумагу, в которой говорилось, что она имеет право носить кольцо с изумрудом двое суток и должна заплатить за это сто пятьдесят франков.

На следующий день графиня говорила капризным тоном:

— Ненавижу Тунис. Какой здесь отвратительный климат. Меня всю ночь была лихорадка.

Княгиня ничего не ответила. Он была в отличном настроении.

— Что за безобразное кольцо? — вдруг спросила ворчливая графиня. — Зачем вы его носите?

— Я вчера купила его на базаре, — ответила та.

— Послушайте, голубушка, вы бросаете деньги в грязь, — сказала графиня и легла на кушетку с новым французским романом.

В этот день княгиня снова тщетно умоляла Сэфти продать ей кольцо. Уходя из лачуги знахаря, она была сильно удручена и не заметила даже, что он обменялся несколькими непонятными словами с Абдулом.

Ей овладела непоколебимая уверенность, что она не ослепнет, пока кольцо будет в ее власти. Но не могла же она навсегда поселиться в Тунисе! Вдруг ей пришла в голову

смелая мысль. Она даже покраснела от стыда. Хитрые глаза Абдула следили за ней. У дверей отеля он спросил:

— Госпожа долго пробудет в Тунисе?

— Еще с недельку, — спокойно сказала она. — Вы мне завтра не нужны, Абдул.

Очутившись в своей комнате, она позвонила и потребовала расписание пароходов, отходящих в Европу. Затем она пошла к графине.

— Как вы себя чувствуете? — весело спросила она. — Лучше, чем вчера?

— Да разве это возможно в таком убийственном городе?

— Сегодня в полночь «Звезда Италии» уходит в Сицилию. Не уехать ли нам, как вы думаете?

— Чудесно! Едем! — восторженно закричала графиня.

Княгиня страшно волновалась. Ее маленькие ручки задрожали, когда она взглянула на изумруд знахаря Сэфти.

* * *

В одиннадцать часов обе путешественницы были на пароходе. Ночь была тихая, темная.

Ровно в полночь пароход отчалил от берега. Княгиня долго стояла на палубе и смотрела на уходящие огоньки города, где жил Сэфти. Правой рукой она дотронулась до указательного пальца левой — кольцо было на месте. С каждой минутой она чувствовала себя ближе к Парижу. Она купит свою вину перед знахарем, она щедро наградит его. Огни Туниса совсем исчезли. Княгиня думала, что пароход вышел в открытое море.

Вдруг колеса стали двигаться все медленнее и медленнее и, наконец, совсем остановились. Холодная дрожь охватила княгиню.

— Что это? — взволнованно спросила она матроса. — Случилось, какое-нибудь несчастье?

Он отрицательно покачал головой и указал на мелькавшие в темноте огни.

— Мы причалили к пристани Гамам-Леф, — сказал он.
— И простои́м не меньше получаса.

Княгине эта стоянка показалась вечностью. Она все время оставалась на палубе. Плеск воды, шаги — все приводило ее в дрожь, все казалось, что она видит огромную фигуру Сэфти, его ужасные, косые глаза. Наконец, погрузка кончилась и снова стали двигаться колеса. Княгиня оперлась на перила левой рукой, на которой сиял изумруд Сэфти. Она думала о том, что скоро будет в Париже, будет с мужем в своей уютной квартире, в полной безопасности.

Она не слышала мягких шагов за своей спиной, не видела, как приближалось к ее руке лезвие кинжала...

Вдруг отчаянный женский крик нарушил дремотную тишину ночи. Потом послышался плеск воды и огромная фигура спрыгнула с палубы парохода.

Когда взошло солнце и осветило многочисленные минареты Туниса, княгиня была далеко в открытом море.

А кольцо с изумрудом было снова в маленьком домике знахаря, на улице Бен-Цида. А возле него лежал палец княгини...

Е. Брезоль

ЧЕЛОВЕК СО ЗМЕЯМИ

— Именем Вишну, умоляю тебя, господин, пощади моего брата, — рыдал факир Сугрива, цепляясь за шею лошади Оливье Клэра, медленно направлявшегося верхом к месту казни.

Английский офицер стегнул лошадь. Внезапный скачок ее чуть не сбил с ног индуса, принадлежавшего, судя по белой одежде, к факирам высшего ранга.

Несмотря на грубый ответ, он еще не терял надежды. Скрестив руки над головой, он снова стал молить офицера.

— Господин, великий муж с лицом прекраснее лотоса, пощади моего брата! Пощади! Я уведу его туда, — далеко, по ту сторону великой реки, и никто никогда больше не услышит о нем!

Оливье на мгновение остановил холодный взор своих голубых глаз на факире и, подняв хлыст, два раза стегнул им по лицу индуса.

— Прочь, собака! — проговорил он.

Индус зарычал от боли и гнева и, отскочив назад, поднес руку к лицу, думая, что оно в крови.

Но крови не было. Тонкий хлыст отпечатал багровый крест на лице факира и ожег, как огнем.

Крупные слезы катились по лицу индуса. Он выпрямился и, преодолевая боль, угрожающе потряс кулаком вслед отъехавшему англичанину, забывшему уже о встрече.

— Проклинаю тебя! — проговорил факир голосом, дрожавшим злобой и жадной мести. — Но ты будешь наказан, клянусь Брамой и Вишну!.. Я тебе отомщу... и месть моя будет ужасна.

Четверть часа спустя брат его, такой же факир, как и он, был казнен по приговору английских властей, обвинявших его в возбуждении к бунту соотечественников.

Рыдания давили грудь старого факира, когда он увидел своего брата Мараха, бессильно вздрагивавшего в предсмертных судорогах на веревке. Оливье Клэра это зрелище нис-

колько не тронуло, и ни один мускул не дрогнул у него на лице. После казни индуса он вернулся в город через Кабульские ворота и во главе отряда сипаев выступил по дороге в казармы. При проезде солдат выбегали из хижин и падали ниц перед ними. Оливье гордо сидел на своей вороной лошади, и на губах его мелькала едва заметная улыбка. Он думал о своей невесте, белокурой мисс Маргарите Уайт. Через два месяца он уедет в отпуск, женится и вместе с молодой женой вернется в эту сказочную Индию. На груди у него будет блестеть медаль, а в близком будущем он получит и повышение по службе...

II

...Откланявшись вице-королю в Калькутте, Оливье Клэр и юная жена его, прелестная Маргарита, отправились в Дели. По дороге они останавливались в живописных городах на берегу Ганга. В последний раз они выходили в Агре и любовались развалинами древней столицы Аргонии. На одной площади они увидели большую толпу. При их приближении все расступилось, чтобы дать дорогу офицеру. Мистрис Клэр вздрогнула от ужаса, когда очутилась перед человеком в лохмотьях, окруженным разного рода змеями, вытягивавшими свои ядовитые головы. В испуге, она инстинктивно прижалась к мужу.

— Не бойся, Маргарита, — сказал он. — Это факир, человек божественного происхождения. Он показывает укрощенных змей.

Маргарита с расширенными от страха глазами смотрела на сидевшего на корточках факира. Он свистел в маленькую камышовую дудочку, а змеи в такт его музыке то подымались, то опускались на землю, устремив глаза на укротителя.

— Уйдем! — сказала молодая женщина. — Я не люблю этих гадов.

— Глупенькая, — ласково ответил Оливье, улыбаясь.

Они отошли от факира и заговорили о другом, вскоре совершенно забыв о змеях. Но человек, сидевший на корточках, продолжая насвистывать свою мелодию, глазами, полными ненависти, смотрел вслед удалявшейся молодой паре.

III

Оливье с женой заняли купе первого класса в курьерском поезде, отправлявшемся в Дели. Офицер погрузился в чтение, а Маргарита, высунувшись из окна, с любопытством смотрела на снующую толпу.

— О, взгляни, Оливье! — вдруг вскричала она. — Вон опять тот человек, что показывал змей на площади.

Оливье взглянул и в нескольких шагах от вагона увидел человека с бронзовым цветом лица и с толстым кожаным мешком в руках.

— Это он или кто-нибудь из его помощников! Они все здесь похожи друг на друга! — беспечно заметил Оливье.

Вскоре раздался звонок, и поезд тронулся.

— Через четыре часа мы будем в Дели, — сказал Оливье.

Маргарита улыбнулась и хотела заговорить о будущем их житье в Дели. Но крик ужаса вырвался из ее груди. Дверь купе отворилась, и в отверстие просунулась голова с перекошенным от ненависти лицом, с хищными блестящими глазами.

— Что тебе надо? — спросил офицер.

Незнакомец усмехнулся и вместо ответа быстро развязал мешок и выбросил на пол все его содержимое.

Молодые люди вскрикнули от ужаса. Из мешка вывалились змеи и, очнувшись от очарования, начали расплетаться и с шипением подымать свои страшные головы к офицеру и его жене, полумертвым от страха.

Вскоре кобра, шипя, обвилась вокруг ноги Оливье, а очковая змея, раскрыв пасть, бросилась на Маргариту. Офицер, однако, не растерялся и бросился к сигнальному аппа-

рату. Но бледность его перешла в синеву, когда между собой и сигналом он увидел гадюку с раздувшейся от злобы шеей. Оливье попытался отстранить ее, но она быстро обвилась вокруг его руки и сжала ее своими тугими кольцами. Более мелкие змейки ползали у ног молодых людей и, наползая одна на другую, подымались выше. Длинная и тонкая коралловая змея как ремешок обвилась вокруг талии Маргариты и, ползя выше, обняла ее шею, как колье. Молодая женщина лишилась чувств. Оливье, с расширенными от ужаса глазами, сидел неподвижный и немой, как статуя.

— Узнал меня, господин? — спросил кто-то.

Офицер повернул голову к двери, но ответить не мог.

— Я — Сугрива, брат Мараха, казненного тобой год тому назад...

Оливье вспомнил, но продолжал молчать. Вскоре, однако, страшные мучения пробудили и его, и Маргариту. Крики отчаяния вырвались из их сжатых смертным ужасом уст. Они задохнулись в железных объятиях змей. Тела их бесильно поникли, а безумный взор скользил то по ползущим вокруг них змеям, то по страшному, смеющемуся во весь рот лицу старого факира, заслонившего дверь и с наслаждением упивавшегося мучением своих жертв.

Поезд летел со страшной быстротой, а змеи доканчивали свою смертоносную работу.

Арвин Фульс

КОБРА

Горинг, когда ему рассказывали эти индийские истории, всегда смеялся.

Мы знали, что они были правдой, хотя бы и объяснялись гипнозом. Поэтому мы сердились на него.

Но Горинг был еще недавно в Индии, — иначе он надумал бы что-нибудь более разумное, чем постоянно выражать свое недоверие.

Достаточно прожить несколько времени в Индии, чтобы убедиться, что многое, представляющееся европейцу невероятным, на берегах Ганга кажется совершенно обыкновенным и что в подлунной бывает немало такого, о чем и не спится нашим ученым мудрецам.

Майор рассказал, что проделал накануне на его глазах один факир. Искусник взял небольшой моток льняных ниток, прикрепил свободный конец к своей котомке и швырнул клубок на воздух. Клубок стал подниматься все выше и выше, взлетел до облаков и в них исчез. Тогда факир позвал своего полугололого помощника и приказал ему лезть по нитке.

Мальчик тотчас же принялся выполнять приказание, ухватился за тонкую бечевку и полез. Глаза множества людей, стоявших на площади, были прикованы к нему. Помощник факира поднимался все выше и, наконец, также исчез в облаках.

Фокусник, казалось, перестал думать о нем. Он проделал еще несколько мелких опытов, но затем, как будто вспомнив о мальчике, громко крикнул, чтобы тот слез и помог ему. С облаков донесся голос мальчика, упорно отказывавшего вернуться. Раздосадованный факир, сжав зубами длинный нож, в свою очередь ухватился за шнур и полез, все уменьшаясь на глазах зрителей. Наконец, он превратился в темную точку на синеве неба и исчез так же, как мальчик.

Вдруг с высоты донесся пронзительный вопль. Неопи- суемый ужас охватил сердца зрителей, когда с неба хлы-

нул поток крови. За ним последовали отрубленные руки и ноги несчастного мальчика, наконец, глухо ударились о землю его обезглавленное туловище.

Прошло несколько минут. Зрители оцепенели от ужаса и негодования. Между тем, убийца спустился по бечевке на землю. Нож он держал, как и прежде, своими зубами, а в левой руке нес голову мальчика.

При гробовом молчании публики факир собрал под платок окровавленные части трупа. Затем он приобщи к ним клубок, который вновь намотал подобно тому, как делают дети, когда тащат на землю бумажный змей. Когда все было готово, он сдернул платок, — и мы увидели мальчика улыбающимся и здоровехоньким. На теле его не было ни следа порезов и крови.

Над этим-то рассказом и посмеялся Горинг.

— Послушайте, майор, — трунил он, — неужели вы хотите, чтобы я в самом деле поверил подобному вздору?

— Я видел это собственными глазами, — с оттенком некоторой обиды возразил майор.

Горинг упорно продолжал посмеиваться.

Майор, видимо, рассердился.

— Я не могу, конечно, Горинг, принудить вас поверить мне, — сказал он. — Но, если вы сообразоволяете прийти ко мне завтра в гости, я приглашу нескольких знакомых факиров, которые не откажутся дать нам магическое представление.

Майор предложил, кроме того, прозакладывать что угодно, что Горинг, когда ознакомится с несколькими образчиками их искусства, не станет больше сомневаться в правдивости его повествования о мальчике.

Горинг согласился на это пари.

Затем мы распростились и разошлись.

II

На следующий день, в четыре часа, мы все собрались у

майора.

Он усадил нас на своей тенистой веранде.

Кроме нашего хозяина, никто из нас не видел еще настоящего индийского представления; немудрено, что все мы чувствовали себя сильно возбужденными. Горинг продолжал громко заявлять, что нисколько не верит в мнимые чудеса туземных магов, а инженер Ермин, которого мы не без основания считали ученым, вертел в руках небольшой фотографический аппарат, имевший вид обыкновенного сигарного ящика: многие из туземцев питают отвращение к фотографии и ни за что не позволяют снимать себя.

На земле, перед верандой, под яркими лучами солнца, сидели два оборванных индуса. Оба эти факира славились своим неизъяснимым искусством.

В приготовлениях к сеансу не было ничего внушительного. У факиров не было с собой ничего, кроме небольшой корзины вроде тех, которыми пользуются европейцы, и узелка, с вещами.

Когда майор подал знак, что пора начинать представление, один из фокусников, — старый, седой индус, — сунул руку в корзину и вытащил оттуда большую змею. Это была кобра. Она с быстротой молнии взвилась кверху, громко зашипела и стала раскачивать голову, разрезая воздух своим высунутым языком. Второй факир нежно и тихо играл на небольшой тростниковой дудке. Змея покачивалась и кружилась, точно желая изобразить плавный танец.

Мы услышали, как щелкнула камера Ермина и выпала использованная пластинка.

Музыка зазвучала громче, — с такой силой, что казалось невозможным, чтобы она исходила из такой небольшой тростниковой дудки. Кобра мерно покачивалась, как будто выростая на наших глазах; голова ее так быстро двигалась в воздухе, что принимала вид призрачной драпировки, усеянной сверкающими бриллиантами. Страшные глаза на темном фоне горели ярким блеском...

Никто из нас не уловил и не мог потом припомнить, когда именно началось превращение. Нас охватил полумрак, который все более сгущался. Кружащаяся кобра все явст-

веннее принимала образ танцующей женщины, музыка звучала в наших ушах все громче...

Я припоминаю, что Ермин сравнил позднее то, что мы ощущали в это мгновение, с галлюцинацией, испытываемой под хлороформом. Из этого можно заключить, что инженер сохранил тогда полное самообладание и не утратил своей обычной наблюдательности. В моей же памяти сохранилось лишь смутное представление о том, что в тот самый момент, как щелкнул фотографический аппарат, произошло необычайное превращение.

Вдруг музыка умолкла. Перед нами стояла живая девушка. Ее еще обволакивало черное, усеянное бриллиантами покрывало. Но вот она откинула ткань, — и мы увидели ее лицо.

Мы остолбенели от ужаса, смешанного с восторгом. Она обвела своими черными глазами всех присутствующих, и взор ее остановился на Горинге. Ее красота была поразительной, неопикуемой, дышала диким величием и сатанинской необузданностью. Сердце судорожно сжималось при виде ее, в крови загорались неутолимые, жгучие вожделения.

Мы затаили дыхание, сидели, точно очарованные, боясь пошевелинуться. Один только Ермин не подчинился наваждению: инженер был способен увлекаться лишь красотой мостов и конструкцией паровозов. Он отнесся к видению столь хладнокровно, что успел сфотографировать его.

Девушка, не сводя глаз с Горинга, плавно приближалась к веранде.

С уст его сорвался легкий возглас страха и восхищения. Он вскочил и бросился к ней навстречу с распростертыми объятиями.

Лицо ее было ослепительно белым; темные, огневые глаза казались бездонными, сверкали, как черные алмазы. Она простиерла обе руки к Горингу... и исчезла.

III

Мы точно пробудились от сна.

Майор стал протирать свои глаза и глубоко вздохнул. Хорошо, что этого вздоха не слышала его жена, полная, румяная женщина, не имевшая ничего общего с привидениями.

Ермин приводил в порядок свой фотографический аппарат; его руки сильно дрожали; он попросил виски с содовой водой, и чтобы налили побольше виски. Инженер пояснил, что чувствует себя несколько возбужденным.

Горинг не сказал ничего. Он вернулся на свое прежнее место, опустился на стул и пылающими глазами уставился на то место, где только что исчезла «она».

Факиры собирали на солнцепеке свои вещи.

Майор заплатил условленную сумму и попросил их исчезнуть поскорее. Затем он обратился к Горингу.

— Ну, дружище, теперь пора уже и вам окончательно проснуться! — воскликнул он, как бы шутя, но с несколько принужденной улыбкой.

Горинг ничего не ответил. Он продолжал смотреть на то же место, точно все еще созерцая привидение.

Ермин встряхнул его, но Горинг, видимо, не замечал нашего присутствия.

Мы начали тревожиться, стали трясти его сильнее и заставили выпить немного виски. Он пробормотал, наконец, что-то непонятное. Голос его дрожал, как у человека, который находится под влиянием наркоза или в сильном опьянении.

Мы отнесли Горинга в дом, расстегнули на нем одежду и попробовали лить ему на голову холодную воду. Нам удалось, наконец, добиться того, что он стал озираться усталыми, мутными глазами.

— Где она? — прошептал он.

— Не валяйте, пожалуйста, дурака, Горинг, — нервно сказал майор. — Все это такая же галлюцинация чувств, как фокус с мальчиком и клубком ниток.

— Гипноз! — крикнул Ермин из темной камеры майора, где он спешил проявить свои пластинки.

— Я должен пойти к ней! — возбужденным голосом воскликнул Горинг.

— Вот этого-то и не надо! — возразил майор, не скрывая больше, насколько он встревожен.

Он послал своего слугу за доктором, наказав поспешить, насколько возможно. Тем временем мы все, — Ермин успел уже зафиксировать свои снимки, — держали Горинга, которым овладел припадок буйного умоисступления. Майору он подбил глаз, а мне, до прихода врача, успел закатить несколько увесистых оплеух.

— Это похоже на припадок острого психоза, — сказал врач, производя Горингу впрыскивание посредством небольшого серебряного шприца.

Горинг несколько успокоился, и мы уложили его на кровать майора.

Он продолжал стонать и жаловаться:

— Я люблю ее! Я люблю ее!..

Мы рассказали доктору обо всем, что произошло. Врач выслушал с весьма озабоченным видом. Он достаточно долго прожил в стране, чтобы ознакомиться со многими вещами, о которых ничего не упоминается в медицинских книгах.

Нашу беседу вдруг перебил Горинг, совершенно отчетливым голосом спросивший, куда ушли факиры.

— Я должен разыскать их, — добавил он.

— Не будьте таким идиотом, Горинг, — горячился майор. — Никакой женщины тут не было, мы просто видели дьявольское наваждение, мираж, фата-моргану... Даю вам честное слово, что вы обморочены! Разве я не прав, Ермин?

Инженер вошел в комнату, держа в руке три мокрые пластинки, лицо его казалось несколько смущенным.

— Конечно, вы как нельзя более правы, майор, — сухо ответил он, сделав незаметный знак головой. — Все это было сплошной галлюцинацией, и вы высказали себя далеко не героем, любезный Горинг. Выпили ли вы слишком много виски? Или получили солнечный удар? И что вы такое увидели?

— Я видел ее!

Лицо Горинга приняло восковой оттенок, глаза потускнели.

— Вы уверены, что это была не змея?

— Сначала я увидел змею, — согласился Горинг, — но потом змея стала расти и превратилась в нее.

Горинг дрожал, как в лихорадке, совершенно подавленный происшедшим.

— Черт бы меня побрал! В славном он положении, нечего сказать! — бормотал Ермин, стоя в ногах у кровати Горинга и держа за спиной мокрые фотографические пластинки. Он смотрел на больного с состраданием, в котором сквозила и любознательность натуралиста.

— Хороша ли она была собой, Горинг? Быть может, у нее были такие же деревянные ноги и фальшивые зубы, как у мистрис О’Теа?

Горинг ответил попыткой подняться с постели.

— Перестаньте подтрунивать, Ермин, — сказал майор, удерживая Горинга.

Затем он приложил все старания к тому, чтобы убедить больного принять присланное врачом лекарство.

Вскоре за тем Горинг заснул. По знаку инженера, мы отошли вместе с ним в сторону.

— Видели вы когда-нибудь нечто подобное? — невольно вырвалось у Ермина, когда мы окружили его. — Вот три снимка: на одном запечатлелось то мгновение, когда факир вынул кобру из корзины; на втором — первое появление красавицы; на третьем — момент, когда Горинг хотел обнять ее. И, — голос его нервно дрогнул — я готов прозакладывать свою голову, что он почти держал в своих объятиях отвратительное пресмыкающееся! Посмотрите-ка!

Он показал последний негатив на просвет. Мы ясно различили на стекле фигуру Горинга. Между его руками и отвесно вытянувшимся туловищем огромной кобры оставался промежуток не более, чем в два дюйма.

Майор дрожал, как в ознобе.

— Как видите, — продолжал Ермин, — фотографическую камеру нельзя обмануть гипнозом. Девушка, которая

старалась очаровать нас на веранде, была не чем иным, как ядовитой змеей. И мы все охотно стали бы целовать эту гадину!

— Глупая шутка, Ермин, — заметил майор, все еще не преодолев нервной дрожи. — Мои приятели-факиры одурачили нас довольно грубо. Не скоро они дождутся от меня нового приглашения!

IV

Майор и я вызвались присмотреть за Горингом в течение ночи.

Больной, по-видимому, утомился и лежал спокойно. Доктор обещал навестить его в 2 часа ночи, когда будет возвращаться домой от знакомых.

Я решил лечь спать на несколько часов, чтобы сменить затем бодрствующего майора.

Приблизительно в половине второго я внезапно проснулся: майор встряхнул меня за плечи. Горинг исчез. Окно на веранде было раскрыто...

Не было сомнений, что он выскочил в это окно.

— Почти в час он заснул, — пояснил майор. — Тогда я тоже закрыл глаза и задремал на несколько минут.

Пока он говорил, пришел врач. Он испугался так же, как мы, когда узнал об исчезновении пациента.

Мы разбудили всех слуг и отправились немедленно на поиски. Болезнь Горинга была такова, что можно было ожидать всяких сумасбродств.

Вероятно, мы скоро захватим его. Одежда Горинга осталась в спальне; человек в одном ночном белье не может убежать далеко, не обратив на себя внимания.

Но не успели мы дойти до конца сада, как майор громко вскрикнул от ужаса.

Мы не могли заметить ничего, так как грузная фигура майора застлала перед нами узкую дорожку. Мы услышали только тихий шелест среди опавших листьев и уви-

дели, что майор с быстротой молнии выхватил из кармана свой револьвер.

Раздался звук выстрела, и затем еще громче зашуршали опавшие листья.

Майор опустился на колени.

— Вот бедняга Горинг! — тихо произнес он, зажигая спичку.

Голова мертвого Горинга покоилась на коленях майора.

На горле несчастного темнел кровавый след ужасного укуса ядовитой кобры.

Луи Буссенар

СИЛА ФАКИРА

Как-то раз меня с моими пятью спутниками в тропическом девственном лесу застигла ночь. Я немного было струсил, но, видя, что мои спутники (кайенские негры Морган и Даниэль, индийские факиры Сами и Гроводо и китаец Ли) относятся к этой ночевке в лесу совершенно равнодушно, постарался тоже успокоиться.

Мы выбрали небольшую поляну, окруженную громадными вековыми деревьями, точно гигантскими колоннами, переплетенными сетью лиан и гирляндами чудных орхидей и других ярких цветов самых причудливых форм. Здесь мои спутники развели костер и на одном из деревьев повесили для меня гамак. К несчастью, наша провизия истощилась; оставалось только немного риса да несколько сухих плодов. Этого было вполне достаточно для моих непривычных спутников, но никак уж не для меня, цивилизованного европейца, привыкшего питаться мясом. Правда, китаец Ли, исполнявший в моей свите обязанности повара, предлагал мне еще днем, когда мы проходили вдоль реки, поймать для меня черепаху, маленького крокодилчика или пару хороших змеек из тех, которые водятся около воды, но я отказался от всех этих «лакомств».

Ночь наступила мгновенно и раньше, чем можно было ожидать, потому что с запада надвигалась громадная черная грозовая туча, быстро затянувшая весь небосклон.

Где-то в отдалении слышались крики, вой и рев зверей, то есть тот ужасающий ночной концерт дремучих индийских лесов, от которого у меня тотчас же поднялись дыбом волосы, на лбу выступил холодный пот, зубы стали выбивать барабанную дробь, а в жилах застыла кровь. Я впервые тогда находился ночью в девственном тропическом лесу — в этом царстве хищных зверей, поэтому немудрено, что я так скверно себя чувствовал.

— Саиб, — раздался возле моего уха мягкий, проникающий в душу голос индуса Сами, молодого красавца со жгучими пронзительно-черными глазами на бледном лице, — не тревожься, пожалуйста, эти звери если и подойдут сюда, то вреда тебе никакого не сделают.

— Понятно, — воскликнул я с напускной храбростью, а у самого, как говорится, душа уходила в пятки, — ведь у нас есть ружья! Мое ружье даже такое, что из него сразу можно уложить несколько львов и тигров, — хвастливо добавил я, думая удивить этим «дикаря».

Но тот только пожал плечами, усмехнулся и проговорил:

— О, саиб, что значат твои ружья против рати зверей под предводительством льва!.. Слышишь, они все идут сюда?.. Но, повторяю, не бойся. Брось свои ружья: они бесполезны; я остановлю всех зверей и без оружия.

Концерт, в самом деле, с каждой минутой становился громче; слышался уже и треск сухих сучьев, ломавшихся под ногами животных; не слышно было только топота ног, потому что стремившиеся к нам животные были из тех, что на ходу почти не касаются земли, а точно носятся над ней.

Вдруг пламя нашего костра со страшным треском высоко взметнулось и, поднимаясь в течение нескольких секунд все выше и выше, так же внезапно погасло. Я все-таки успел разглядеть, что негры и китаец, растянувшись на траве, крепко спали. ГрОВОдо, весь как-то сжавшись и закрыв лицо руками, молча сидел под деревом, а что касается Сами, то он стоял около этого дерева совершенно неподвижно, скрестив на груди руки и устремив свои большие сверкающие глаза в глубину леса.

Между тем, рев и вой становились прямо-таки оглушительными; мрак сделался такой, что, как говорится, хоть глаз выколи; только глаза Сами горели в этом мраке, как раскаленные угли. Я провел рукой по лбу и даже ущипнул себя, чтобы удостовериться, что я не сплю и не сделался жертвой кошмара; но вскрикнуть или сказать что-нибудь я не мог; язык мне не повиновался. Для внушения себе бодрости я хотел было закурить сигару и стал доставать из кармана портсигар и спички.

— Саиб, — сказал мне в это время Сами, — ты сейчас будешь не в состоянии поднять руку. Но ты не бойся этого: когда будет нужно, ты снова получишь способность вла-

деть руками.

Я про себя улыбнулся, вынул сигару и коробок спичек. Взяв сигару в рот, я зажег спичку и хотел поднести ее ко рту, чтобы прикурить, но рука и вправду оказалась точно свинцовая и тяжело опустилась вдоль тела, пальцы как бы онемели, спичка из них выскользнула, упала на землю и погасла. Потом я не только не мог поднять руку или ногу, но не мог даже пошевелиться.

— Что, саиб, разве не говорил я тебе? — опять послышался голос индуса. — Возьми теперь ружье и попытайся выстрелить, — продолжал он. — Рука твоя будет действовать, но курка у ружья ты не спустишь.

В самом деле, я вдруг почувствовал, что вновь получил способность двигать всеми своими членами. Схватив лежавшее около меня ружье, я приложил его к плечу и хотел нажать на курок; однако он не двинулся с места, несмотря на все мои усилия.

Я положительно оцепенел от удивления и ужаса. Прямо передо мной горели глаза индуса; кругом слышался оглушающий концерт зверей, треск валежника, и всюду сверкали многочисленные красные, желтые и зеленые огненные шарики.

Я понял, что вокруг нас, точно прикованные к земле, стоят страшные звери, удерживаемые властным взглядом одного человека.

Картина была до такой степени страшная, что, право, не знаю, как я еще остался жив!

Вероятно, Сами понял, что мне не вынести долго этого ужасного состояния, поэтому он вдруг испустил короткий резкий крик; сверкавшие повсюду огненные шарики внезапно исчезли, рев, вой и треск валежника, умолкшие было на минуту, возобновились, и костер снова вспыхнул. Вскоре, однако, весь этот шум затих. Сами подошел ко мне и с улыбкой сказал:

— Ну, саиб, ты можешь теперь совершенно успокоиться: звери сюда больше не придут. А видишь вон там на дереве, над твоей головой, обезьяну? Она из той породы, мясо которой белые употребляют в пищу. Ты ведь голоден, саиб?

— Да, — ответил я. — Я сейчас застрелю ее.

Я поднял ружье и прицелился в обезьяну. Но индус остановил меня.

— Не трудись, сайб. Я сейчас покажу тебе еще кое-что... Смотри! — прибавил он, указав на дерево, где сидела большая черная обезьяна.

Я поднял глаза и увидел, как животное с заметным ужасом смотрело прямо в глаза Сами. Вдруг он сделал какое-то неуправляемое движение рукой, обезьяна испустила громкий болезненный крик и тяжело рухнула на землю прямо к моим ногам. Я подошел и взглянул на нее; она была мертва.

— И ты много можешь делать таких... фокусов? — спросил я у индуса, когда прошла первая минута изумления.

— Много, сайб, — ответил тот.

— А не можешь ли ты мне объяснить... — начал было я.

— Нет, сайб! — поспешно перебил он.

По тону его голоса я понял, что настаивать бесполезно, и замолчал.

Мой повар-китаец зажарил хороший кусок обезьяньего мяса, которое показалось мне довольно вкусным. Утолив голод, я улегся в свой гамак и благополучно проспал до утра. Утром мы продолжили свой путь.

Джон Кристалл

СТАРЫЕ БОГИ

Дешевый проезд и дешевая литература в значительной степени рассеяли таинственную прелесть Индии. Путешествие в эту романтическую страну является теперь обычной праздничной экскурсией членов парламента. В наши дни набобы уже не щеголяют своими дурноприобретенными богатствами и испорченными желудками где-нибудь в Чельтенгеме или Беджорде. Дерево Погоды давно уже общипано. Туги частью изгнаны, частью вымерли. Бойскауты заняли их место, страна наполнилась автомобилями, электрическими трамваями, больницами и тому подобными прозаическими вещами.

Однако, старые боги не вполне еще умерли. Шива и ужасная супруга его Кали все еще удерживают власть над жизнью и смертью и судьбами людей.

Об этом и повествует нижеследующий рассказ.

Я лично всегда ожидал, что рано или поздно Синг сойдет с пути. В этом мы совершенно расходились с Картером. Но Картер, хотя и был судьей более двадцати лет, все-таки всегда оставался неисправимым оптимистом.

Синг приехал к нам в Балипур в ореоле европейского образования и четырехгодичного пребывания в Оксфорде. Я помню, Картер объявил нам о его предстоящем приезде как-то раз вечером в клубе:

— У нас скоро будет новый помощник, Дункан!

— А, это новость! — сказал я. — Кто такой?

— Синг. — При этом Картер бросил на меня пытливый взгляд. — Джон Гемфри Синг.

— Видимо, у его крестных папаши и мамыши был хорошенький подбор имен!

— Он, в сущности, индус, — сказал Картер. — Раджнот или брамин, не помню наверное, какой касты. Боюсь наврать. Коль, мой сослуживец, взял его к себе, когда он был еще ребенком. Вы помните Коля? Он ведь был немножко чудакват. И взял он мальчика с целью доказать правильность

своей теории, что не существует вовсе коренной разницы между Востоком и Западом. По мнению Коля, вся разница обуславливается лишь влиянием окружающей среды. Синг, насколько мне известно, был воспитан, как природный англичанин, и отлично учился в Оксфорде. Я встречал его в Англии. И часто я задавал себе вопрос, догадывается ли он сам, что он индус?

— Здесь он очень скоро догадается об этом, — сказал я. — Лучше было бы оставить его в Англии.

— Коль просил меня позаботиться об этом юноше, — продолжал Картер, — поэтому я и похлопотал о нем. Как раз сегодня я получил письмо, в котором меня извещают, что он скоро будет послан сюда.

— Вам очень приятно получить нового помощника, — сказал я.

Но сам я не был в восторге. Мне всегда казалось бессмысленным мешаться в дела природы. И если наука чему-либо научает нас, так именно этому мудрому правилу. Индус может быть прекрасным малым. Таким же может быть и европеец. А смесь из двух этих элементов имеет обыкновенно пороки обоих и ни одной из их добродетелей.

— Да, — сказал Картер. — Мы будем наблюдать за ним. Во всяком случае, это очень интересно.

— Разумеется, интересно, — согласился я. — Но в то же время и опасно. Лучше было бы оставаться ему в Англии.

Синг приехал недели две спустя, и Картер не захотел ложиться спать в эту ночь, чтобы встретить его как можно радушнее. Он всегда был очень добр по отношению к своим помощникам. Так как мне нечего было делать, то я остался посидеть с ним, и мы играли в пикет для развлечения.

Я успел уже дважды проиграться, как вдруг мы услышали грохот подъезжающего экипажа. Когда он остановился у дверей, из него вышел высокий и стройный молодой человек. Он направился к нам, издали протягивая нам ру-

ку, и вообще проявил полное самообладание и умение держать себя.

— Как это любезно с вашей стороны, что вы из-за меня не ложились спать! — сказал он, здороваясь с Картером.

Акцент его делал честь Оксфорду, а манеры у него были даже лучше, чем мы привыкли видеть у питомцев этой академии. Он был, в самом деле, удивительно милый юноша. После обычных представлений я спросил его, с удовольствием ли он проехался.

— О, да! — ответил он. — Только с полупути к нам подсел какой-то бабу и все время курил свою гуку. В сущности, следовало бы иметь для туземцев особые вагоны.

Таково было мое первое знакомство с Джоном Гемфри Сингом. Он оказался очень ценным приобретением для общества нашей маленькой станции. Миссис Удбери сказала мне по секрету, что он самый прелестный «мальчик» из всех, когда-либо виденных ею. Она была женой нашего комиссара и всех молодых помощников постоянно называла «мальчиками». Она была в этом отношении большим знатоком.

Синг отлично ездил верхом, играл в теннис, гольф и бридж не хуже среднего, а танцевал, — как уверяли меня дамы, — прямо божественно. Одевался он всегда по последней моде и в этом отношении затмил всех остальных мужчин балипурского общества. Даже его дорожные чемоданы носили отпечаток настоящего английского путешественника.

Во многих отношениях он был даже больше англичанин, чем большинство из нас. И однажды даже Картеру пришлось пожурить его за его обращение с одним индусским адвокатом.

Синг сам рассказал мне об этом в минуту откровенных излияний.

— Я никак не могу примириться с этими бабу, — сказал он. — Они ужасно непрактичны!

И я помню, как однажды в клубе на собрании он очень энергично протестовал против предложения принять в члены одного индусского судью, который недавно был назначен в соседний с нами округ. Это было просто смешно, если вспомнить, что мы должны были сделать сильную на-

тяжку в наших правилах, когда приняли самого Синга. Наш клуб, подобно многим англо-индусским клубам, был закрыт для «туземцев». Само это слово вовсе неплохо само по себе, но я ненавижу значение, которое обычно придается ему в Индии.

В этом и было начало всех несчастий, — в этом, и еще в мисс Скэнтлинг.

Это было хорошенькое миниатюрное существо с пушистыми волосами и живыми, грациозными манерами, нечто вроде задорной мышки. Она приехала к нам из Калькутты погостить у своей тетушки, миссис Удбери, и, естественно — Синг влюбился в нее, так как она была полной противоположностью ему самому. Это бы еще полбеды, но, к несчастью, и она тоже влюбилась в него или, по крайней мере, ей нравилось воображать себя влюбленной. Разумеется, из этого ничего не могло выйти хорошего, хотя миссис Удбери и поощряла их первое время; но миссис Удбери не отличалась большой мудростью — иначе ведь она и не вышла бы замуж за мистера Удбери!

Старик Скэнтлинг — он был адвокатом или чем-то в этом роде в Калькутте — хотя и отличался широкими взглядами, но тем не менее, ему вовсе не улыбалась перспектива видеть свою дочь женой индуса. А миссис Скэнтлинг прямо-таки пришла в ярость от одной этой мысли. Как только до нее дошли ужасные слухи, почтенная леди моментально отправилась в Балипур.

Через несколько дней она уже увезла домой бедную мисс Лауру Скэнтлинг, которая клялась, что навсегда останется верной своей первой любви.

Синг имел с матерью Лауры свидание, которое оставило неизгладимый след на его душе. После он рассказал мне об этом.

— Она объявила, что предпочла бы видеть Лауру мертвой, нежели замужем за туземцем! — с горечью сообщил он мне. — Неужели и все вы так же думаете обо мне, Дункан? Скажи мне откровенно, черт тебя возьми! Если это действительно так, то я скоро освобожу вас от своего общества!..

— Не говори глупостей, — ответил я. — Ты должен от-

несть снисходительнее к миссис Скэнтлинг. Она хочет, чтобы дочь ее сделала хорошую партию. Ну и, само собой разумеется, что ты не отвечаешь ее видам.

Теперь я понимаю, что я поступил тогда не вполне тактично. Синг долго еще говорил все в том же тоне и даже декламировал монолог Шейлока из «Венецианского купца»: «Разве у еврея нет глаз? Разве у еврея нет рук, органов чувств и самих чувств, разве нет у него привязанностей, страстей? Если вы проколете нас, разве мы не истекаем кровью? И когда вы щекочете нас, разве мы не смеемся? Когда вы отравляете нас, разве мы не умираем?»

Конечно, все это совершенная правда, но что же я мог сделать? Так создан свет. Я утешал его, как умел. Ужасно жаль мне было бедного мальчика.

Как я и ожидал, мисс Скэнтлинг скоро утешилась с поклонником лет на пятнадцать старше нашего Синга.

Как только это стало известно, Синг совсем пришел в отчаяние и день ото дня становился все хуже и хуже. Он оставил Картера и устроился отдельно. Он все еще посещал наш клуб, но вел себя крайне странно. Всегда мрачный и подавленный, он иногда вдруг, ни с того ни с сего, становился страшно шумным и придирчивым. Я подозревал, что он пьет чересчур много. Однажды я даже сказал об этом Картеру. Ведь он был отчасти ответственным за судьбу несчастного юноши.

— Смотрите! — сказал я. — Если вы не будете лучше следить за Сингом, дело может кончиться плохо.

— Я знаю, знаю! — ответил он (в нашем округе, кажется, не могло быть ничего такого, чего бы Картер не знал). — Это ужасно неприятная история. Он все не может забыть.

— Это бы еще полбеды, — проговорил я многозначительно.

— Вы думаете, он пьет? Я сам боюсь этого. Но я не уверен.

— Я тоже не уверен, — ответил я. — Давайте ему побольше работы, чтобы у него оставалось меньше времени на мрачные размышления.

Картер погладил себя по лицу рукой, что он делал всегда, когда был чем-нибудь озадачен.

— Да. Он теперь находится в неуравновешенном состоянии. Это, конечно, естественно. Но я все-таки подумаю, как бы тут помочь горю.

Конец, однако, был ближе, чем думали мы оба. Хотя для Синга и тогда уже, я думаю, не было спасения, но все же я убежден, что в окончательной катастрофе много виноват Герринг. То, что он был тогда пьян, не может считаться оправданием. Герринг очень часто бывал пьян. Он плантатор; рослый, дородный малый довольно вульгарного типа, отличный стрелок, первоклассный игрок в поло и в крикет, но, как мне кажется, довольно посредственный плантатор. А когда он бывает навеселе, что случается довольно часто, тогда он становится страшно заносчивым и неприятным.

Однажды вечером, в клубе, после игры в поло, Герринг практиковался в стрельбе. Он тогда уже вышил больше, чем было бы ему полезно. К несчастью, Синг как раз проходил в курительную комнату и нечаянно задел Герринга за локоть в то время, как тот стрелял. Герринг вспыхнул:

— Смотри, куда идешь, проклятый туземец!

Оскорбление было велико. Я уже сказал, что единственным оправданием Геррингу могло служить то, что он был пьян. Я ждал, что вот-вот произойдет убийство.

Синг, несмотря на свою темную кожу, побледнел так, что даже губы его побелели. Но в нем сказались традиции Оксфорда, и он прекрасно совладал с собой.

— Виноват! — сказал он и вышел.

Герринг, ничуть не подозревая о совершенном им громадном зле, продолжал стрелять.

Я был единственным свидетелем печального инцидента и, если я раньше был более или менее равнодушен к Сингу, в эту минуту я полюбил его. Он показал себя джентльменом. Но я заметил перемену в его лице, значения которой я не мог уяснить себе. Точно открытая раньше дверь внезапно закрылась передо мной. И я не знал, что там делается за дверью. Я чувствовал себя обязанным извинить-

ся перед ним за свою расу.

Я нагнал его, когда он уже вышел из клуба и садился в свой экипаж. Я попросил его довезти меня до дому.

Пока мы ехали по пыльной дороге, я старался разговаривать с ним, но он не отвечал мне. Он, видно, потерял прежнее доверие ко мне и подчеркивал разницу. Напряжение становилось невыносимым, и я не выдержал. Слезая у своих ворот, я обратился к нему:

— Слушай, Синг. Я огорчен гораздо больше, чем ты думаешь, тем, что произошло в бильярдной. Забудь, что сказала эта пьяная скотина. Он и сам не понимал, что говорил.

Синг посмотрел на меня, но в темноте я не мог разглядеть выражения его лица.

— Не суйся в чужие дела, проклятый англичанин! — прошипел он.

Я видел, как он взмахнул хлыстом, и в то время, как он говорил, я вдруг почувствовал на своем лице сильный удар хлыста; в тот же момент его пони рванул и побежал по дороге, оставив меня стоять в изумлении и с едва не вытекшими глазами.

Удар мог быть случайным. Так я подумал, когда немного пришел в себя. Но в словах не могло быть ошибки. Злоба и стыд довели бедного мальчика до безумия. Я легко простил ему. Но я не мог простить его воспитателя, Коля, и долго думал о том, что сказал бы он теперь о своем опыте, если б узнал о его последствиях.

Я не знал, что мне делать. Синг поставил меня в безнадежно фальшивое положение. Я предлагал ему свою симпатию, а он не пожелал принять ее. Конечно, я не мог обижаться на это, но не решился повторить опыт, боясь ухудшить положение дел, и вообще я против вмешательства в дела судьбы. Я никому не рассказывал об инциденте, что было и нетрудно, так как скоро я уехал в отпуск.

Я жил дома, когда до меня дошло известие о самоубийстве Синга. Подробностей никаких. Дело постарались замять, и только впоследствии узнал я всю историю от Картера. Ужасная история!

Это случилось во время большого ежегодного праздника Рат-Джатра, когда колесница Джаггернаута проезжает по улицам, торжественно везома толпой верующих. Это очень древний праздник, и, думается мне, что почитание божества является здесь пережитком более древнего почитания дьявола.

В прежние времена, пока британское правительство не запретило этих ужасов, здоровые живые мужчины и женщины бросались под страшные колеса громадной колесницы в экстазе религиозного рвения. И теперь бывают несчастные случаи. Но теперь они, по крайней мере, считаются несчастными случаями. Кто-нибудь из везущих колесницу спотыкается, падает и, прежде чем удастся вытащить его, громадные колеса уже успеют проехать по его телу и измолоть его. Или же натиск толпы свалит женщину или мальчика и бросит под колесницу, тоже случайно... И тогда бог умиливается и посылает обильную жатву.

В это время Синг, — как Картер рассказал мне, — совершенно отбросил в сторону все свое английское воспитание. Он вернулся к своему родному народу. Стал одеваться, как индус. По отбытии определенных обрядов покаяния, брамины снова приняли его в свою касту, и в праздник Рат-Джатры он помогал тащить колесницу Джаггернаута.

— Он спросил меня, буду ли я иметь что-нибудь против, — сказал Картер. — И что же я мог сказать ему? Да простит мне Бог, я позволил ему. Но разве мог я знать? Я родился в этой стране, мой отец умер здесь, и я работал для нее всю свою жизнь. И тем не менее, я даже приблизительно не могу угадать мыслей ни одного из последних рабочих-туземцев.

Вся эта история ужасно потрясла бедного Картера.

— И все мы также, — сказал я. — Но мы, по крайней мере, знаем, что мы ничего не можем угадать. И это уже кое-что значит.

— Я видел его там, — продолжал Картер, — среди этой кипучей, движущейся толпы, в пыльном пекле залитой солнцем улицы. На шее у него был венок из златоцветов; на лбу блестел белый кастовый знак. Он, напрягаясь, налегал на веревки, за которые они тащили колесницу, и над ним возвышался спиральный шпиг колесницы с непокрытой, разукрашенной серебром и золотом фигурой бога. Лицо его выражало высшую степень экзальтации. Вероятно, бой барабанов и стук трещоток взволновали его индусскую кровь и разожгли ее.

— Он сошел с ума, — сказал я, — наверное, он сошел с ума!

— Все это совершилось в одну секунду, — продолжал дальше Картер, — у меня было страшное предчувствие как раз перед тем, как это произошло. Его глаза встретились с моими. Они сияли торжеством. И вдруг — он поскользнулся. Еще одну секунду я видел его, и потом он исчез. А громадная колесница все ехала дальше, все ехала дальше!

Ничто не могло остановить ее. Она казалась мне олицетворением Неизбежности Рока. Мы нашли его раздавленным, измолотым под ее страшными колесами!

— На мой взгляд, вы не имеете никакого основания обвинять себя, — сказал я после некоторого молчания, в продолжение которого целый вихрь разнородных чувств обуревал мою голову.

— А я все время обвиняю себя, — печально проговорил Картер. — В тот вечер я послал за человеком, который мог знать кое-что, — за их главным священником. Вы помните его?

— Да, — ответил я. — Знал он что-нибудь?

— Я не уверен, не уверен. Вообще, я никогда не бываю уверен в этих людях. Я расспрашивал его, но он все только отнекивался. «Саиб, — сказал он мне, — это судьба. Судьба и боги. Что вам горевать об этом? Вы хотели сделать этого человека вашим, но его боги сильнее даже вас. Видите, он

отдал свою жизнь богам, как отцы его делали прежде него». И что я могу знать об этом? Разве может человек спасти другого человека от богов?

— Разумеется, — сказал я. — Он просто сошел с ума.

Но в это время я думал о Герринге.

Но кто же, однако, ответствен за эту трагедию? Синг или же умершие поколения его предков, или Коль, или Лаура Скэнтлинг, или Герринг, или же, наконец, я сам?

Одни боги знают.

Так-то под колесами колесницы Джаггернаута окончился опыт Коля, и старые туземные боги торжествовали победу.

Генри де Вер Стэкпул

ТАЙНА МОРЯ

Это было в те дни, когда по берегам Великого океана еще росло сандаловое дерево, а не царила, в ущерб ему, кокосовая пальма. Торговое судно «Калюмет», принадлежащее частному владельцу, отправилось в Раратонгу и погибло в огне приблизительно в четырехстах милях от места назначения.

К гибели торгового судна относятся обыкновенно довольно равнодушно. Но авария «Калюмета» взволновала умы. И виной этому была таинственная история, связанная с именем одного из пассажиров, оставшихся в живых, некоего Паризолта, родом канадца.

Пламя вспыхнуло 18 мая 18** года. Один из матросов послушался приказаний и спустился со свечой в ту часть трюма, где хранились лаки. Во мгновение ока огонь охватил весь корабль. Спасательные лодки, к счастью, спустили, но не успели снабдить их достаточным количеством провианта.

Одна из лодок была китовым судном, другая обыкновенной парусной. Последнюю занял Паризолт с двумя полинезийцами, остальные устроились на китовом судне. Затем произошли следующие события: лодки расстались 20 мая. Китовое судно пришло в Раратонгу приблизительно через две недели. Лодка же Паризолта пропадала четыре месяца. Только первого сентября повстречал и подобрал ее фрегат «Альзасиан». Ее нашли со склоненной мачтой, полощущимся парусом, а на дне ее лежал без чувств Паризолт.

В лодке не было ни крошки хлеба и ни капли воды. Полинезийцы исчезли бесследно, а сама лодка находилась всего в каких-нибудь полутора ста милях к югу от места гибели «Калюмета».

Когда лодки расстались, провианта и воды было в каждой не более, чем на десять дней. Хозяин «Калюмета», капитан Галифакс, публично заявил об этом в своем отчете. Все же лодка с Паризолтом отсутствовала четыре месяца, и ее пассажир был жив. Чем же он поддерживал свое существование?

Спасенный и приведенный в чувство, Паризолт забыл все, что произошло с ним со времени гибели судна. Память вернулась к нему только через несколько лет, когда ор-

ганизм его встряхнула сильная болезнь. Поэтому окружающие делали самые разнообразные предположения. Одни уверяли, что Паризолт съел полинезийцев, другие же утверждали, что он все это время прожил на каком-нибудь судне, в свою очередь потерпевшем аварию.

Ни то, ни другое не было верно. Ключ к раскрытию тайны был в самом Паризолте, в его силе и в его слабости.

Вот как было дело.

20 мая расстояние между лодками, спущенными с «Калюмета» было, приблизительно, в одну милю. Затем оно стало увеличиваться. Парус китового судна становился похожим на крыло чайки, потом стал теряться в блеске солнца и моря. У Паризолта был компас, но неважный, и путеводной звездой ему служила первая лодка. Но ход этой последней был гораздо быстрее и, кроме того, она была полна людей, отчаянно борющихся за свое существование. На закате солнца ее все же можно было разглядеть среди волн, на заре же она исчезла, точно унесенная ласкающим бризом. Но Паризолт не знал страха. Море отвечало потребностям его души, жаждавшей приключений. Человек он был образованный. Несмотря на свои восемнадцать лет, он уже был философом и не боялся смерти, зная ее неизбежность.

Кроме того, он твердо верил в свой компас, который, в сущности, никуда не годился.

Но полинезийцы совершенно не надеялись на спасение. Исчезновение китового судна привело их в уныние, там у них были друзья и родственники, и теперь они были уверены, что никогда больше не увидят их.

Младший из полинезийцев давно страдал чахоткой, болезнью, которая проникла в Полинезию вместе с цивилизацией.

Когда китовое судно исчезло из виду, этот несчастный лег на носу лодки и отказался наотрез от пищи. Казалось, он решил умереть. В те времена полинезийцы умели уми-

рать. И в этом случае несчастному человеку пришла на помощь его болезнь. Он умер на третий день вечером.

Паризолт прочел над ним молитву, потом при свете луны тело выбросили за борт. Оно было почти невесомо и поплыло.

Ветер подхватил лодку, а тело точно хотело догнать ее. Но постепенно оно исчезло вдали, и на волнах сверкало только отражение луны. Покойник, казалось, выбился из сил и с отчаянием отказался от попытки догнать товарищей.

Проснувшись на заре, Паризолт увидел, что он один. Его спутник исчез. По всей вероятности, его ум помутился после странной ночи, и он последовал за своим братом. Паризолт отчасти ждал этого. Накануне он заметил в полинезийце признаки безумия и, засыпая, боялся, что ставший мрачным, как туча, туземец убьет его. Не найдя же его утром в лодке, он почувствовал как бы освобождение от надвигавшейся опасности.

В таких случаях, в человеке просыпается животное, заботящееся прежде всего о своем существовании.

Паризолт пересмотрел весь провиант. Для одного человека могло еще хватить на двадцать дней. Теперь Паризолт не сомневался в своем спасении.

Он и раньше не отчаивался, но все же учитывал возможность гибели.

Теперь уж юноша не рассуждал, а просто был твердо уверен, что все будет хорошо.

На заре следующего дня вдали показался остров. В полдень путешественник пристал к берегу. Остров был сказочно прекрасен: ярко-зеленый, пышный, весь точно призрачный, начиная с вершин гор и кончая белой пеной у окружавших его рифов.

Лодку несло по сверкавшей на солнце воде к самому берегу. Когда нос ее уткнулся в береговой песок, ветер затих окончательно. Точно успокоился, сделав свое дело.

Был час прилива, и Паризолт, вытянув лодку на берег, огляделся с приятным ощущением горячего песка под ногами.

Несмотря на красоту природы, остров был неприветлива, точно враждебно настроен против человека, населен

какими-то злыми силами. Нигде не играет такой большой роли Душа Местности, как по берегам Великого океана. Острова его точно населены невидимыми существами, имеющими влияние на психику человека. И таково было впечатление Паризолта.

Он сразу почувствовал, что на острове нет ни одного живого человека, и был прав.

Плотно утвердив лодку на берегу, он начал выгружаться. Провианта оставалось немного, но на острове голодать не придется. Лес и лагуна накормят его. Мешок с остатками хлеба и остальные вещи он снес в лес, скрыв их под слоем листьев у подножия широколиственного дерева. Лодку в былые времена применяли для рыбной ловли. На дне ее были спрятаны удочки, крючки, ножик с наполовину обломанным лезвием, — все это было для него теперь дороже жемчуга. Эти сокровища он оставил в лодке, а сам отправился на поиски пресной воды. Недалеко от берега, среди деревьев он нашел то, что искал.

Лежа вечером около своей лодки, Паризолт любовался заходом солнца. Лагуна казалась золотым зеркалом, и чайки — золотыми птицами, резвящимися в голубовато-сиреневых небесах. Потом небо превратилось в огромную чашу золотого цветка.

Тогда Паризолт улегся под деревом, где лежали его вещи, и заснул, чтобы проснуться на заре с ощущением новой, прекрасной жизни. Как все моряки тех дней, он не расставался с кремнем и мог, поэтому, всегда добыть себе огня и сварить пищу. Но пока он в этом не нуждался. Ему хватало его хлеба и плодов кокосовой и банановой пальмы.

Лес, конечно, изобилует всякой пищей, но пока Паризолт не собирался исследовать эту часть острова. Среди деревьев, вдали от залива, ему становилось не по себе. Точно он был не один, точно за ним следили, точно... Но невозможно передать на словах ощущения враждебности лесов острова, преследовавшие путешественника, как только он пытался углубиться внутрь местности.

Он держался ближе к лагуне. Здесь чувствовалась свобода, и товарищами его были солнце, ветер, море и чайки.

Быстро проходили дни и недели в рыбной ловле, приготовлении пищи, купании и изучении жизни обитателей моря и острова.

Часто выезжал юноша к рифам. Здесь волны чуть-чуть покачивали лодку, и Паризолт лежал в ней, опираясь подбородком на руки. Тут разворачивалась перед ним жизнь лагуны: живые раковины, крабы, пестрые рыбы — вечно новый мир, яркий, молчаливый, таинственный.

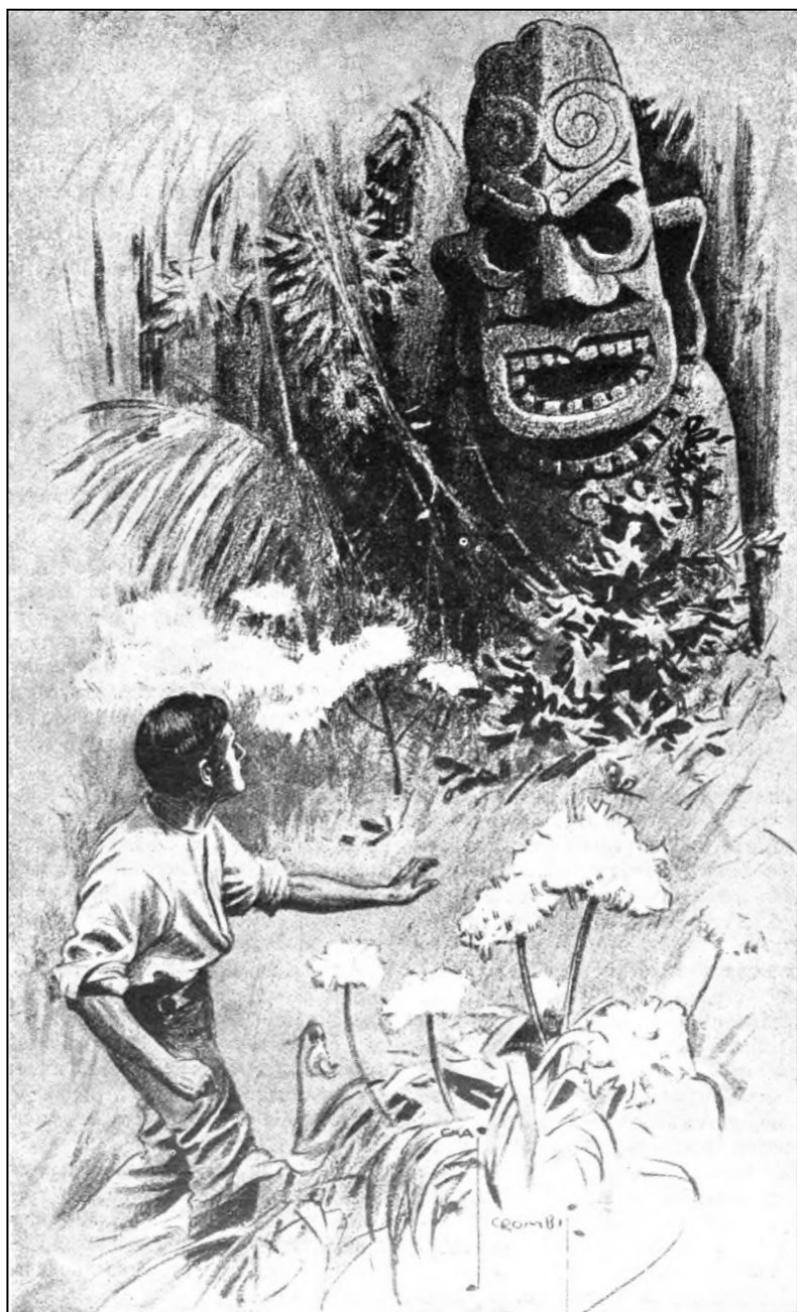
Прошло около трех месяцев, и однажды Паризолт забрел в глубь леса. Монотонная жизнь начинала приедаться и, кроме того, его раздражало чувство жутки, внушаемое ему лесом. Стали попадаться могучие деревья, точно сурово оберегавшие тишину леса. Здесь растения переплетались друг с другом, точно в борьбе за существование. Свисали к земле лианы с точно впившимися в них орхидеями, похожими на гибнущих птиц в роскошном оперении.

Паризолт энергично пробирался вперед. Вот и поляна. Но вдруг молодой человек почувствовал, что он не один: что-то подстерегало его. Это «что-то» не было человеком или зверем, но это было нечто, высеченное из камня.

Перед ним возвышалась фигура идола, одного из тех языческих богов, которые словно оберегают восточные острова Великого океана. Это было каменное изваяние раза в два выше человеческого роста. Лицо было высечено грубо и неумело, глаза запали глубоко под лоб.

Когда-то здесь стоял храм или чья-нибудь гробница; теперь осталась одна фигура идола, слегка наклонившаяся вперед, точно прислушивающаяся к чему то.

Паризолт сразу определил древность изваяния. Все же он не приблизился к нему ни на шаг, не стал рассматривать фигуру. Постоял он у подножия ее каких-нибудь 20 секунд, потом повернулся и пошел обратно. Раз или два он остановился и прислушался, а достигнув залива, облегченно вздохнул. Точно человек, вырвавшийся из мрака на солнечный свет. Потом занялся каким-то делом и забыл на некоторое время о лесном чудовище.

После ужина, лежа на песке и разбирая пестрые раковины, он вдруг услышал в шуме волн новые звуки. Волны по-прежнему плакали и стонали у рифов, но оставаться равнодушным к этому Паризолт больше не мог. Одиночество делало свое дело, нервы слабели.

Оставив раковины, он выехал на лодке в залив и забросил удочку. Теперь ропот волн уже не волновал его. В лодке было так спокойно и уютно. Но мысль о возвращении на берег претила ему. В лодке он чувствовал себя свободным и независимым.

Он направил лодку к берегу, и неприятное состояние тотчас же снова охватило его. На берегу лодка по-прежнему осталась в кустах, а сам юноша сел на пне, чтобы полюбоваться закатом. Когда же настала ночь, Паризолт почувствовал, что лишен своей обычной постели. Он спал всегда под деревом. Но ведь это дерево было началом леса, а в лесу скрывалось «то»...

Он укрылся в лодке среди кустов. Взошла луна и залила серебром лагуну, ночной ветерок шевелил кустарником, а Паризолт прислушивался.

Ночь была полна шумов — гудело море у рифов, шумел ветер в лесу, всплескивала рыба у самой лодки. Юноша даже вскочил в испуге, но, увидев расходящиеся по воде круги, лег снова и постарался ни о чем не думать.

В первый раз в жизни испытывал страх. Он обливался потом, представляя себе, что кто-то стоит в кустах около лодки, и большая рука потянется сейчас за ним.

Несколько минут продолжалось это мучение. Потом он с лихорадочной быстротой отвязал лодку и выехал в залив.

Вот он, восторг освобождения! Теперь нечего было бояться. Паризолт был прежним бесстрашным человеком. Ни за что на свете не пристанет он к берегу до утра!

Так прошла бессонная ночь, и солнце разогнало ужасы мрака.

Утром юноша снова втащил лодку в кусты и, не чувствуя аппетита, лег и заснул.

Проснулся он в полдень. Голодный, вылез из лодки и, направившись к тому месту, где всегда раскладывал костер,

зажарил одну из пойманных в бессонную ночь рыб. Движения его были торопливы и неровны, как у ненормального человека. Ковш для вычерпывания воды из лодки лежал на берегу. Он наполнил его водой у ручья и вернулся с ним в лодку, весь потный, точно после тяжелого труда. «Надо собрать все вещи и снести их в лодку», — с трудом сообщал он. Мешок с сухарями был еще полон: здесь он к нему почти не прикасался.

Но солнце склонялось на запад. Скоро стемнеет, и теперь он уже знал, что с темной придет ужас.

Нагружая лодку, он чувствовал ненависть к острову, к заливу и рифам. Он хотел свободы, хотя бы той свободы, которая была уделом разбивающихся у рифов волн.

Он окончательно уезжал с острова.

Час тому назад Паризолт еще не знал этого. Он сначала решил жить в лодке, изредка отправляясь в лес за водой. Но беспокойное чувство разрасталось с поразительной быстротой, и теперь он бежал с острова.

Ветер надувал парус. Мягко скользила лодка по воде. Подобно чайке, вылетела она из залива в спокойно расстилавшееся море. Подобно чайке, затрепетала в лучах солнца и исчезла во мраке ночи. А остров остался во власти безглазого существа, одного из тех, которые стерегут заброшенные уголки земли.

Точно чайку с надломленным крылом, подобрал лодку спустя три недели «Альзасиан». В ней лежал Паризолт, черный и высохший, как выветренное дерево, тихо покачиваемый волнами...

Уильям Хоуп Ходжсон

МОРСКОЙ КОНЬ

«В морской глубине мчатся кони;
Их хвосты длинны и мощны.
Гей-гей! Гей-гей!»

I

— Как же ты поймал его, деда? — спросил Небби. В течение недели он задавал этот вопрос каждый раз, когда слышал, что старик напевает старую балладу о морских конях, впрочем, неизменно обрывая пение после первого же куплета.

— Кажется, конь-то был слабоват, Небби; я хватил его топором раньше, чем он успел уплыть, — ответил дед. Он выдумывал с неподражаемой серьезностью и спокойствием.

Небби соскочил со своей удивительной лошадки-палочки, просто вытянув ее из-под себя, осмотрел ее странную голову, похожую на единорога и, наконец, показал пальчи-

ком на то место зубчатой шеи своей игрушки, с которого соскочила краска.

— Ты здесь ударил его, деда? — спросил ребенок.

— Да, да, — ответил дед Закки, взяв лошадку и разглядывая контуженное место. — Да, я здорово ударил его!

— И конь умер, деда? — спросил мальчик.

— Гм! — ответил старик, ощупывая всю лошадку. — Не умер и не жив, — сказал он. Он открыл искусно сделанный подвижной рот коня, посмотрел на его зубы из косточек, потом погладил пальцем по шее морского чудовища. — Да, — повторил старик, — конь ни жив, ни мертв, Небби. Смотри, никогда не пускай его в воду; пожалуй, он там оживет, и тогда прощайся с ним!

Может быть, «старый водолаз Закки», как его звали в соседней деревне, боялся, что вода не окажется полезной для клея, которым он приклеил большой берестяной хвост, по своему выражению, к «корме» удивительного животного.

Туловище лошади он вырубил из большого четырехфутового куска мягкой желтой сосны и прикрепил к нему упомянутый хвост. Ведь это был настоящий «морской конь», выловленный им на дне моря.

Долго пришлось ему работать над своим произведением; он делал его на водолазной барке во время отдыха, и это создание было плодом его собственного богатого воображения и доверия Небби. Дело в том, что Закки ежедневно придумывал бесконечные и удивительные истории о том, что он видел на дне моря, но изо всего, что сочинял старик, Небби больше всего любил удивительные рассказы о диких, неукротимых морских конях. Началось с того, что Закки бросил о них случайное замечание, основанное на отрывке старой баллады, а потом сам придумал еще несколько подробностей

Расспросы Небби подсказывали ему много нового и скоро повествования водолаза о морских конях стали занимать долгие зимние вечера. Ему постоянно приходилось вспоминать все с самого начала, с того первого раза, когда он увидел коня, который пощипывал морскую траву, и кончать

встречей с маленькой дочкой Марты Теллет, мчавшейся на морской лошадке.

После этого к рассказу о конях стали примешиваться все дети, которые отправлялись из деревни по длинной-длинной дороге на кладбище.

— А я буду ездить на морских конях, деда, когда умру? — однажды серьезно спросил Небби.

— Да, да, — рассеянно ответил Закки, покуривая трубку.

— А может быть, я скоро умру, деда? — с горящими глазками снова спросил Небби. — Ведь многие маленькие мальчики умирают. Правда?

— Молчи, молчи, — сказал дед, внезапно поняв, о чем говорит ребенок.

И вот, после того, как Небби много раз выказал желание умереть, чтобы кататься на морских конях и скакать на них кругом своего деда, пока он работает на дне моря, Закки придумал лучший выход из затруднения.

— погоди, Небби, я достану тебе морского коня, наверно достану, — сказал он как-то. — И ты будешь ездить на нем по всей кухне.

Предложение старика понравилось мальчику, и он перестал жаждать смерти.

Целый месяц Небби встречал старого Закки вопросом, поймал ли он коня или нет.

А Закки усердно работал над четырехфутовым куском желтой сосны. Он вырубал коня, руководствуясь собственными предположениями насчет внешнего вида морских лошадей, придавая своему произведению маленькое сходство с рыбкой морским коньком и делая добавления, которые внук подсказывал ему своими вопросами: «Что за хвосты у морских коней? Такие ли, как у настоящих лошадей или как у рыб? Есть ли у них подковы? Кусаются ли они?»

Небби особенно интересовался этими тремя пунктами. Вот почему дед снабдил странное создание своих рук настоящими костяными зубами и подвижной челюстью, двумя неуклюжими ногами и закрученным хвостом,

Наконец, лошадь была окончена, и последний слой краски на ней высох, стал тверд и гладок. В этот вечер, побежав

навстречу деду, мальчик еще издали услышал голос Закки.

— Гей, гей! гей, конек! — кричал он и щелкал кнутиком.

Небби пронзительно крикнул и в безумном восторге кинулся ему навстречу. Он понял, что дед, наконец, поймал-таки морского коня. Очевидно, животное было непослушно. Подбежав к деду, Небби увидел, что старик откинулся назад, натянув поводья узды, которые, как Небби смутно разглядел в темноте, были привязаны к морде какого-то черного чудовища.

— Стой, стой, — кричал дед и размахивал в воздухе кнутиком.

— Поймал! Поймал, деда?

— Да, — ответил старик, очевидно, уставший от борьбы с конем. — погоди, теперь он будет смирный. Возьми. — И старик передал поводья и кнутик взволнованному и даже отчасти, напуганному внуку. — Тише, тише! Погладь его.

Небби дотронулся до лошади и нервно отдернул руку.

— Да ведь конь-то мокрый! — вскрикнул он.

— Да, — ответил дед, стараясь скрыть свое торжество. — Он прямо из воды.

И действительно, «деда» сделал последнее художественное усилие — окунул лошадь в воду.

Вынув из кармана платок, Закки вытер коня и при этом слегка шипел, точно успокаивая его.

Через несколько минут Небби уже сидел на своей лошадке-палочке, размахивая плеткой, и кричал:

— Вперед! Гей-гей!

Дед стоял в темноте и смеялся счастливым смехом, потом вынул трубку, набил ее и, покуривая, громко запел:

«В морской глубине мчатся кони...»

II

Прошло несколько дней; раз вечером Небби, встретив старого Закки, торопливо спросил его:

— А ты не видал, деда, маленькой дочки Джен Мелли? Ездит она на морских конях?

— Да,— рассеянно ответил дед. Потом, вдруг поняв, что значил этот вопрос, прибавил:

— А что же случилось с дочерью миссис Мелли?

— Умерла, — спокойно ответил Небби. — Миссис Кей говорит, что в деревне опять начала свирепствовать лихорадка.

Небби говорил весело; за несколько месяцев перед тем в деревне был повальный тиф, и тогда Закки взял внука с собой на барку, чтобы спасти его от заразы. Мальчик наслаждался жизнью на море и, молясь Богу, часто просил Его послать в деревню болезнь: ему так хотелось снова очутиться на водолазной барке.

— И мы будем жить на море, деда? — спросил он, шагая подле старика.

— Может быть, может быть, — ответил старый Закки, и в его голосе прозвучала тревога.

Дед оставил Небби в кухне, а сам пошел в деревню за сведениями; когда же он вернулся, то упаковал платье Небби и его игрушки в начисто выстиранный холщовый мешок из-под сахара и на следующий же день отвел внука на барку. Всю дорогу Небби скакал на своей морской лошади. Он даже смело проехал па ней по узкому переходному мостку; правда, старик шел позади его, готовясь поддержать в случае нужды, но мальчик не видал признаков заботливости деда и не знал, что ему могла грозить опасность.

Нед, состоявший при насосе, и Бинни, смотревший за воздухопроводной трубкой и сигнальной веревкой, радостно встретили мальчика.

Жизнь на водолазной барке нравилась Небби; «деда» тоже наслаждался присутствием внука; были довольны и его помощники. Ребенок принес к ним образ их собственного детства. Только <одно> беспокоило Неда и Бинни: Небби то и дело забывался и ездил на своем морском коне через воздухопроводную трубку.

Нед серьезно говорил по этому поводу с Небби, и мальчик обещал помнить его слова, но скоро позабыл о них. Бар-

ку вывели на мель и бросили якорь рядом с буйком, который служил границей подводных работ деда. Стояла прекрасная погода, и водолаз решил оставить барку на этом месте, пока море не «испортится». В таких случаях, на берег за провизией посылали тузик.

Жизнь на воде казалась Небби праздником. Когда мальчик не катался на своем коне, он или разговаривал с Недом и Бинни, или стоял подле лестницы, ожидая, чтобы медный шлем деда вынырнул из воды, а воздухопроводную трубку и сигнальную веревку осторожно вытянули на палубу. Иногда Небби распевал балладу о морских конях и при этом пристально всматривался в воду. Казалось, мальчик считал эту песню чем-то вроде заклинания, которое могло вызвать морских лошадей на поверхность.

Каждый раз, когда тузик возвращался с берега, приходили печальные вести о том, что тот или другой отправились по «длинной дороге»; Небби больше всего интересовали дети. Едва дед выходил из-под воды, Небби принимался нетерпеливо суетиться около него, ожидая, чтобы Нед отвинтил его громадный шлем. И тогда раздавался неизбежный вопрос: видел ли деда маленькую дочку Андрию? Или сына Марти? Катались они на морских конях?

— Конечно, — отвечал дед и каждый раз глубоко взды-
хал, понимая, что названный ребенок умер и об этом узна-
ли на барке, пока он был на дне.

III

— Смотри, Небби! — сердито крикнул Нед. — Смотри, если ты еще раз наступишь на трубку, я изрублю твою лошадь на растопку!

Действительно, Небби опять забылся. Хотя, вообще, он хорошо относился к замечаниям Неда, но теперь остановился и сердитыми, пылающими глазами посмотрел на него. Намек на то, что его морской конь деревянный, глубоко огорчил мальчика. Он никогда не допускал подобной ужасной мысли, — даже и после того, как однажды, во время отчаянной скачки, морской конь натолкнулся носом на борт барки и с его морды соскочил кусок краски, обнаружив безжалостное дерево.

Небби просто воздерживался смотреть на пораненное место; свежее воображение ребенка помогло ему считать, что все осталось по-прежнему и что он, действительно, ездил на настоящем морском коне. Небби даже не попросил деда поправить беду. Закки всегда чинил его игрушки, но «этого» починить было нельзя.

А теперь Нед сказал ужасную вещь, сказал так прямо, так ясно! Небби дрожал от злобы и жестокой обиды. Он стоял и придумывал, как бы поскорее отомстить Неду за это жестокое оскорбление. Вдруг мальчик увидел воздухопроводную трубку, из-за которой все вышло. Да, он может взбесить Неда. Небби повернул своего коня и помчался к трубке. Со злобной умышленностью он остановился на ней и стал бить по проводнику воздуха большими передними ногами своего странного чудовища.

— Ах, ты — чертенок! — проревел Нед, не веря собственным глазам. — Чертенок!

Небби продолжал бить ногами лошади по трубке, бро-

сая на Неда вызывающие и свирепые взгляды. Терпение Неда истощилось; он толкнул ногой морского коня, тот пролетел через всю барку и с силой ударился о ее борт; Небби взвизгнул, но скорее от невероятного раздражения, чем от страха.

— Я брошу эту дрянь в море! — сказал Нед и побежал, чтобы выполнить страшное святотатство. В следующее мгновение что-то вцепилось в его правую ногу, и маленькие, очень острые зубы впились в его голую икру под закрученными панталонами. Нед вскрикнул и грузно опустился на палубу.

Между тем, Небби уже рассматривал черное чудовище, о котором он грезил днем и ночью. Стоя на коленях, он с горем и с гневом увидел повреждения, причиненные ударом Неда. Ведь на голых ногах преступника были башмаки с гвоздями! Нед стонал, но Небби не жалел его. Досада и раздражение мешали ему жалеть своего врага. Он даже желал Неду смерти.

Бинни тоже бранился. Он кинулся к воздушной трубке (это было счастливо для старика Закки) и стал работать поршнем, громко жалуясь на небрежность своего товарища. Его воркотня достигла слуха Неда, который вспомнил о своих обязанностях и ужаснулся; ведь он совершил самое великое преступление помощника водолаза — бросил нагнетательный насос!

Стоя за работой, Нед одной рукой двигал поршень, а другой ощупывал следы от зубов мальчика. Кожа была еле повреждена, но раздражение Неда все еще не улеглось. Вот Бинни начал осторожно вытягивать веревку и воздушную трубку, старый Закки медленно поднимался по длинной веревочной лестнице.

Водолазу захотелось узнать, что случилось и почему в первый раз в жизни доступ воздуха к нему прекратился. Ему объяснили...

Дед схватил Небби и ударил его своей мокрой мозолистой рукой. Ребенок не заплакал и ничего не сказал; он только крепче прижал к себе свою морскую лошадь. Дед бранился; Небби все молчал. Старик переоделся и снова подо-

шел к внуку.

Лицо Небби было очень бледно; в его глазах стояли слезы, но это нисколько не смягчало взгляда, которым он смотрел на деда и на все кругом. Закки в свою очередь посмотрел на мальчика, посмотрел на морскую лошадь и придумал средство заставить Небби смириться. Он должен пойти и попросить прощения у Неда за то, что хотел его съесть (дед постарался подавить улыбку). Если он не сделает этого, у него отнимут морского коня.

Но Небби не двинулся с места, и в его синих глазах заблестело еще большее раздражение, и слезы высохли в них. Дед задумался; скоро новая мысль родилась в его голове. Хорошо, он отнесет морского коня обратно, на дно моря; он там оживет, уплывет. Если Небби не попросит прощения у Неда, он никогда больше не увидит своего любимца. Голос Закки звучал грозно.

В синих глазах мальчика промелькнул оттенок испуга, но сейчас же исчез. Он не поверил деду. Во всяком случае, Небби не сошел с трона своего безграничного гнева. С диким мужеством поджигателя кораблей мальчик решил, что, если дед действительно сделает такую ужасную вещь, он, Небби, станет на колени и попросит Господа Бога убить Неда. В маленькой детской душе разгорелось желание мести. Да, он станет на колени подле Неда и будет громко молиться Богу, чтобы Нед заранее знал о близости своей гибели.

— Конь деревянный, — сказал Небби, глядя на деда с горьким и болезненным торжеством. — Он не может ожить!

И в приступе разочарования Небби зарыдал, вырвался из слабо державшей его руки деда, побежал на корму, спрятался в каюту, залез под лавку. Он не вышел к обеду и долго, упорно молчал.

После обеда он выполз на палубу, заплаканный, но непоколебимый. С ним был и морской конь. Взрослые смотрели на него и видели, что мальчик принял какое-то решение.

— Небби, — сурово сказал Закки, — пойди и сейчас же попроси прощения у Неда, не то я унесу с собой морского коня, и ты никогда больше его не увидишь... И другого не принесу.

Небби молчал и но двигался.

Это повторялось много раз. Небби не мог отделаться от негодования; он не спускал глаз с того места своего чудовища, с которого башмак Неда сбил краску.

— Нед злой, гадкий, — вдруг сказал Небби в новом приливе злобы.

— Молчи! — крикнул по-настоящему рассерженный дед. — Ты мог поправить дело, а теперь я дам тебе хороший урок.

Он поднялся, вырвал морского коня из рук внука и подошел к веревочной лестнице. Скоро дед снова превратился в чудовище, закрытое резиновым покровом, с куполообразным шлемом на голове. Медленно и с торжественностью, подобающей ужасной казни, дед намотал бечевку на шею морского коня и подошел к борту барки, держа его под мышкой. Он начал спускаться по ступеням веревочной лестницы; вот над водой остались только его плечи и медный шлем. Небби с мукой в глазах смотрел на них. Морской конь смутно рисовался в воде, и мальчику казалось, что это черное существо колеблется. Конечно, конь уйдет. Потом плечи и, наконец, и большая медная голова исчезли, и только лестница слегка подергивалась да трубка надувалась, говоря, что кто-то двигался там далеко-далеко в полутемной воде. От деда Небби знал, что на дне моря «всегда вечер».

Ребенок всхлипнул раза два, но без слез, и около полутора часа пролежал ничком, глядя вниз. Несколько раз он видел, как что-то темное проплыло, быстро и странно пошевеливая хвостом. И Небби начал тихонько напевать:

«В морской глубине мчатся дикие кони...»

Но призыв не подействовал, не вызвал морского коня на поверхность, и, пропев куплет раз двенадцать, Небби замолчал. Теперь он ждал деда. В нем зародилась одна смутная надежда и все росла, росла. Может быть, дед привяжет коня, и он не уйдет? И, может быть, дед принесет его с собой, когда вернется? Небби чувствовал, что он охотно, охотно попросит прощения у Неда, если только дед опять принесет с собой его дорогое сокровище.

Закки дал сигнал; он начал подниматься; Небби дрожал, наблюдая за тем, как воздухоносная трубка и сигналь-

ная веревка наворачивались на свои катушки. Вот и большой купол шлема неопределенно наметился в воде; скоро он показался над поверхностью; вот вышли и громадные плечи водолаза и... Небби увидел, что у деда не было ничего в руках. Мальчик смертельно побледнел. Деда, действительно, отпустил морского копя!

На самом же деле Закки привязал игрушку к одному из толстых стволов морских трав на дне моря, чтобы конь предательски не всплыл на поверхность.

Бинни снял с деда его водолазный костюм, а Небби повернулся к Неду с бледным, как мел, лицом, на котором его синие глаза положительно горели. В то же мгновение Закки сказал Бинни:

— Да, я накрепко привязал коня.

И гнев Небби внезапно упал под наплывом одной сладкой надежды. Он подбежал к Закки.

— Он ожил, деда? — спросил мальчик, задыхаясь, и на его личике выразилось ожидание.

— Ну да, — с напускной суровостью ответил Закки. — Ты потерял его. Он все плавает да плавает кругом.

Глаза Небби загорелись; новая идея в его детском уме приняла совершенно определенную форму. Дед смотрел на внука притворно суровыми глазами и поражался, до чего мало подействовали на мальчика, как он предполагал, уничтожающие известия об окончательной потере морского коня. Небби ни одним словом не обмолвился деду о планах, которые рисовались в его смелой детской головке. Раза два он открывал было губы, чтобы задать ему несколько вопросов, потом снова замыкался в молчании, инстинктивно понимая, что неосторожные слова могут пробудить подозрения в деде. Небби снова подкрался к борту барки, лег ничком и стал смотреть в воду. Его гнев почти совершенно исчез под наплывом новой чудной идеи. Он хотел просить Бога поскорее убить Неда, но теперь все изменилось, хотя, конечно, в своей дикой душе мальчик не простил виновного. Конечно, он никогда, никогда не простит Неда, будет помнить о его грехе «веки вечные», пожалуй, до следующего

дня. Но как удивится этот преступный Нед, когда он снова увидит коня!

Понятно, не в такую форму отливались мысли Небби; но все это смутно мелькало в его детском уме.

В этот день дед еще дважды спускался под воду, и каждый раз, когда он приходил обратно, Небби расспрашивал его о том, что делает морской конь, а Закки притворно суровым тоном рассказывал внуку, что конь все плавает и ныряет, и предлагал ребенку просить прощения у Неда.

IV

В эту ночь, когда трос взрослых заснули в маленькой кормовой каюте, Небби выскользнул из своей койки и быстро взбежал по лестнице. Он остановился на палубе, там, где висел водолазный костюм деда, и тихонько, осторожно достал громадный медный шлем, поблескивающий в слабом свете звезд. Обеими руками, с трудом и неловко потащил он его по доскам палубы; воздухоносная трубка развертывалась вслед за ним. Шлем был слишком неуклюж и его трудно было надеть на курчавую головку. После нескольких неудачных попыток мальчик положил его набок, сам стал на колени, пригнулся к доскам и всунул в него головку, потом с большими усилиями поднялся на ноги и начал пятиться по направлению к поднятой из воды лестнице деда. Ему удалось ступить на перекладину левой, потом правой ногой. Медленно и с трудом спускался мальчик. Правда, босая ножка ребенка коснулась воды на четвертой перекладине. Небби остановился, но через секунду спустил и вторую. Вода была теплая, приятная, и Небби недолго колебался. Еще перекладина, золотоволосый ребенок снова остановился и постарался заглянуть в воду. От этого движения громадный шлем покачнулся назад, маленький носик Небби ударился о его край, из решительных глаз полились слезы; держась правой рукой за лестницу, Небби попробовал левой поправить шлем.

Он стоял по колено в воде, а перекладина, на которой держались его ноги, была скользкая, осклизшая... Одна из ножек ребенка соскользнула с нее, потом и другая. Громадный шлем страшно покачнулся, ударил его, и рука Небби выпустила веревку. Послышался заглушенный крик. Маленькая рука отчаянно взмахнула, но было уже поздно: Небби падал... Всплеск не сильный; никто не услышал его, никто не заметил. И вот через мгновение на воде осталась только легкая рябь да воздушные пузыри. Трубка бесшумно и быстро скользила, поворачивая свою громадную деревянную катушку.

V

Рано утром дед узнал о несчастье. Он проснулся и хотел набить трубку, и в эту минуту увидел, что койка Небби пуста. Закки быстро поднялся на палубу по маленькой лестнице. Развернувшаяся трубка молчаливо сказала ему все. Закки страшно закричал; полусонные Нед и Бинни прибежали в нему. Они вытянули на палубу воздушную трубку, но, когда большой шлем очутился в их руках, в нем не было Небби; только несколько золотистых волосков запутались около винтов...

Дрожащими руками надевал на себя дед свой каучуковый костюм; Бинни и Нед молчаливо помогали ему; секунд через сто он уже бродил по дну спокойного моря. Нед работал с насосом и, не скрывая, время от времени вытирал глаза обратной стороной своей свободной волосатой руки.

Бинни, человек более суровый, но с таким же мягким сердцем, молчал, устремив все свое внимание на воздухоносную трубку и сигнальную веревку; его рука нежно держала веревку, ожидая условленного знака. По движениям же трубки он мог сказать, что старый Закки бродит по морскому дну, делая все расширяющиеся круги.

Весь этот день Закки то и дело спускался на дно, и каждый раз оставался под водой так долго, что, наконец, Бин-

ни и Нед стали протестовать. Старик обернулся к ним, и из его губ вырвался такой нечленораздельный вопль, полный муки и гнева, что они замолчали.

Три дня дед искал тело внука; море было тихо, но он ничего не нашел. На четвертый Закки пришлось отвести барку на мель, потому что поднялся свежий северный ветер; волнение не прекращалось две недели. Все эти дни старик, Бинни и Нед бродили по берегу, отыскивая «выкинутое морем». Но море, в силу одной из своих тайных прихотей, не принесло на отмель золотоволосого мальчика.

Погода снова стихла; барка вышла на обычную работу. Теперь не стоило искать Небби. Барку остановили опять на старом месте; Закки сошел под воду. И вот, в сером полусвете подводного царства, он прежде всего увидел морского коня, все еще крепко привязанного к толстому растению.

Это было ужасно для Закки. Игрушка так напоминала ему Небби, что старику бессознательно показалось, будто мальчик где-нибудь вблизи; вместе с тем, смешное и уродливое неодушевленное создание послужило для него наглядным воплощением невыразимого одиночества и печали, охвативших его старое сердце. Через толстое стекло своего шлема он со злобой посмотрел на игрушку и уже замахнулся над ней своим топором; но в нем совершилась внезапная перемена; он наклонился, привлек к себе молчаливую палочку-лошадку и стал, как безумный, баюкать ее, точно это была не деревяшка, а его мальчик...

Шли дни; старый Закки стал спокойнее и покорнее судьбе; но он не отвязывал морского коня, который покачивался там, в полусумраке воды, прикрепленный к морской траве. С каждым днем Закки все усерднее искал чего-то кругом игрушки, и эти поиски постепенно начали ему казаться менее неблагоприятным и бесцельным занятием.

Прошли недели; привычка искать чего-то вокруг морского коня так вкоренилась в старика, что он стал это делать машинально. Закки подолгу оставался под водой, и это причиняло ущерб его здоровью. Когда Нед и Бинни упрекали старика за неблагоприятие, уговаривали его не оставаться так долго на дне моря, говоря, что в противном слу-

чае он поплатится за такую неосторожность, как все безумцы, — он отвечал им тупым рассеянным взглядом.

Только раз старый Закки дал им короткое объяснение; вернее, оно невольно вырвалось у него под влиянием силы его глубокого чувства:

— Я точно ближе к нему там, внизу, — бессвязно пробормотал он. И оба его помощника поняли; они уже и раньше смутно предполагали именно это.

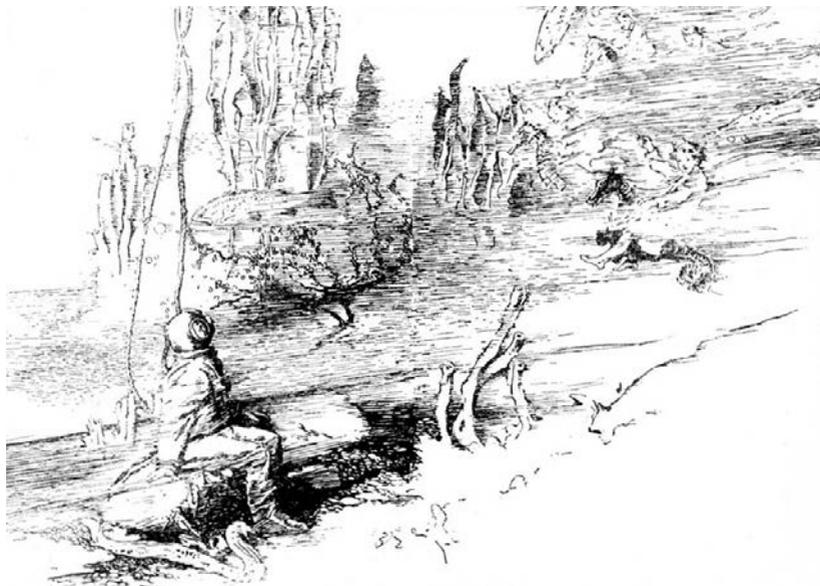
Каждое утро, опускаясь на дно, Закки останавливался подле морского коня и прежде всего внимательно осматривал его со всех сторон. Раз он открыл, что хвост чудовища отклеился, но с помощью бечевки он тотчас же поправил беду. Иногда водолаз поглаживал голову коня своей громадной рукой и, видя, что игрушка покачивается от его прикосновения, бессознательно приговаривал про себя: «Гей, гей, конек!» По временам, когда он в своем неуклюжем костюме проходил мимо бывшего любимца Небби, конь начинал странно двигаться, и старик замирал на месте, напрягая свой слух, стараясь уловить что-нибудь в вечно безмолвной глубине...

Так прошло месяца два; Закки смутно чувствовал, что его здоровье разрушается, но это не встревожило старика; в нем зашевелилась приятная, хотя и неопределенная мысль, что, может быть, он скоро увидит Небби. Эта мысль была расплывчатая, не отливалась в форму слов, однако, действовала на настроение старого деда и успокаивала его сердце. Раз, работая под водой, он тихо и бессознательно замурлыкал старую балладу о морских конях, сам удивился этому и тотчас же замолчал.

В этот день Закки раза четыре поймал себя на том же и тотчас же умолкал. Сперва ему делалось больно при воспоминании, которое вызывала старая песня; наконец, позабыв обо всем, он начал внимательно прислушиваться. Странная вещь: старому Закки показалось, что до него донесся напев баллады откуда-то извне, из водного полусумрака. Он повернулся, дрожа, и стал смотреть в сторону морского коня. Но там все было по-прежнему.

Это повторялось еще раз, два.

Вечерело. Вот старик снова услышал пение, но отказался поверить своим ушам и продолжал мрачно работать. Однако, скоро всякие сомнения исчезли: где-то в сером сумраке позади него пел пронзительный, нежный голосок. Закки слышал песню, слышал с поразительной ясностью, несмотря на свой шлем и окружающую его воду. Сильно дрожа, он повернулся...

Старик смотрел в серый сумрак, смотрел, почти не моргая. Казалось, звуки шли из темноты, собравшейся за маленькой зарослью подводных растений.

Странно: кругом Закки все почернело, все утонуло в мрачной и страшной темноте. Это прошло, и водолаз снова стал видеть, но как-то «по-новому». Светлый детский голосок замолк, но теперь рядом с морском конем мелькала маленькая, быстрая фигурка, и от ее прикосновения деревянная лошадь качалась и прыгала. Еще секунда — и детская фигура очутилась на морском коне, а сам конь освободился. Две детские ножки били его в бока, направляя в сторону Закки.

Закки представилось, будто он поднялся и побежал навстречу Небби, но мальчик повернул своего бойкого коня и, гарцуя, принялся описывать круги около деда, а сам громко, радостно пел:

«В морской глубине мчатся дикие кони...»

Голосок звучал весело; Закки почувствовал себя совсем молодым и безумно счастливым.

VI

На палубе барки Нед и Бинни беспокоились. К вечеру погода стала портиться; налетел страшный черный шквал.

Бинни несколько раз пытался дать Закки сигнал подняться со дна, но старик обвел веревку кругом выступа скалы, поднимавшейся на дне, и потому Бинни не мог ничего сделать; вдобавок, на палубе не было второго водолазного костюма. Оставалось только ждать, ждать в жестокой тревоге, работать насосом и бесполезно ожидать условного сигнала.

В это время старый Закки спокойно сидел, угнездившись во впадине скалы, выступ которой он окружил веревкой, чтобы Бинни не давал ему сигналов. Старик не двигался... Нед работал без пользы, и в серой глубине непрерывная серия пузырьков воздуха выходила из громадного медного шлема.

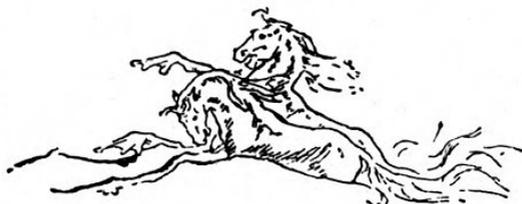
Налетел шквал с дымкой дождя и пены, и старое безобразное судно закачалось, натягивая якорный канат, который вдруг треснул с легким звуком, затерявшимся среди рева непогоды. Ветер понес старую барку, понес с изумительной быстротой, и сигнальная веревка, а также воздушная трубка быстро выпрямлялись, убегая с громадных деревянных катушек; через несколько минут катушки лопнули, и их треск ясно прозвучал среди мгновенного затишья бури.

Бинни прошел было вперед, стараясь бросить новый якорь, но теперь опять с криком побежал назад. Нед все еще машинально работал насосом; в его глазах стояло выраже-

ние тупого, каменного ужаса, а помпа выгоняла бесполезную струю из разорванной трубки. Барка уже была на четверть мили от водолазного участка, и Бинни с Недом осталось только поставить парус и попытаться снова благополучно провести ее через песчаную мель.

В глубине моря старый Закки изменил положение — это случилось от толчка воздушной трубки; но дед был очень доволен, не только в данную минуту, а как, бывало, говорил Небби, доволен на «веки вечные».

Над мертвым стариком мчались и метались волны с белыми гребнями, точно дикие, ожесточенные белогривые морские лошади, восхищенные торжественностью бури, и яростно подкидывали деревянную палочку-лошадку, за которой тянулась длинная разорванная бечевка...

ИСТОЧНИКИ

У. Фриман. Заклятый дом. Пер. З. Ж<уравской>. // *Всемирная панорама*. 1915. № 345/48, 27 ноября. Ориг. загл. «Duvernay's Bargain».

К. Герульд. Тени будущего. Пер. А. Ф. // *Иллюстрированная Россия* (Париж). 1931. № 4 (297), 17 января.

[Б. п.]. Портрет. Пер. Самойловой // *Всемирная панорама*. 1912. № 172/31, 3 августа.

Д. Ропш. Странный случай д-ра Овернье // *Для Вас* (Рига). 1934. № 44, 27 октября.

П. Милль. Роковая бонбоньерка. Пер. Т. Ш. // *Синий журнал*. 1913. № 30, 29 июля.

П. Милль. Аромат. Пер. И. Мандельштама // *Милль П. Мамонт: Рассказы*. М.-Л., 1926.

П. Милль. Дух Байрона. Пер. И. Мандельштама // *Милль П. Мамонт: Рассказы*. М.-Л., 1926.

М. Боуэн. Ключ. Пер. В. В. // *Синий журнал*. 1917. № 8, 18 февраля.

П. Вьеру. Ужасная месть. Пер. С. Т. // *Синий журнал*. 1913. № 25, 21 июня.

М. Говард. Кошмар // *Мир приключений*. 1911. № 11.

Ж. Сезанн. Последняя ночь // *Синий журнал*. 1912. № 35, 24 августа.

П. Лоти. Говядина // *Кинематограф: Еженедельный иллюстрированный журнал тайн и ужасов*. 1910. № 11.

[Б. п.]. Человек, съевший кусок своего лучшего друга. Пер. с нем. З. Ж<уравской>. // *Всемирная панорама*. 1912. № 161/20, 18 мая.

Ж. Рони-младший. Иная любовь // *Синий журнал*. 1912. № 34, 17 августа.

Ж. Рони-младший. Овечка. Пер. В. К. // *Журнал-копейка*. 1912. № 164/10, март.

М. Свейн. Жизненно // *Огонек*. 1913. № 4, 27 января (9 февраля). Ориг. загл. «Life-Like».

Р. Режи. Необычайное приключение. Пер. Ив. П. // *Журнал-копейка*. 1912. № 193/39, сентябрь.

М. А. де Бове. Женщина с бархатным ухом // *Ежемесячник «Газеты-копейки»*. 1910. № 10, октябрь.

[Б. п.]. Ночь в капище // *Война (прежде, теперь и потом)*. 1916. № 105, сентябрь.

Н. Казанова. Мозг марабута. Пер. М. Ван // *Всемирная панорама*. 1915. № 299/2, 9 января.

Хитченс. Кольцо с изумрудом. Пер. Р. Л. // *Журнал-копейка*. 1911. № 130/27, июль.

Е. Брезоль. Человек со змеями. Пер. Ив. П. //

А. Фульс. Кобра // *Огонек*. 1910. № 21, 22 мая (4 июня).

Л. Буссенар. Сила факира // *Двадцатый век*. 1913. № 3.

Д. Кристалл. Старые боги // *Мир приключений*. 1913. № 11.

Г. де Вер Стэкпул. Тайна моря // *Мир приключений*. 1916. № 1. Ориг. загл. «Problem of the Sea».

У. Х. Ходжсон. Морской конь // *Мир приключений*. 1913. № 9.

Исправление к тому I

Пер. рассказа А. Конан Дойля «Ужас высот» был изначально напечатан в № 1 журн. *Мир приключений* за 1914 г.

Оглавление

У. Фриман. Заклятый дом	6
К. Герульд. Тени будущего	16
[Б. п.]. Портрет	24
Д. Ропс. Странный случай д-ра Овернье	34
П. Милль. Роковая бонбоньерка	49
П. Милль. Аромат	54
П. Милль. Дух Байрона	60
М. Боуэн. Ключ	66
П. Веру. Ужасная месть	72
М. Говард. Кошмар	77
Ж. Сезанн. Последняя ночь	85
П. Лоти. Говядина	90
[Б. п.]. Человек, съевший кусок своего лучшего друга	95
Ж. Рони-младший. Иная любовь	98
Ж. Рони-младший. Овечка	104
М. Свейн. Жизненно	109
Р. Режи. Необычайное приключение	119
М. А. де Бове. Женщина с бархатным ухом	127

[Б. п.]. Ночь в капище	140
Н. Казанова. Мозг марабута	150
Хитченс. Кольцо с изумрудом	156
Е. Брезоль. Человек со змеями	163
А. Фульс. Кобра	168
Л. Буссенар. Сила факира	178
Д. Кристалл. Старые боги	183
Г. де Вер Стэкпул. Тайна моря	194
У. Х. Ходжсон. Морской конь	203
Источники	222

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.